

MIESIĘCZNIK
POŁOCKI.

Tom I
Rok 1818.

№ 4(73), 2025

*«Вестник Полоцкого государственного университета»
продолжает традиции первого в Беларуси литературно-
научного журнала «Месячник Полоцкий».*

ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА Серия D. Экономические и юридические науки

В серии D научно-теоретического журнала публикуются статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области экономики и управления, финансов, денежного обращения и кредита, бухгалтерского учета и статистики, а также юридических наук.

ВЕСНІК ПОЛАЦКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА Серія D. Эканамічныя і юрыдычныя навукі

У серыі D навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаваанне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне эканомікі і кіравання, фінансаў, грашовага абарачэння і крэдыта, бухгалтарскага ўліку і статыстыкі, а таксама юрыдычных навук.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY Series D. Economics and law sciences

Series D of the scientific-theoretical journal includes reviewed articles which contain new scientific results in such fields as economics and management, finance, money circulation and credit, accounting and statistics and also legal sciences.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования.

Электронная версия номера размещена на сайте: <https://journals.psu.by/economics>

Адрес редакции:
Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь
тел. + 375 (214) 59 95 41, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск: Е.Ю. Афанасьева.
Редактор И.Н. Чапкевич.

Подписано к печати 19.12.2025. Бумага офсетная 80 г/м². Формат 60×84^{1/8}. Ризография.
Усл. печ. л. 15,58. Уч.-изд. л. 18,78. Тираж 50 экз. Заказ 534.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 338.2

DOI 10.52928/2070-1632-2025-73-4-2-10

МЕТОДИКА АНАЛИЗА ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ В СФЕРЕ ОБРАЩЕНИЯ С ОТХОДАМИ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИКИ ЗАМКНУТОГО ЦИКЛА

канд. экон. наук., доц. Е.Ю. АФАНАСЬЕВА

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8660-9348>канд. экон. наук, доц. М.В. ПРИМАКОВА, канд. экон. наук И.В. МАТЮШ
(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

В статье представлена методика анализа отходов на основе концепции сбалансированных показателей BSC (balanced scorecard), позволяющая оценить экологическую, экономическую и социальную эффективность обращения с отходами в соответствии со стратегическими задачами развития бизнеса в контексте экономики замкнутого цикла. Информационную основу анализа отходов составляет система бухгалтерского учета отходов по этапам жизненного цикла обращения с ними в разрезе ключевых объектов управления: объем отходов в натуральной и стоимостной оценках, стоимость обращения с отходами (в части фактических затрат на их сбор, накопление, рециклинг и захоронение), доходы, полученные от использования отходов. Управление отходами базируется на разработанной системе экологических, экономических и социальных показателей эффективности функционирования организации и эффективности усилий руководства в сфере обращения с отходами, которая позволит определить степень выполнения стратегических целей устойчивого развития организации. Для общей оценки эффективности обращения с отходами предлагается рассчитывать сводный индекс, основанный на расчете индексов по социальным, экономическим и экологическим показателям. Предлагаемая методика анализа для целей управления отходами позволяет осуществлять планирование, непрерывный мониторинг и контроль выполнения поставленных задач в области ресурсосбережения, активизации процессов рециклинга и минимизации вредного воздействия отходов на экологию и общество.

Ключевые слова: методика анализа, система сбалансированных показателей, стратегия устойчивого развития, управление отходами, оценка эффективности управления, экономика замкнутого цикла.

Введение. В связи с истощением ресурсного потенциала и ухудшением экологического состояния мировой экосистемы особую актуальность приобретает эффективное управление вторичными ресурсами (отходами), обеспечивающее выполнение компаниями трех фундаментальных компонентов устойчивого развития: экологической устойчивости, экономической целесообразности и социальной приемлемости, заложенных в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 г. № 70/1 «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». За последние 15 лет в Республике Беларусь, как и в других странах мира, произошел существенный рост объемов образования отходов, увеличение содержания в отходах компонентов, опасных для здоровья и устойчивых к разложению в природной среде, что связано с радикальными изменениями в характере производства и потребления (таблица 1).

Таблица 1. – Объемы образования и использования отходов за период 2010–2024 гг. в Республике Беларусь¹

Показатель	Единица	2010	2015	2020	2021	2022	2023	2024
Твердые коммунальные отходы (далее – ТКО)								
1 Образование ТКО	1000 т/год	3 689,9	3 734,6	4 070,4	3 970,2	3 994,3	3 982,6	4 263,0
2 Использование ТКО	1000 т/год	328,4	582,6	1 018,7	1 233,0	1 354,1	1 414,3	1 686,7
3 Доля использованных ТКО в общей массе образовавшихся ТКО	%	8,9%	15,6%	25,0%	31,1%	33,9%	35,5%	39,6%
Отходы производства								
4 Образование отходов производства	1000 т/год	43 775,4	49 865,3	61 183,4	62 250,0	39 160,5	50 404,0	55 348,1
5 Использование отходов производства	1000 т/год	13 646,8	12 163,8	21 628,7	18 059,8	17 764,5	16 873,9	17 826,5
6 Доля использованных отходов производства в общей массе образовавшихся отходов производства	%	31,2%	24,4%	35,4%	29,0%	45,4%	33,5%	32,2%

¹ Данные об образовании и использовании отходов в Республике Беларусь – URL: <https://www.belstat.gov.by/>.

При росте городов и увеличении населения накопление отходов к 2050 г. увеличится на 70% и достигнет ежегодных 3,4 млрд т [1]. В Республике Беларусь ежегодно образуется порядка 4 млн. т твердых коммунальных отходов в год и 55 млн. т отходов производства, поэтому вопросы уменьшения их вредного воздействия и вторичного использования предусмотрены на законодательном уровне в Национальном плане действий по развитию «зеленой» экономики Беларуси. На данный момент в Беларуси вопрос утилизации отходов встал на первое место ввиду того, что большая часть отходов страны подвержена захоронению и отправляется на полигон.

Государственная политика Республики Беларусь в области обращения с отходами нацелена на экономику замкнутого цикла – не только на уменьшение вредного воздействия отходов, но и на использование, поскольку отходы содержат ценные компоненты, которые могут применяться как материальные и энергетические вторичные ресурсы. Законом Республики Беларусь от 20 июля 2007 года № 2713 «Об обращении с отходами» закреплён принцип приоритета использования отходов по отношению к их обезвреживанию или захоронению. Благодаря активизации политики рециклинга отходов уровень использования ТКО в республике в 2024 г. достиг 39,6%, а отходов производства – 32,2%. Согласно Стратегии по обращению с отходами производства и потребления использование твердых коммунальных отходов к 2030 г. должно вырасти почти вдвое – до 70%, а уже к 2035 – до 90% и удерживаться далее на этом уровне. Уровень повторного использования в 90% должен быть достигнут практически по всем видам отходов, включая строительные, стекло, бумагу и картон, нефтесодержащие и полимерные и др. [2].

Согласно концепции устойчивого развития система управления отходами должна удовлетворять трем фундаментальным компонентам: экологической устойчивости, экономической целесообразности и социальной приемлемости и быть направлена на минимизацию образования отходов, максимизацию переработки, вторичного использования и экологического захоронения отходов. В связи с этим, целью данной статьи является разработка методики анализа обращения с отходами, которая позволит организациям обеспечить грамотное управление отходами для реализации стратегических целей устойчивого развития. Для этого необходимо выделить целевые ориентиры компании в управлении отходами и в соответствии с ними усовершенствовать объекты управления для достижения экономической, экологической и социальной устойчивости; выработать систему показателей для целей планирования, непрерывного мониторинга и оценки эффективности обращения с отходами на основании оперативной информации.

Основная часть. Впервые термин «интегрированное или комплексное управление отходами» был упомянут в техническом аспекте в 1970-х гг. в трудах Р.У. Мюррея, Р.У. Шиверса, А.Л. Ингельфингер [3]. Вопросам комплексного устойчивого управления отходами в целом посвятили свои труды А. Ван де Клуудерт, Дж. Аншуц, [4], А. Шейнберг, Д. К. Уилсон, Л. Родик [5]. С. Дж. Торп [6], Э. Даскалопулос, О. Бадр и С. Д. Проберт [7] основывали управление отходами на анализе затрат и получении экономических выгод. Вопросы постановки системы управления промышленными отходами в контексте циркулярной (безотходной) экономики, включение их в систему бухгалтерского учета, финансовой отчетности стали объектом исследования многих зарубежных и отечественных авторов, таких как С.Г. Вегера, Е.Б. Малей, И.И. Сапего, О.А. Сушко [8], М. Бартоломео [9], N.V. Pahomova, K.K. Rihter, M.A. Vetrova [10], Р. Х. Грей [11], G. D'Onza, G. Greco, M. Allegrini [12], K. Parajuly [13] и другие. Рассматривая проблемы накопления отходов, ученые [14–16] продолжают совершенствовать методы управления, делая акцент на комплексном управлении. Соответственно, в научной литературе сформировались несколько подходов к управлению отходами: основанный на оценке экономической эффективности; эколого-экономическом эффекте и комплексном устойчивом управлении по множеству параметров (политических, институциональных, социальных, финансовых, экономических и технических).

На сегодняшний день управление отходами базируется на единичных разобщенных экономических или экологических показателях эффективности. Вместе с тем, рассматривая концепцию устойчивого развития и международные стандарты ISO 14 000, следует говорить о необходимости минимизации образования отходов путем внедрения технологий безотходного производства, введения запрета на использование наиболее проблемных отходов, активизации их рециклинга, вторичного использования, утилизации и захоронения с учетом гармонизации экологической, экономической и социальной составляющих.

Таким образом существующая система управления отходами имеет ряд недостатков:

- 1) базируется на показателях, рассчитываемых в целом по организации, без детализации по этапам жизненного цикла отходов, что не позволяет оценить эффективность природоохранных мероприятий и выполнение целевых показателей по обращению с отходами от момента образования до захоронения, тогда как стратегия ЕС по обращению с отходами подразумевает анализ всего жизненного цикла (концепция «от колыбели до могилы»);
- 2) не учитывает данные по отходам в стоимостном выражении и информацию по фактическим затратам организации на каждом этапе жизненного цикла, необходимые для оценки экономического потенциала организации в сфере обращения с отходами, в связи с отсутствием соответствующей информационной базы;
- 3) не увязана со стратегическими целями развития организации.

В связи с этим крайне актуальным и практически значимым вопросом является разработка методики анализа, включающей систему показателей с целевыми количественными и качественными ориентирами на всех этапах жизненного цикла обращения с отходами – от момента их образования до момента удаления (захоронения), способствующая росту экономической эффективности деятельности организаций, снижению экологической нагрузки на окружающую среду и повышению социальной ответственности перед персоналом и обществом.

Несмотря на то, что субъектами управления отходами выступают как юридические лица, так и ИП (как производители отходов) и физические лица, не являющиеся индивидуальными предпринимателями, необходимая информационная база в системе бухгалтерского учета и документооборота отходов формируется только у юридических лиц, поэтому методика оценки эффективности использования отходов будет разработана только для юридических лиц, задействованных в процессах жизненного цикла отходов.

Методика анализа хозяйственной деятельности – это совокупность аналитических способов, последовательность и критерии исследования, обеспечивающие достижение целей и решение задач анализа. В аналитической литературе существуют различные мнения о количестве этапов разработки методики анализа, их названии и содержании. Несмотря на различие в подходах, смысловое содержание порядка построения методики анализа схоже у всех исследователей. Для целей нашей статьи мы будем придерживаться следующих этапов при разработке методики анализа отходов: предварительный, аналитический и рекомендательный (рисунок 1).

Рисунок 1. – Методика анализа отходов

Трехступенчатая методика анализа отходов позволит систематически подойти к анализу отходов и разработать эффективные стратегии их управления.

Проблематика появления отходов в процессе экономической деятельности связана с экологическими, экономическими и социальными последствиями. Экологические проблемы включают загрязнение токсичными веществами почвы, воды, воздуха, изменение ландшафтов в результате уничтожения и захоронения отходов на полигонах. Вместе с тем, с одной стороны возникновение отходов требует высоких затрат как на управление ими (сбор, транспортировку, переработку и захоронение), так и на ликвидацию последствий от загрязнения отходами территорий, а с другой – возникают упущенные экономические выгоды от потери ценных вторичных ресурсов. Токсичные выбросы и загрязнение почвы и воды приводят к росту заболеваемости населения, живущего недалеко от мусорных полигонов, что требует решения и социальных проблем.

С учетом концепции устойчивого развития цель анализа отходов должна удовлетворять трем фундаментальным компонентам: экологической устойчивости, экономической целесообразности и социальной приемлемости и ставить задачами минимизацию образования отходов, максимизацию переработки, вторичного использования и экологического захоронения отходов.

Основой грамотной разработки методики анализа является определение объекта исследования.

Согласно Закону Республики Беларусь от 20.07.2007 г. № 271-З (ред. от 29.12.2023) «Об обращении с отходами» под отходами понимают вещества или предметы, образующиеся в процессе осуществления экономической деятельности, жизнедеятельности человека и не имеющие определенного предназначения по месту их образования либо утратившие свои потребительские свойства (отсутствует возможность использования веществ или предметов, относящихся к продукции, по первоначальному их предназначению).

В зависимости от отраслевой принадлежности источника образования отходов выделяют:

- коммунальные отходы – все отходы потребления, а также отходы производства, включенные в устанавливаемый Министерством жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь перечень отходов производства, относящихся к коммунальным отходам (просроченные продукты питания, зола и шлак и т.д.);
- медицинские отходы – отходы, образующиеся в процессе осуществления медицинской, фармацевтической деятельности;

– отходы производства включают отходы, образующиеся в процессе осуществления субъектами хозяйствования экономической деятельности (производства продукции, производства (выработки) энергии, выполнения работ (оказания услуг)).

Отдельно выделяется группа опасных отходов производства, к которым относятся отходы, содержащие в своем составе вещества, обладающие каким-либо опасным свойством или их совокупностью, в таких количестве и виде, что эти отходы сами по себе либо при вступлении в контакт с другими веществами могут представлять непосредственную или потенциальную опасность причинения вреда окружающей среде, здоровью людей, имуществу вследствие их вредного воздействия. Степень опасности отходов и класс опасности опасных отходов определяются в соответствии с классификатором Республики Беларусь ОКРБ 021-2019 «Классификатор отходов, образующихся в Республике Беларусь». Опасные отходы классифицируются по следующим классам опасности:

- первый класс опасности – чрезвычайно опасные;
- второй класс опасности – высокоопасные;
- третий класс опасности – умеренно опасные;
- четвертый класс опасности – малоопасные.

Вместе с тем, для целей оперативного и эффективного управления отходами недостаточно проводить аналитический мониторинг только на момент образования отходов или их уничтожения (захоронения).

Директивой Европейского союза «2008/98/ЕС» «Об отходах и отмене ряда Директив» (Directive 2008/98/EC, 2008) предусмотрены следующие возможные этапы обращения с отходами – от наиболее приоритетных методов с точки зрения экологической безопасности к наименее приоритетным: от предотвращения образования отходов, уменьшения образования отходов (их минимизация) к повторному использованию и переработке отходов, использованию отходов для восстановления энергии, до сжигания отходов без рекуперации энергии и захоронения отходов.

Изучив различные подходы к выделению этапов жизненного цикла отходов в Республике Беларусь, Российской Федерации, странах Европейского союза, Соединенных Штатах Америки, предложено рассматривать жизненный цикл отходов для построения системы анализа и управления в составе следующих этапов:

- появление отходов (образование отходов в связи с осуществлением экономической деятельности, видовая идентификация отходов, классификация и кодирование, сортировка отходов);
- сбор и/или накопление отходов (осуществляется деятельность по концентрации отходов в местах временного хранения);
- рециклинг отходов (подготовка к использованию отходов, хранение отходов);
- захоронение (уничтожение) отходов (сжигание без рекуперации энергии, захоронение на полигонах, использование отходов для восстановления энергии).

Методика анализа в разрезе выделенных этапов должна основываться на достоверной информационной базе – системе оперативного бухгалтерского учета отходов, в связи с чем рекомендовано организовать аналитический учет с выделением следующих объектов управления:

- объем отходов в натуральных показателях и по справедливой стоимости по видам, классам опасности, местам сбора, накопления, рециклинга, захоронения;
- фактические затраты на сбор, накопление, рециклинг, захоронение отходов;
- доходы от реализации (рециклинга) отходов по видам, классам опасности, местам накопления.

Отражение отходов на этапах жизненного цикла в натуральных показателях и по справедливой стоимости будет способствовать оценке экономического потенциала отходов, снижению рисков по нанесению ущерба окружающей среде. Отдельное отражение в системе бухгалтерского учета фактических затрат на сбор, накопление, рециклинг и захоронение отходов и доходов от реализации и использования отходов будет способствовать оценке эффективности мероприятий по обращению с отходами. Помимо этого, будет обеспечиваться интеграция с системой национальных счетов, что позволит проводить достоверный статистический анализ использования средств на охрану окружающей среды в основных секторах экономики.

Рекомендованные изменения в постановке бухгалтерского учета формируют информационную базу для разработки системы показателей по оценке экологической, экономической и социальной эффективности обращения с отходами в соответствии со стратегическими задачами развития субъектов хозяйствования.

Наиболее известным в мире инструментом измерения эффективности деятельности компании для реализации целей стратегического управления является система сбалансированных показателей (Balanced scorecard, BSC), которая была разработана Р. Капланом и Д. Нортеном в начале 90-х гг. XX в. [17]. Система сбалансированных показателей – концепция управления реализацией стратегии, обеспечивающая целенаправленный мониторинг деятельности предприятия, позволяющая прогнозировать и упреждать появление проблем, органично сочетающая уровни стратегического и оперативного управления, контролирующая наиболее существенные финансовые и нефинансовые показатели деятельности предприятия. Значительный вклад в разработку научных и практических направлений оценки эффективности деятельности предприятий посредством использования системы сбалансированных показателей внесли такие авторы, как Батукова Л.Р., Безрукова Т.Л., Бунимович И.Д., Калмакова Н.А., Крашениникова Т.В., Крылов С.И., Песьякова Т.Н., Друкер П.Ф., Коллас Б., Мертон Р. и др. Главная особенность системы сбалансированных показателей заключается в том, что она ориентирует руководство компании на устойчивое стратегическое развитие, в отличие от традиционного управления, которое, как правило, слишком сосредоточено на финансовых показателях. Система

сбалансированных показателей может дополняться для конкретной организации и должна разрабатываться с учетом производственных условий и стратегических задач. Соответственно, показатели для оценки эффективности компании, которые включаются в Balanced Scorecard, зависят от её целевых ориентиров.

Система показателей для анализа обращения с отходами должна учитывать как специфику жизненного цикла, так и усилия руководства по реализации мер, направленных на выполнение стратегических целей устойчивого развития. В подтверждении этому стандарт ISO 14031 для оценки экологической эффективности выделяет две группы показателей:

- 1) показатели эффективности менеджмента – дают информацию о действиях менеджмента, которые принимаются с целью воздействия на экологическую эффективность организации;
- 2) показатели эффективности функционирования – информируют об экологической эффективности функционирования организации в зависимости от специфики производственного процесса.

Деление показателей эффективности на зависящие от функционирования организации и усилий руководства представляется рациональным и может быть использовано для оценки не только экологической, но и экономической и социальной эффективности.

Поскольку отходы могут признаваться видом ресурсов (вторичный ресурс) или как затратами предприятия, в методику анализа отходов, возникающих в процессе экономической деятельности, включим следующие направления, характерные для анализа ресурсов и затрат:

- расчет показателей динамики и выполнения плана;
- расчет показателей структуры;
- расчет показателей эффективности.

Изучив имеющиеся методики по анализу отходов, нами была разработана система экологических, экономических и социальных показателей (коэффициентов) для оценки эффективности обращения с отходами организации в разрезе этапов жизненного цикла отходов, которая позволит определить степень выполнения стратегических целей устойчивого развития организации (таблица 2).

В основу предлагаемой методики положен многомерный сравнительный анализ. Для общей оценки эффективности обращения с отходами предлагаем рассчитывать сводный индекс, основанный на расчете индексов по каждому виду показателей из таблицы 2: социальным, экономическим, экологическим. При расчете каждой из составляющей сводного индекса эффективности, прежде всего, нужно установить минимальное и максимальное значения показателей (коэффициентов), исходя из нормативов по видам экономической деятельности, с которыми будут сравниваться фактические результаты.

Методика определения сводного индекса эффективности представлена в таблице 3.

Таблица 3. – Методика определения сводного индекса эффективности обращения с отходами

Этап анализа	Формула расчета	Пояснение
1) расчет индексов эффективности обращения с отходами по каждому показателю (коэффициенту) для приведения их к относительным значениям и единой шкале измерений		
– если улучшение динамики анализируемого показателя выражается в его росте	$I_i = \frac{F_i - \min_i}{\max_i - \min_i}$	где: I_i – индекс по отдельному показателю (коэффициенту); F_i – фактическое значение показателя (коэффициента); \min_i – минимальное значение показателя (коэффициента); \max_i – максимальное значение показателя (коэффициента)
– если улучшение анализируемого показателя выражается в его снижении	$I_i = \frac{\max_i - F_i}{\max_i - \min_i}$	
2) определение индексов социальной (I_s), экономической (I_e), экологической (I_{ec}) эффективности обращения с отходами	$I_x = \sum I_i$	где: I_i – индекс по отдельному показателю (коэффициенту) экологического, экономического или социального направления; I_x – индекс экологической (экономической, социальной) эффективности обращения с отходами
3) сравнение индексов социальной, экономической, экологической эффективности с целью определения, какое направление развивается более эффективно: если выше индекс экологической эффективности, то обращение с отходами нацелено на реализацию принципов «зеленой экономики», в том числе с низким экономическим эффектом; если выше индекс экономической эффективности, – в организации больше внимание уделяется эффективному использованию ресурсов и т.д.		
4) расчет сводного индекса эффективности обращения с отходами (I_y) как обобщающего показателя с помощью средней геометрической индексов социальной, экономической, экологической эффективности	$I_y = \sqrt[3]{I_{ec} \times I_e \times I_s}$	где: I_{ec} – индекс экологической эффективности обращения с отходами; I_e – индекс экономической эффективности обращения с отходами; I_s – индекс социальной эффективности обращения с отходами

Таблица 2. – Предлагаемая система показателей для анализа эффективности обращения с отходами организациями

Показатель		Характеристика
I. Анализ эффективности функционирования организации в сфере обращения с отходами		
<i>1) Расчет показателей динамики</i>		
Показатели динамики образования (реализации, захоронения) отходов производства (по видам отходов, по классам опасности отходов, по местам возникновения), в натуральном выражении	Отражают изменение объемов отходов в натуральном выражении в отчетном периоде по сравнению с базисным периодом на различных этапах жизненного цикла отходов (образование, реализация, захоронение). Преводится по видам отходов, по классам опасности, по местам возникновения.	
– Абсолютное отклонение.	Если отходы учитываются в разных натуральных показателях (штуки, тонны, м ³ и др.), анализ динамики в целом по типу жизненного цикла (месту возникновения, организации) возможен только в натуральных единицах массы.	
– Коэффициент роста.	Рост показателей динамики отходов в натуральном выражении на этапе образования или захоронения отражает снижение эффективности процессов обращения с отходами. Рост показателей динамики отходов в натуральном выражении на этапе реализации отражает улучшение эффективности процессов обращения с отходами.	
– Коэффициент прироста	Отражает изменение объемов отходов в стоимостном выражении в отчетном периоде по сравнению с базисным периодом на различных этапах жизненного цикла отходов (образование, реализация, захоронение). Преводится по видам отходов, по классам опасности отходов, по местам возникновения. Стоимостная оценка отходов устанавливается в текущих рыночных ценах. На этапе захоронения biomass отходов оценивается по справедливой стоимости.	
	Рост показателей динамики отходов в стоимостном выражении на этапе образования отражает снижение эффективности процессов производства. Рост показателей динамики отходов в стоимостном выражении на этапе реализации отражает улучшение эффективности обращения с отходами.	
<i>2) Расчет показателей структуры</i>		
Показатели структуры образования, использования, обезвреживания и захоронения отходов (по видам отходов, классам опасности отходов, местам возникновения), в натуральном выражении	Отражают структуру и изменения структуры отходов производства в натуральном выражении на различных этапах жизненного цикла отходов (образование, реализация, захоронение). Преводится по видам отходов, классам опасности отходов, местам возникновения. Рост доли отходов I – IV классов опасности приводит к снижению экологической эффективности обращения с отходами.	
– Доля отходов I-го вида (класс опасности, места возникновения).	Отражает, какая часть отходов в натуральном выражении утилизируется (обезвреживается, захороняется) из общего объема отходов. Рост доли утилизации (обезвреживания) отходов указывает на повышение экологической эффективности деятельности организации.	
– Доля отходов II-го вида (класс опасности, места возникновения).	Рост доли захоронения отходов указывает на снижение экологической эффективности деятельности организации.	
– Доля отходов III-го вида (класс опасности, места возникновения).	Отражают структуру и изменения структуры отходов в стоимостном выражении на различных этапах жизненного цикла отходов (образование, реализация, захоронение). Преводится по видам отходов, классам опасности отходов, местам возникновения.	
– Доля отходов IV-го вида (класс опасности, места возникновения).	Рост доли отходов IV-го вида на этапе образования указывает на снижение эффективности политики сокращения образования отходов.	
– Структурные сдвиги отходов I-го вида (класс опасности, места возникновения).	Рост доли отходов I-го вида на этапе реализации указывает на повышение эффективности политики вторичного использования отходов.	
Доли отходов в стоимостном выражении (по видам отходов, классам опасности отходов, местам возникновения), возмещаемых во вторичный оборот, в объеме образовавшихся отходов	Отражает, какая часть отходов в стоимостном выражении возмещается в повторное использование из общего объема отходов. Рост показателя указывает на повышение экологической эффективности производства. Значение показателя должно стремиться к единице.	
<i>3) Расчет показателей эффективности использования отходов</i>		
Коэффициент регенерации отходов	Отражает, какая часть отходов в натуральном выражении возмещается в повторное использование из общего объема отходов. Рост показателя указывает на повышение экологической эффективности производства. Значения показателя должны стремиться к единице.	
Ресурсообеспеченность	Ресурсообеспеченность характеризует соотношение запасов используемых ресурсов газобойного ресурса и объема их использования. Расчет ресурсообеспеченности необходим для определения потребности в дополнительных ресурсах.	
Коэффициент энергетической ценности топлива	Чем выше показатель, тем больше срок, на который должно хватить запасов газобойного ресурса.	
Отходоёмкость	Отражает выход газобойного ресурса в натуральном выражении с 1 м ³ biomass отходов.	
Коэффициент экономической ценности топлива	Чем выше показатель, тем выше энергетическая ценность топлива.	
Коэффициент экономической ценности топлива	Отражает сколько рублей стоимости отходов приходится на 1 рубль оказанных услуг (выполненных работ), по которым образовались отходы.	
Коэффициент экономической ценности топлива	Рост показателя характеризует снижение экономической эффективности производственных процессов.	
Коэффициент экономической ценности топлива	Отражает выход газобойного ресурса в рыночных ценах с 1 м ³ biomass отходов. Чем выше показатель, тем выше экономическая ценность топлива.	
Коэффициент вреда для персонала	Отражает, каковы массы вредных веществ приходится на 1 рабочего. Рост показателя отражает увеличение вредного воздействия на персонал предприятия и снижение социальной эффективности обращения с отходами.	
Коэффициент вредной нагрузки отходов на общество	Отражает, какой объем вредных отходов, подлежащих захоронению, приходится на 1 загл. района. Рост показателя отражает увеличение вредного воздействия на общество и снижение эффективности использования отходов.	

Окончание таблицы 2.

II. Анализ эффективности менеджмента в сфере обращения с отходами	
1) Расчет показателей анализа и выделения затрат	
Процент соответствия плану (нормативу) по объему образованных (использованных, реализованных, захороненных) отходов	Управление в сфере обращения с отходами будет эффективным, если процент соответствия плану не будет превышать 100% по объему образованных и захороненных отходов и будет выполнено на 100% по объему использованных, реализованных отходов
Процент выполнения плана по количеству мероприятий, направленных на защиту персонала от вредного воздействия отходов	Отражает выполнение плана по мероприятиям, направленным на защиту персонала от вредного воздействия отходов. Чем ближе результат к 100%, тем выше социальная эффективность системы управления отходами
Показатели динамики затрат на обращение с отходами (по видам отходов, классам опасности, этапам обращения): – Абсолютное отклонение, руб. – Коэффициент роста. – Коэффициент прироста	Отражают изменение объемов затрат на обращение с отходами в отчетном периоде по сравнению с базовым периодом. Проводится в целом по организации, по этапам жизненного цикла отходов (сбора, реализации, захоронения), видам отходов, классам опасности отходов, местам затрат. Рост затрат на обращение с промышленными отходами на этапах образования, сбора, захоронения указывает на ухудшение эффективности управления в сфере обращения с отходами. Рост затрат на обращение с промышленными отходами на этапе реализации указывает на активную деятельность в сфере переработки отходов.
2) Расчет показателей структуры	
Показатели структуры затрат на обращение с отходами (по видам отходов, классам опасности, этапам обращения): – Доля затрат (по видам затрат) в общих затратах на обращение с промышленными отходами; – Структурные единицы затрат на обращение (по видам затрат)	Отражает структуру и изменения в структуре затрат на обращение с отходами. Проводится в целом по организации, по этапам жизненного цикла отходов (сбора, реализации, захоронения), по видам отходов, классам опасности отходов, местам возникновения, в разрезе видов затрат
Доли подразделений организации, по которым достигнуто соответствие установленным экологическим целям и плановым показателям по образованию (сбору, реализации, реализации, захоронению) отходов	Отражение количества подразделений, выполнявших плановые показатели, к общему количеству подразделений, которым были установлены целевые показатели. Значение показателя при эффективном управлении должно стремиться к единице
Уровень квалификации персонала при обращении с отходами	Отражает долю сотрудников, прошедших обучение по организации труда при обращении с отходами
3) Расчет показателей эффективности управления	
Степень интенсивности обращения с отходами	Отражает, какую часть в расходах на окружающую среду составляют затраты на обращение с отходами. Рост показателя указывает на активное взаимодействие по обращению с отходами
Эффективность внедрения природоохранных мероприятий, направленных на предотвращение загрязнений отходами	Отношение годового эффекта от обращения с отходами производства к сумме затрат на обращение с отходами. Чем выше данный показатель, тем эффективнее были проведены природоохранные мероприятия по предотвращению (снижению) загрязнений отходами Величина годового экономического ущерба от обращения с отходами производства – это изменение валового экологического налога под влиянием годового ущерба. В случае изменения ставки экологического налога влияние этого фактора должно быть аннулировано. Если экологический налог вырос, то эффект обращения с отходами является отрицательным. Доходы от реализации отходов могут быть определены в стоимостной оценке продукции, полученной от реализации
Удельные затраты на обращение с отходами (по видам отходов, по классам опасности отходов, по местам возникновения)	Отражает сумму затрат по обращению с отходами, приходящуюся на единицу отходов в натуральном выражении I-го вида (класса опасности, места возникновения) на этапе образования. Рост показателя характеризует увеличение стоимости обращения с отходами отдельного I-го вида (класса опасности, места возникновения) и указывает на рост интенсивности операций с отходами
Индергаемость отходов	Отражает сумму затрат по обращению с отходами, приходящуюся на единицу отходов в стоимостном выражении I-го вида (класса опасности, места возникновения) на этапе образования. Рост показателя характеризует увеличение стоимости обращения с отходами отдельного I-го вида (класса опасности, места возникновения) и указывает на рост интенсивности операций с отходами
Коэффициент оборачиваемости отходов, обороты	Отражает количество оборотов отходов, подлежащих реализации. Рост коэффициента указывает на ускорение процессов обращения с отходами
Продолжительность оборота отходов, дни	Отражает длительность оборота отходов в организации. Снижение показателя указывает на ускорение процессов обращения с отходами
Рентабельность вторичного использования отходов, %	Отражает эффективность реализации I-го вида отходов. Чем выше показатель, тем эффективнее подготавливать I-й вид отходов вторичному использованию. Если в результате переработки доходы от вторичного использования выше, чем затраты на переработку, то рентабельность I-го вида отходов экономически целесообразна
Коэффициент натурной отходоутилизации на 1 заглавие региона	Отражает, какой объем образованных отходов, приходящих на 1 заглавие региона. Рост показателя отрицает снижение эффективности работ в сфере стратегии сокращения отходов

Сводный индекс эффективности обращения с отходами будет фиксировать уровень эффективности обращения с отходами организации и может применяться для сравнения деятельности разных организаций, работающих в различных условиях и по-разному выполняющих свои задачи.

После завершения аналитического этапа методики анализа отходов организация должна разработать мероприятия по устранению недостатков в деятельности организации или в системе управления обращения с отходами (рекомендательный этап). В качестве таковых можно выделить следующие:

- уменьшение образования отходов на каждом этапе производства посредством бережливого производства, использования материалов с наименьшим количеством образования отходов, проектирования производства более долговечной продукции;
- внедрение системы сортировки отходов на разных этапах производства для облегчения их последующей переработки и утилизации;
- исследование возможностей внутреннего рециклинга отходов и использования вторичного сырья в производстве;
- оценка различных методов утилизации и выбор наиболее эффективных и экологически безопасных;
- оптимизация логистики вывозки отходов для снижения затрат и повышения скорости обработки;
- обучение персонала по вопросам экологической безопасности и управления отходами.

Заключение. Подводя итог, следует отметить, что в связи с ежегодным ростом образования отходов по всему миру и ухудшением экологического состояния экосистемы, особую актуальность приобретает аспекты эффективного управления обращения с отходами, обеспечивающее выполнение компаниями трех фундаментальных компонентов устойчивого развития: экологической устойчивости, экономической целесообразности и социальной приемлемости.

Результатом данного исследования стала разработанная методика анализа эффективности обращения с отходами по этапам их жизненного цикла для целей управления, которая:

- 1) базируется на усовершенствованной информационной базе в системе бухгалтерского учета, позволяющей формировать данные о справедливой стоимости отходов и фактических затратах на обращение с ними в разрезе этапов обращения с отходами: образования, сбора (накопления), рециклинга и захоронения;
- 2) включает систему экологических, экономических и социальных показателей (коэффициентов) эффективности функционирования организации и эффективности менеджмента в сфере обращения с отходами, выстроенных в соответствии с концепцией Balanced Scorecard и целевыми приоритетами развития компаний;
- 3) увязана со стратегическими задачами бизнеса в области обращения с отходами, определяемыми концепцией устойчивого развития экономики.

Система управления отходами, базирующаяся на разработанных нами аналитических показателях эффективности функционирования организации и эффективности работы руководства, которые соответствуют стратегическим целям устойчивого развития в разрезе этапов обращения с отходами, позволяет осуществлять планирование, непрерывный мониторинг и контроль за выполнением поставленных задач в области ресурсосбережения, активизации процессов рециклинга и минимизации вредного воздействия отходов на экологию и общество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ночевка Ф. Всемирный банк: к 2050 году количество мусора в мире вырастет на 70% // Коммерсантъ. – 2018. – URL: <https://mavupravo.com/news/view/vsemirnyi-bank-k-2050-godu-kolichestvo-musora-v-mire-vyrastet-na-70-a30232/>.
2. Друк М. Подходы к сбору и переработке вторсырья в Беларуси меняются: какие решения приняты и что предстоит сделать // Газета «Рэспубліка». – 2026. – URL: <https://www.sb.by/articles/vzyat-iz-resursa-maksimum.html?ysclid=mj66a4ptfg522589019>.
3. Integrated Waste Management. Water System Using Radioisotopes for Thermal Energy / R. W. Murray, R. W. Shivers, A. L. Ingelfinger and C. A. Metzger. – 1971. – URL: <https://ntrs.nasa.gov/citations/19710055674>.
4. Van de Klundert A., Anshu" tz J. Integrated Sustainable Waste Management. – WASTE.: Gouda, the Netherlands, 2001. – 44 p.
5. Scheinberg A., Wilson D. C. and Rodic L (eds). Solid Waste Management in the World's Cite. – 2010. – Earthscan for UN-Habitat.: London, UK. – URL: https://www.eawag.ch/fileadmin/Domain1/Abteilungen/sandec/E-Learning/Moocs/Solid_Waste/W5/Solid_Waste_Management_World_cities_2010.pdf.
6. Thorpe S. G. Integrated solid waste management: a framework for analysis // Journal of Environmental Systems. – 2001. – № 28(2). – P. 91–105.
7. Daskalopoulos E., Badr O. and Probert S. D. An integrated approach to municipal solid waste management // Resources Conservation and Recycling. – 1998. – № 24(1). – P. 33–50.
8. Information support of the circular economy: the objects of accounting at recycling technological cycle stages of industrial waste / S. Vegera, A. Malei, I. Sapeha, V. Sushko // Entrepreneurship and Sustainability. – 2018. – Iss. 6(1). – P.190-210.
9. Bartolomeo M. Environmental management accounting in Europe: current practice and future potential // European Accounting Review. – 2000. – Vol. 9. – P. 31–52.
10. Pahomova N. V., Rihter K. K. & Vetrova M. A. Transition to the circular economy and the closed chain of supply as a factor for sustainable development // Bulletin of St. Petersburg State University. Economy. – 2017. – № 33(2). – P. 244–268.
11. Gray R. H. Environmental accounting, managerialism and sustainability: is the planet safe in the hands of business and accounting // Advances in Environmental Accounting and Management. – 2000. – Vol. 1. – P. 1–44.
12. D'Onza G., Greco G., Allegrini M. Full Cost Accounting in the Analysis of Separated Waste Collection Efficiency: A Methodological Proposal. Retrieved. – 2016. – URL:

- <https://books.google.by/books?id=lsAstAEACAAJ&dq=waste+cost+accounting&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwj2t7q8utzaAhVKaFAKHfnOBFo4ChDoAQg5MAM>.
13. Parajuly K. Circular Economy in E-waste Management: Resource Recovery and Design for End-of-Life. Retrieved – 2017. – URL: https://books.google.by/books?id=Ys2XtAEACAAJ&dq=circular+economy&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwi_6MLhsNzaAhXGL1AKHaSUDQc4HhDoAQhhMAk.
 14. Соколов Л.И. Управление отходами (Waste management): учеб. пособие. – Вологда: Инфра-Инженерия, 2018. – 208 с.
 15. Латыпова М.В. Анализ развития системы обращения с твердыми отходами в России: проблемы и перспективы с учетом европейского опыта // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2018. – Т. 14, № 4. – С. 741–758.
 16. Лихачева О.И., Советов П.М. Методологические аспекты управления сферой обращения с твердыми бытовыми отходами // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т.10. №4. – С. 111–127. DOI: 10.15838/esc/2017.4.52.6.
 17. Kaplan R., Norton D. Balanced system of indicators. from strategy to action. – 1996. – URL: <https://pqm-online.com/assets/files/lib/books/norton1.pdf>

Поступила 28.11.2025

A METHODOLOGY FOR ANALYZING THE EFFICIENCY OF WASTE MANAGEMENT ORGANIZATIONS WITHIN THE CIRCULAR ECONOMY FRAMEWORK

K. AFANASEVA, M. PRIMAKOVA, I. MATYUSH
(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

This article develops a waste analysis methodology based on the Balanced Scorecard (BSC) concept, designed to assess the environmental, economic, and social efficiency of waste management in alignment with strategic business development goals within the circular economy context. The information foundation for waste analysis is an accounting system for waste throughout its lifecycle, broken down by key management objects: waste volume in physical and monetary terms, the cost of waste management (including actual expenses for collection, accumulation, recycling, and land-filling), and income derived from waste utilization. Waste management is based on a developed system of environmental, economic, and social performance indicators that evaluate both the organization's operational efficiency and the effectiveness of its management efforts in waste handling. This system enables the assessment of progress toward the organization's strategic sustainable development goals. To provide an overall evaluation of waste management efficiency, the calculation of a composite index based on social, economic, and environmental sub-indices is proposed. The proposed analytical methodology for waste management purposes facilitates the planning, continuous monitoring, and control of tasks related to resource conservation, enhancing recycling processes, and minimizing the harmful impact of waste on the environment and society.

Keywords: *analysis methodology, balanced scorecard (BSC), sustainable development strategy, waste management, management efficiency assessment, circular economy.*

УДК 311.362.122(467)

DOI 10.52928/2070-1632-2025-73-4-11-17

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К КОМПЛЕКСНОМУ АНАЛИЗУ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛЕСНЫХ РЕСУРСОВ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

А.С. БУТРИМ*(Белорусский государственный экономический университет, Минск)*

Во вводной части статьи аргументируется актуальность необходимости разработки системы методик, позволяющей осуществлять комплексный, многовекторный анализ эффективности функционирования лесохозяйственной отрасли Республики Беларусь, учитывающий как экономические, так и экологические аспекты использования лесных ресурсов. В основном разделе статьи приводятся алгоритмы расчёта отдельных разработанных автором показателей эффективности функционирования лесной отрасли, анализируется их динамика в Республике Беларусь. В частности, анализируется взаимосвязь показателей эколого-экономической эффективности, влияние на их динамику существенных экзогенных факторов, приводится авторский подход для сглаживания уровней ряда динамики от влияния специфических факторов с целью формирования объективной оценки эффективности лесопользования. В заключении автором делается вывод о необходимости комплексного подхода к анализу использования лесных ресурсов, приводится краткая характеристика разработанных методологических подходов.

Ключевые слова: лесные ресурсы, эффективность использования лесных ресурсов, природопользование, эколого-экономическая эффективность.

Введение. В Республике Беларусь леса являются одним из основных возобновляемых природных ресурсов и важнейших национальных богатств. Леса и лесные ресурсы имеют большое значение для устойчивого социально-экономического развития страны, обеспечения её экономической, энергетической, экологической и продовольственной безопасности. По ряду ключевых показателей, характеризующих лесной фонд (лесистость территории, площадь лесов и запас растущей древесины в пересчёте на одного жителя), Беларусь входит в первую десятку лесных государств Европы. Лесное хозяйство – отрасль экономики, задачами которой являются обеспечение охраны, защиты и воспроизводства лесов, рационального (устойчивого) использования лесных ресурсов, сохранения и усиления средообразующих, водоохраных, защитных, санитарно-гигиенических, рекреационных и иных функций лесов, а также обеспечение потребителей лесной продукцией. Лесное хозяйство Беларуси, успешно реализуя принципы неистощающего многоцелевого лесопользования, имеет важное значение для стабильного функционирования лесного сектора страны. Его экономическая, экологическая и социальная роли неуклонно возрастают. Все это дает основания говорить, что в современных условиях лесное хозяйство из традиционно сырьевой отрасли превращается в инфраструктурную, одну из ключевых в народнохозяйственном комплексе.

Как подвид экономической деятельности, лесное хозяйство обладает сложной внутренней организацией. Его основу составляет лесохозяйственное производство, которое обеспечивает лесовозобновление и выращивание лесов до возраста главного пользования. Завершает процесс воспроизводства в отрасли лесозаготовительное производство, в задачи которого входят рубка леса с целью получения круглых лесоматериалов и их первичная транспортировка. С учётом многовекторной структуры лесного хозяйства анализ эффективности использования лесных ресурсов и функционирования лесной отрасли в целом требует комплексного подхода, позволяющего произвести оценки ресурсной эффективности как с экономической, так и с экологической точек зрения.

Основная часть. Основным лесфондодержателем в республике является Министерство лесного хозяйства, на долю которого приходится 89% земель лесного фонда. В его составе функционирует 98 лесохозяйственных предприятий (лесхозов), которые ведут хозяйство на основе индивидуальных лесоустроительных проектов. Остальные леса (11%) находятся во владении и пользовании сельскохозяйственных предприятий, военных частей, научных и учебных заведений. Необходимо отметить, что именно Министерство лесного хозяйства является органом государственного управления, уполномоченным на проведение единой государственной политики в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов.

Мировой и отечественный опыт учит, что, при соблюдении определенных правил пользования и воспроизводства лесов, их ресурсы практически неисчерпаемы. Норма лесопользования определяется расчетной лесосекой, которая гарантирует возобновляемость лесных ресурсов как источника получения древесины и других продуктов леса. Принцип непрерывности, возобновляемости и относительной равномерности пользования лесом стал основным в научно организованном, то есть устойчивом ведении лесного хозяйства.

В таблице 1 представлены основные показатели, характеризующие состояние лесного фонда Республики Беларусь в различные периоды времени. Проанализировав данные, приведенные в таблице 1, можно сделать вывод, что с 1994 г. улучшились основные количественные и качественные показатели лесов:

- общая площадь земель лесного фонда увеличилась на 1048,3 тыс. га;
- лесистость территории Республики Беларусь достигла 40,2% [1, с. 15], увеличившись за рассматриваемый период на 4,7 п.п.;

- общий запас древесины на корню увеличился на 845,6 млн. м³ и составил 1938,8 млн. м³;
- средний возраст насаждений увеличился с 44 до 58 лет.

Таблица 1. – Показатели состояния лесного фонда Республики Беларусь в 1994, 2001, 2010, 2018, 2024 гг.

Показатель	1994 г.	2001 г.	2010 г.	2018 г.	2024 г.
1. Общая площадь земель лесного фонда, тыс.га	8676,1	9247,5	9416,6	9582,0	9724,4
в том числе:					
1.1 лесные земли, %	89,6	89,4	91,3	91,0	92,2
1.2 покрытые лесом земли, %	85,0	85,0	85,0	86,2	85,9
из них:					
1.2.1 спелые и перестойные, %	4,7	7,9	10,1	14,7	21,3
2. Лесистость, %	35,5	37,8	38,5	39,8	40,2
3.Общий запас насаждений, млн. м ³	1093,2	1339,9	1566,1	1796,0	1938,8
4.Средний запас насаждений, м ³ /га	148	171	196	217	232
в том числе:					
4.1 спелых и перестойных, м ³ /га	213	220	244	267	285
5. Средний возраст, лет	44	48	52	56	58

Источник: составлено по данным РУП «Белгослес».

На рисунке 1 приведены данные по динамике валовой добавленной стоимости (ВДС) секции «Лесоводство и лесозаготовки» по Республике Беларусь за 2015–2023 гг. Объем ВДС вида экономической деятельности 02 «Лесоводство и лесозаготовки» за период с 2015 по 2023 гг. в сопоставимых ценах увеличился на 4,9% и по итогам 2023 г. составил 1 315,8 млн. руб. В структуре ВДС по указанному виду экономической деятельности по состоянию на 2023 г. 66,3% объема приходится на подсекцию «Лесоводство» и 33,7% – на «Лесозаготовки».

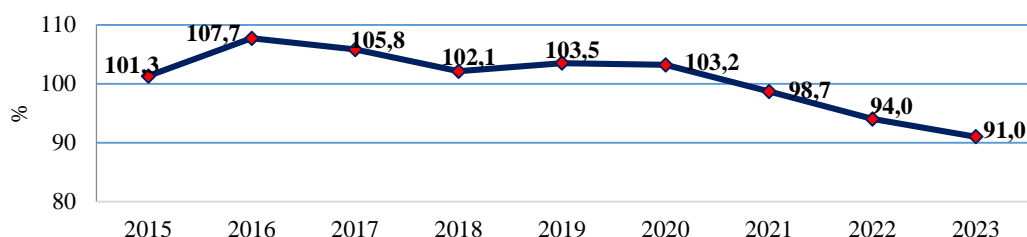

Рисунок 1. – Динамика ВДС секции «Лесоводство и лесозаготовки» по Республике Беларусь за 2015–2023 гг. (в сопоставимых ценах, в процентах к предыдущему году)

С целью сбережения и приумножения лесных ресурсов лесохозяйственная отрасль нуждается в грамотном и постоянном контроле. Основой для построения информационной базы о деятельности лесного хозяйства Республики Беларусь является годовая форма государственной статистической отчетности 1-отпуск древесины (Минлесхоз) «Отчет об отпуске древесины, мерах ухода за лесом, заготовке живицы и древесных соков», последняя редакция которой утверждена Постановлением Национального статистического комитета Республики Беларусь 10.10.2018 г. № 102. Уполномоченным государственным органом на сбор указанного отчета является Министерство лесного хозяйства Республики Беларусь. В указанной форме нецентрализованного государственного статистического наблюдения приводятся данные о площадях рубок и объеме заготовленной ликвидной и деловой древесины в разрезе назначения рубок (главное пользование, промежуточные рубки, прочие рубки), породной структуры заготовленной древесины (хвойная, твердолиственная), сортиментной структуры.

Одним из показателей эффективности использования лесных ресурсов является объем заготовки ликвидной древесины с 1 гектара рубок всех типов (P). Ликвидная древесина включает в себя деловую древесину и дрова. [2, с. 176]. На уровень данного показателя эффективности оказывают прямое воздействие качество лесонасаждений, грамотность осуществления лесоустроительных мероприятий, уровень оснащенности лесохозяйственных учреждений современной техникой, внедрение инновационных технологий учета лесной продукции. Расчет указанного показателя осуществляется по следующей формуле:

$$P = \frac{\text{Объем заготовленной ликвидной древесины}}{\text{Площадь рубок всех типов}}. \quad (1)$$

Ещё одним немаловажным показателем эффективности ведения лесного хозяйства является доля деловой древесины в общем объеме заготовленной ликвидной древесины. Деловая древесина – группа лесных материалов, вырабатываемых из древесины для нужд производства и населения в круглом виде или в виде сырья для дальнейшей обработки и химической переработки. Деловая древесина включает все сортименты, кроме дров, используемых для отопления, а именно: пиловочное бревно, фанерное бревно, балансы, сырье древесное технологическое и прочие виды.

На уровень данного показателя оказывают влияние как развитие технологий в области лесозаготовки, так и контроль со стороны уполномоченных государственных органов за соблюдением порядка заготовки древесины, учёта заготовленных лесоматериалов, внедрение электронной системы учёта древесины. Расчёт указанных показателей технологической эффективности приведен в таблице 2 и представлен в графическом виде на рисунках 2 и 4. Рассмотрев рисунок 2, на котором приведен график динамики объема заготовки ликвидной древесины с 1 га рубок всех типов в 2000–2024 гг., можно отметить, что в указанном периоде наблюдается тенденция к увеличению выхода заготовленной ликвидной древесины с 1 га рубок. Абсолютные значения крайних точек ряда динамики в 2000 и 2024 годах составляют 26,0 и 81,9 м³/га, соответственно.

Таким образом, при первичном анализе можно сделать вывод, что в абсолютном выражении прирост рассматриваемого показателя технологической эффективности составил 55,9 м³/га. Однако на графике наблюдаются 3 волнообразных цикла «подъем – спад» продолжительностью 3–4 года и один период резкого роста показателя (2023–2024 гг.). Именно в подобный цикл и попадает одна из крайних точек ряда динамики (2024 г.), что не позволяет качественно и достоверно оценить темп роста изучаемого показателя.

Таблица 2. – Расчёт показателей эффективности ведения лесного хозяйства в Республике Беларусь в 2000–2024 гг.

Год	Объем заготовки ликвидной древесины, тыс. м ³	Общая площадь рубок, тыс. га	Р, м ³ /га	Объем заготовки деловой древесины, м ³	Доля деловой древесины в общем объеме заготовленной ликвидной, %
2000	10 786,8	415	26,0	5826,9	54,0
2001	11 519,9	425	27,1	6187,0	53,7
2002	12 924,1	404	32,0	6980,2	54,0
2003	14 933,7	403	37,1	8058,4	54,0
2004	15 530,4	407	38,2	8625,6	55,5
2005	14 108,9	439	32,1	7991,0	56,6
2006	13 498,6	450	30,0	7559,2	56,0
2007	14 922,8	517	28,9	8403,9	56,3
2008	15 053,7	488	30,8	8524,3	56,6
2009	13 217,5	403	32,8	7595,8	57,5
2010	15 472,6	462	33,5	9279,5	60,0
2011	17 669,6	578	30,6	10109,5	57,2
2012	18 059,1	545	33,1	10620,3	58,8
2013	18 521,4	535	34,6	10888,6	58,8
2014	19 550,2	524	37,3	11294,0	57,8
2015	18 472,4	467	39,6	11193,4	60,6
2016	21 071,1	487	43,3	12632,3	60,0
2017	23 801,0	451	52,8	14122,1	59,3
2018	28 590,0	499	57,3	16233,7	56,8
2019	26 996,3	489	55,2	15962,1	59,1
2020	27 049,2	504	53,7	16991,5	62,8
2021	27 385,8	494	55,4	17088,4	62,4
2022	25 693,8	511	50,3	14463,9	56,3
2023	21 880,8	338	64,7	13077,7	59,8
2024	23 252,4	284	81,9	14108,4	60,7

Источник: составлено по данным РУП «Белгослес».

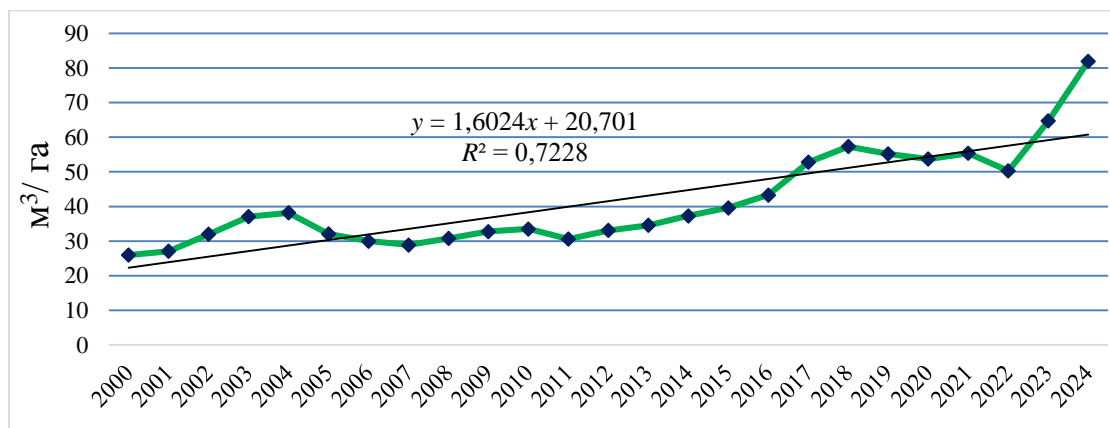

Рисунок.2 – Динамика объема заготовки ликвидной древесины с 1 га рубок всех типов в Республике Беларусь за период 2000 – 2024 гг. (в м³/га)

Примечание – использованы данные таблицы 2.

Указанные циклы обусловлены проведением обширных сплошных санитарных рубок, вызванных необходимостью борьбы с очагами лесных болезней, в 2023–2024 гг. сплошные санитарные рубки проводились с целью разбора буреломов, нанёсших серьёзный ущерб лесному хозяйству страны. Начиная с 2016 г. серьёзной проблемой для лесного хозяйства Беларуси стали очаги поражения лесного фонда жуком-короедом, вызванные дефицитом атмосферных осадков на территории страны в зимнее время, по причине которого значительно снизился уровень грунтовых вод. Из-за аномально низкого уровня грунтовых вод деревья не смогли получать полноценного питания, что сказалось на их способности вырабатывать смолы, которые являются естественным механизмом защиты от насекомых-вредителей.

С целью формирования скорректированного (сглаженного) от влияния экзогенных факторов ряда динамики и краткосрочного прогнозирования была применена адаптивная модель Брауна [3, с. 93]. Согласно схеме скользящего среднего оценкой текущего уровня (наблюдения) является взвешенное среднее всех предшествующих уровней, причём вес (множитель), который отражает информационную ценность наблюдения, тем больше, чем ближе оно находится к текущему уровню. Такие модели хорошо отражают тенденцию, но не позволяют отражать колебания, например, сезонные:

$$\hat{y}_{t+\tau} = \alpha y_t + (1-\alpha)\hat{y}_t, \hat{y}_0 = y_0, \quad 0 < \alpha < 1, \quad (2)$$

где $\hat{y}_{t+\tau}$ – прогнозный (теоретический) уровень динамического ряда;
 α – коэффициент сглаживания;
 y_t – фактическое значение уровня динамического ряда;
 \hat{y}_t – расчетное значение уровня динамического ряда в предыдущем периоде.

Если рассматривать прогноз на 1 шаг вперед, то $\varepsilon_t = (y_t - \hat{y}_t)$ – это будет погрешность такого прогноза, а новое прогнозное значение \hat{y}_{t+1} получается в результате корректировки предыдущего прогноза с учётом его ошибки. В этом и заключается суть адаптации. При краткосрочном прогнозировании желательно как можно быстрее отразить новые изменения и в то же время как можно лучше «очистить» ряд от случайных колебаний. Для этого следует увеличивать вес более свежих наблюдений: $\alpha \rightarrow 1$, $\hat{y}_{t+\tau} \rightarrow y_t$. С другой стороны, для сглаживания случайных отклонений α нужно уменьшить: $\alpha \rightarrow 0$, $\hat{y}_{t+\tau} \rightarrow \bar{y}_t$. Эти два требования всегда находятся в противоречии. Поиск компромиссного значения α составляет задачу оптимизации модели. Результаты сглаживания и прогнозирования рассматриваемого ряда динамики с применением модели Брауна представлены на рисунке 3.

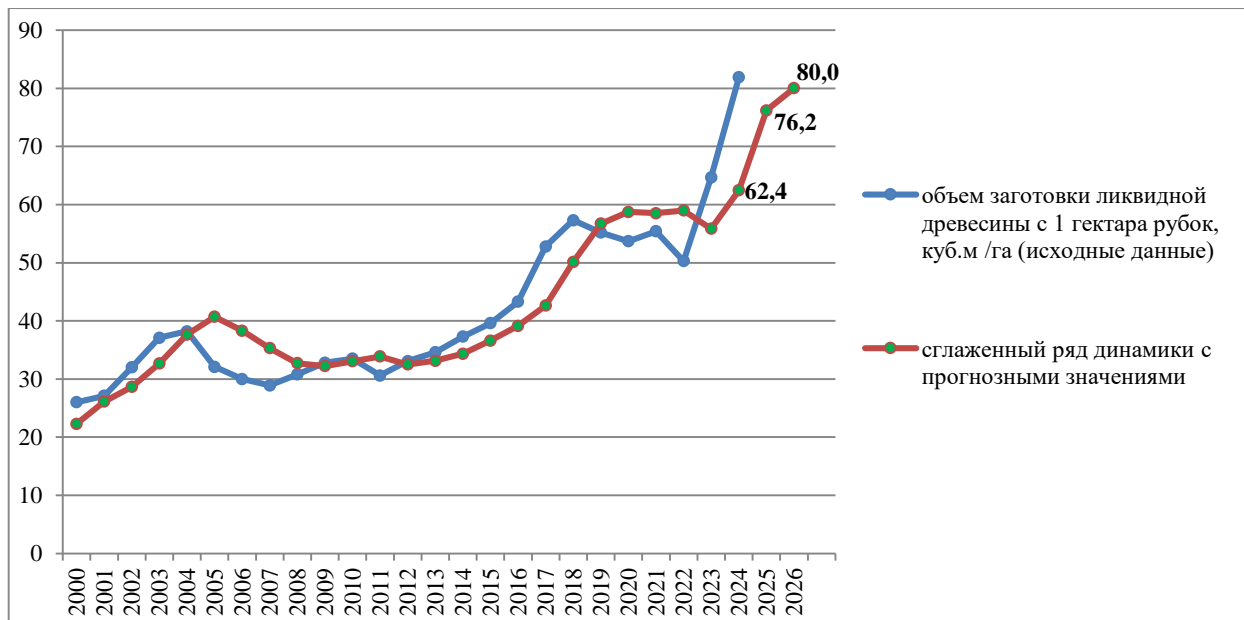

Рисунок 3. – Результаты сглаживания динамического ряда (модель Брауна)

Как показывают данные таблицы 2, при расчёте темпа прироста (2024 г. к 2000 г.) объема заготовки ликвидной древесины с 1 га рубок на основании фактических данных, его значение составляет 215%. Но так как ранее уже отмечалось, что крайняя точка ряда динамики (2024 г.) подвержена влиянию существенного экзогенного фактора (наличие крупных очагов бурелома), значение данного уровня ряда динамики было рассчитано методом сглаживания с применением модели Брауна – в данном случае оценочное значение, темпа прироста объема

заготовки ликвидной древесины с 1 га рубок за исследуемый период (2000–2024 гг.) составляет 140%. При применении метода линейного тренда (уравнение линейной регрессии приведено на графике, см. рисунок 2) темп прироста расчётного значения ряда динамики (2024 г.) по отношению к первому уровню ряда динамики (2000 г.) составляет 133,7%.

Немаловажным показателем деятельности лесного хозяйства является доля деловой древесины в общем объёме заготовленной ликвидной древесины. Именно деловая древесина является ценнейшим сырьём для обрабатывающей промышленности страны, основой для формирования ВДС по секции экономической деятельности «Лесозаготовки». В 2021 г. по сравнению с 2000 г. уровень указанного показателя увеличился на 6,7% и по состоянию на 2024 г. составил 60,7% (см. рисунок 4). Необходимо отметить, что заметный рост доли деловой древесины в общем объёме заготовленной ликвидной древесины наблюдается с 2004 г. Данный факт обусловлен созданием 27 января 2003 г. Государственной инспекции охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь, в компетенцию которой входит, в числе прочего, и осуществление государственного контроля за охраной, защитой, воспроизводством и использованием лесного фонда страны. Создание инспекции позволило организовать всесторонний круглосуточный оперативный контроль процесса лесопользования и ведения лесозаготовок.

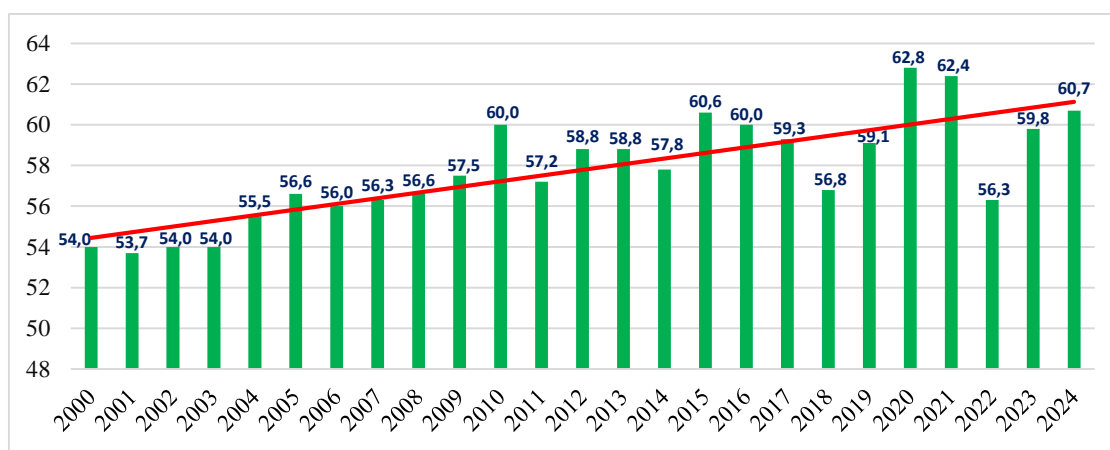

Рисунок 4. – Динамика доли деловой древесины в общем объёме заготовленной ликвидной древесины в Республике Беларусь в 2000 - 2024 гг. (в процентах)

Примечание – использованы данные таблицы 2.

Несмотря на рост приведённых ранее показателей эффективности необходимо проверить, соблюдается ли принцип неистощимости природных ресурсов. Ведь, если активное лесопользование создаёт угрозу обеспеченности будущих поколений лесными насаждениями, ни о какой экономической эффективности говорить не приходится, так как это противоречит принципу устойчивого развития. Устойчивое развитие – это развитие, при котором удовлетворение потребностей нынешних поколений осуществляется без ущерба для возможностей будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности. Эта базовая формулировка впервые появилась в 1987 г. в докладе «Наше общее будущее» Комиссии ООН по окружающей среде и развитию, которая внесла огромный вклад в продвижение концепции устойчивого развития и в международное сотрудничество в целях его достижения. Именно в формулировке Комиссии содержится ключевая идея устойчивого развития – рассмотрение его как баланса между поколениями. Для анализа эффективности использования лесных ресурсов с точки зрения устойчивого развития используется показатель условной обеспеченности лесными насаждениями (U), исчисляемый в годах. Данный показатель рассчитывается путём деления объема лесных насаждений на годовой объем заготовки ликвидной древесины и показывает, на сколько лет хватит существующих лесных ресурсов при текущем объёме их ежегодной вырубке. Уровень условной обеспеченности запасами лесных насаждений можно отнести к стратегическому показателю эколого-экономической сферы, так как период от начала возобновления лесных ресурсов (высадка саженцев) до возможности их хозяйственного использования (достижение древостоями спелости) занимает 40–50 лет. Расчёт описанного показателя устойчивого развития приведен в таблице 3, а также проиллюстрирован на рисунке 5.

Проанализировав данные, приведенные в таблице 3 и на рисунке 5, можно сделать вывод, что за период с 2015 по 2024 гг. средний уровень обеспеченности Республики Беларусь лесными насаждениями составил 76,9 года, колеблясь из года в год в зависимости от погодных и экономических условий. В 2018 г. наблюдается резкое снижение рассматриваемого показателя до отметки 63 года, что значительно ниже средних многолетних значений. Снижение изучаемого показателя обуславливается массовыми сплошными санитарными рубками, заготовкой древесины, начавшимися в связи с поражением лесных насаждений жуком-короедом. Одновременно наблюдается рост объема заготовки ликвидной древесины с 1 га рубок (в 2018 г. – 57,3 м³/га). Таким образом, рост уровня объема заготовки ликвидной древесины с 1 га рубок является индикатором эффективности только в том случае, когда не наблюдается значительное снижение условной обеспеченности страны лесными насаждениями.

Таблица 3. – Расчёт условной обеспеченности лесными насаждениями Республики Беларусь в 2015–2024 гг.

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Общий запас лесных насаждений (Z), млн. м ³	1739,9	1772,5	1796,0	1807,9	1831,8	1857,6	1879,9	1905,7	1938,8	1964,4
Объем заготовленной ликвидной древесины (L), млн. м ³	18,5	21,1	23,8	28,6	27,0	27,0	27,4	25,7	21,9	23,3
Условная обеспеченность лесными насаждениями ($U = Z/L$), лет	94,0	84,0	75,5	63,2	67,8	68,8	68,6	74,2	88,5	84,3

Источник: [2, с. 193].

Рисунок 5. – Уровень условной обеспеченности лесными насаждениями Республики Беларусь за период с 2015 по 2024 гг. (в годах)

Примечание – использованы данные таблицы 3.

Достаточно важным и актуальным с точки зрения анализа эффективности использования природных ресурсов является показатель ресурсоотдачи. В рамках выполненного исследования был произведен расчёт объёма валовой добавленной стоимости по секции «Лесозаготовки» в сопоставимых ценах 2023 г., приходящийся на 1 м³ заготовленной ликвидной древесины. Результаты расчёта представлены на рисунке 6.

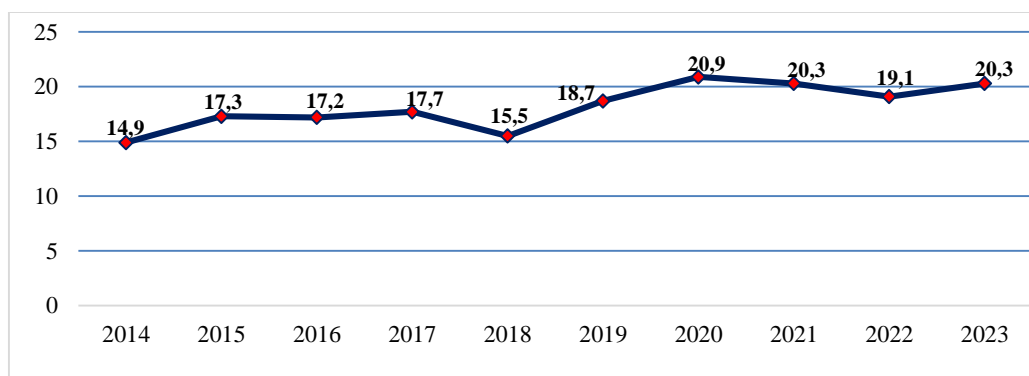

Рисунок 6. – Кубоотдача в Республике Беларусь в 2014–2023 гг. (в ценах 2023 г., руб./м³)

Как видно из приведенной диаграммы уровня кубоотдачи, в целом по лесному хозяйству Республики Беларусь наблюдается увеличение уровня данного показателя эффективности использования природного ресурса. Данная тенденция в целом свидетельствует о повышении эффективности лесозаготовки. В отдельные годы (2014 и 2018 гг.) наблюдается существенное снижение рассматриваемого показателя ресурсоотдачи, что обусловлено структурой рубок (в эти годы значительный удельный вес приходился на санитарные рубки, в ходе которого заготавливалась древесина, поражённая жуком-короедом). Также в связи со значительным резким ростом объёмов заготовки древесины происходило нарастание запасов заготовленной ликвидной древесины, которая, кроме того, что оперативно не вовлекалась в хозяйственный оборот, но ещё и теряла свои потребительские качества

в результате гниения, поражения грибами, разрушения. Таким образом, сформировалась ситуация, при которой объем заготовки превышает мощности экономики по переработке древесины, тем самым снижая уровень ресурсоотдачи в отрасли лесного хозяйства.

Заключение. Комплексный анализ эффективности использования лесных ресурсов в обязательном порядке должен включать в себя показатели экономической, технологической и экологической эффективности. Среди ключевых экономических показателей эффективности функционирования лесного хозяйства предлагается выделить динамику объема ВДС в сопоставимых ценах, ресурсоотдачу (объем ВДС, приходящийся на единицу объема заготовки ликвидной древесины). Немаловажными технологическими показателями эффективности лесопользования являются объем заготовки ликвидной древесины с 1 га рубок, а также доля деловой древесины в общем объеме заготовленной ликвидной древесины. Однако динамика вышеприведенных показателей технологической эффективности должна оцениваться в неразрывной связи с разработанным автором индикатором условной обеспеченности страны лесными насаждениями, который позволяет определить, на какое количество лет страна обеспечена лесными ресурсами при текущем объеме их ежегодной вырубке. Уровень условной обеспеченности запасами лесных насаждений можно отнести к стратегическому показателю эколого-экономической сферы и одному из индикаторов устойчивого развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Охрана окружающей среды в Республике Беларусь 2025: стат. буклет. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь; редкол.: И.В. Медведева (пред.) [и др.]. – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2025. – 134 с.
2. Статистический ежегодник 2025: стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь; редкол.: И.В. Медведева (пред.) [и др.]. – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2025. – 305 с.
3. Лукашин Ю.П. Адаптивные методы краткосрочного прогнозирования временных рядов: учеб. пособие. – М.: Финансы и статистика, 2003. – 416 с.

Поступила 27.11.2025

METHODOLOGICAL APPROACHES TO A COMPREHENSIVE ANALYSIS OF FOREST RESOURCE EFFICIENCY (USING THE REPUBLIC OF BELARUS AS AN EXAMPLE)

A. BUTRIM

(Belarus State Economic University, Minsk)

The introductory part of the article argues for the relevance of the need to develop a system of methods that would allow for a comprehensive, multi-vector analysis of the efficiency of the forestry sector of the Republic of Belarus, taking into account both the economic and environmental aspects of the use of forest resources. The main section of the article presents algorithms for calculating individual indicators of the forestry sector's performance developed by the author, and analyzes their dynamics in the Republic of Belarus. In particular, the relationship between indicators of environmental and economic efficiency, the influence of significant exogenous factors on their dynamics are analyzed, and the author's approach is presented for smoothing the levels of a series of dynamics from the influence of specific factors in order to form an objective assessment of the efficiency of forest management. In conclusion, the author draws attention to the need for a comprehensive approach to the analysis of forest resource use and provides a brief description of the developed methodological approaches.

Keywords: forest resources, efficiency of forest resource use, nature management, environmental and economic efficiency.

УДК 658.8:004.738.5

DOI 10.52928/2070-1632-2025-73-4-18-25

BUSINESS DIGITALIZATION: INTENSIFYING THE USE OF E-MARKETING TOOLS**E. VARANKO, E. KOSTUCHENKO, M. GAYDOVA**
(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)**E. SADIGOV**
(*Azerbaijan State University of Economics*)

The article deals with the product policy which is considered a key element of the marketing strategy of every enterprise. Product policy is seen as a tool for the organization used to manage its products (works and services) in achieving the desired market competitive advantage. The article pays specific attention to the modern trends in marketing, mostly connected to the use of Internet and e-marketing tools. Firstly, the article describes the role of a Website as a tool of product policy on the Internet, including the features of maintaining a product policy on the Internet, as well as monitoring and evaluating the effectiveness of using the site as a product policy tool. Then the article proceeds with the analysis of Internet marketing tools used by the firm “Zabolon”. The firm’s website audit and the evaluation of the effectiveness of the presence of firm “Zabolon” in social networks are performed. As a result of the analysis the number of recommendations for improving the efficiency of firm’s “Zabolon” website are developed.

Keywords: business digitalization, product policy, E-Marketing Tools, digital marketing, website efficiency, WEB-Analytics System.

Introduction. Nowadays, the growing level of competition and high level of dynamism actively transforms the business environment which in turn results in the rapid change firms’ market strategies and tools. In this context e-marketing tools become extremely relevant, transforming traditional product policies and making them more efficient in the digital society. A firm’s website, serving as its digital face, is becoming a key element in implementing this policy, and its effectiveness directly impacts commercial success

The purpose of this study is to analyze the role of e-marketing marketing tools in implementing a firm’s product policy and develop practical recommendations for improving their effectiveness, using the example of firm “Zabolon”. To achieve this goal, the study addresses the following objectives: identifying the specifics of product policy in the online environment, identifying key metrics for assessing website performance, conducting a comprehensive audit of Zabolon’s website and SMM activities, and developing a set of measures for their optimization.

The study’s methodological framework was based on general scientific methods of analysis and synthesis, classification, modeling, as well as web analytics and expert assessment tools. The theoretical basis was the works of domestic and foreign experts in the field of digital marketing and management.

The main body. Website as a tool of product policy on the Internet. Features of maintaining a product policy on the Internet Internet use has united millions of people on the planet who can communicate directly from anywhere in the world [1]. Different researchers have different approaches to the definition of “Internet marketing”. According to Chadwick, Chaffey, Mayer, & Johnston, Internet marketing is the use of the Internet and related digital technologies to achieve marketing goals [2]. Barkley believes that Internet marketing is not just about advertising online. This is also your connection with users via email, bulletin boards and forums. This is an update of product information [3]. Shih, Chen, & Chen believe that “businesses need to deliver a message to targeted users. Internet marketing services are aimed not only for increasing online sales but also in physical locations” [4]. The goal of Internet marketing, Ryan believes, is not to understand the latest technology. It’s to understand how consumers use technology and help them reach their audiences” [5]. An Internet product is a product that is developed, promoted and provided via the Internet [6, p. 26].

The classical classification of products according to F. Kotler’s model is based on the criteria of durability and mass consumption and does not take into account the information component of the product. The information component of the product is especially important when promoting products via the Internet. To compile a comprehensive classification of products, it is necessary to consider what types of information they may contain from the point of view of usefulness and value for the consumer. Information perceived by the senses is divided into auditory, visual, olfactory, gustatory and tactile. Information by the form of presentation is symbolic (text, numbers), graphic, sound, multimedia. The speed of information perception varies: auditory, visual and olfactory are perceived faster, since they are contactless. Gustatory and tactile types of information require physical contact. Internet technologies are still limited in transmitting such types of information, so when selling the corresponding goods, it is necessary to resort to text descriptions (Table 1).

Table 1. – Types and forms of information presentation on the Internet

Type of information	Presentation form
Auditory	Sound, symbolic
Visual	Graphic, symbolic, multimedia
Olfactory	Symbolic
Gustatory	Symbolic
Tactile	Symbolic

The features of offering different categories of goods through online channels is one of the important aspects that should be taken into account when considering product policy in Internet marketing. Table 2 provides examples of types of consumer goods and the features of their offer on the Internet.

Table 2. – Types of consumer goods and features of their offer on the Internet

Product Category	Features of the online offer
Consumer Goods	Their marketability via the Internet is low to average. The main reason for their low efficiency is the lack of a habit of purchasing such products via the Internet
Pre-selection Products	The Internet is highly effective in selling this type of product, as it allows you to provide the maximum amount of information about the product, conduct a comparative analysis of a wide range of characteristics, and has a low cost price
Special demand products	The Internet is highly effective in selling this type of goods. In addition, it allows for a significant expansion of the sales market due to its global presence
Passive demand goods	Due to the low cost of the Internet as a means of advertising and its high information saturation, it can be effectively used for the promotion of goods of this type. However, it should not be forgotten that the sale of such goods, including via the Internet, requires significant marketing efforts

This allows us to realize that the effectiveness of selling products in the online environment may depend on their characteristics and the specifics of demand. Thus, everyday products may experience some difficulties in selling via the Internet due to the lack of consumer habits to buy online. At the same time, pre-selected goods and special demand goods can be successfully sold online due to the ability to provide detailed information and global market coverage. In the case of passive demand goods, the Internet can be an effective promotion tool, but requires significant marketing efforts.

Another characteristic of goods that has changed due to the development of the Internet and e-commerce is the product life cycle. The duration of the entire life cycle and its individual stages depends on the type and kind of product.

However, the general trend, characteristic of both consumer goods and industrial goods, is the reduction of their life cycle. Information technology and the Internet make a significant contribution to this, accelerating the transition from one stage to another, thereby reducing the overall duration of the product life cycle.

As a result, a reasonable solution is a strategy of placing several products on the site, taking into account the pre-planned stages of their life cycles. The creation of such a product portfolio allows the company to carry out balanced activities in the field of production and sales, ensuring constant profit and creating flexible opportunities for using capital in innovation. Thus, the development of the Internet and e-commerce has a significant impact on product policy and methods of offering products. Internet products differ from classic products, since their development, promotion and provision are carried out via the Internet. When selling Internet products, it is important to take into account the information component, which can be represented by various types of information, such as sound, graphic, text and multimedia, the specifics of demand and the life cycle of the product.

Monitoring and evaluating the effectiveness of using the site as a product policy tool. Analysis and evaluation of the effectiveness of marketing tools is an important aspect for business. It helps to achieve goals and increase sales. Evaluation of effectiveness also allows you to optimize marketing efforts, identify the most successful strategies and tactics, and calculate the return on investment. It provides businesses with data and information to make informed decisions, and helps study competitors and market trends.

KPI – Key Performance Indicators (key performance indicators) – a specially developed set of metrics that can be used to evaluate the effectiveness of any area of activity [7].

Performance indicators can be both quantitative (financial indicators characterizing the effectiveness of work, including revenue, profit, accounts receivable, etc.) and qualitative (non-commercial indicators – plan fulfillment, timely submission of reports, regularity of posting, etc.). One of the important quantitative performance indicators is ROI – Return on Investment – an assessment of the return on investment, the main indicator of marketing activities. However, according to the eMarketer study, the most popular performance indicators remain website traffic and the total number of fans, subscribers, friends in a group or on a brand page, i.e. metrics that are easy to calculate and evaluate [8, p. 21].

Thus, the evaluation of the effectiveness of a website is based on various metrics and indicators. Below are some key aspects that can be taken into account when evaluating [9].

1. Traffic and attendance. First of all, when assessing the effectiveness of a website, you should study the volume of traffic and attendance. To do this, you need to analyze the number of unique visitors, the frequency of visits, and the number of pages viewed on the company's website. It is also important to consider traffic sources to determine which channels attract more visitors.

2. Conversion. It is necessary to evaluate what actions users perform on the site. These can be: filling out forms, making purchases, or subscribing to a newsletter. Based on this, you can then calculate the conversion funnel and determine the percentage of visitors who perform target actions.

3. Time on site and bounces. It is important to know the average time users spend on firm's website. A low average session duration often indicates low user engagement. Bounce rate refers to the percentage of visits that ended after viewing only one page of the website.

4. SEO analytics. Regularly monitoring a website's search rankings and organic traffic volume is essential for successful SEO. Analytics platforms enable a firm to pinpoint the exact keywords that bringing visitors to firm's website.

5. Measuring the Impact of Social Media on Business. If a firm maintains social media profiles, it's important to analyze how these channels contribute to driving traffic and growing the user base.

There are now many systems for collecting and analyzing the results of a website's operation. We can name the search engine portals Vteme.by, Google, Yandex, which provide search and indexing of web pages. There are also systems that use databases, such as Wikipedia and YouTube, to provide information and video content.

There are paid analytics systems developed by Web Trends, there are free ones, one of the most popular is Yandex.Metrica – an online system that requires only a small fragment of its HTML code on the pages of the firm's website [9]. This system is designed for the collection and subsequent analytical processing of website traffic metrics and user behavior data.

A system of metrics and Key Performance indicators (KPIs) serves as a tool for the quantitative evaluation of business process efficacy and for the diagnostic analysis of a strategy's deficiencies and advantages. Key metrics are monitored and analyzed by marketers to evaluate the results of implemented campaigns and projects. A considerable range of the key analytical metrics is available for analysis within the Yandex.Metrica web analytics system. Developing a KPI system that is both aligned with the firm's strategic objectives and customized to its unique profile constitutes a task of critical importance. Systematic monitoring and analysis of these metrics provides marketers with a foundation for measuring performance efficacy and for justifying decision aimed at optimizing marketing strategies.

From all of the above, it can be concluded that businesses should actively use social media and other online platforms to effectively communicate and promote their products and services, as online presence is becoming increasingly important for business and marketing due to changing audience preferences. Both a website and social media provide various benefits and opportunities for business promotion. A website is the official platform of an enterprise, where information about the business is provided and transactions are carried out. Social media, in turn, facilitates communication, community building and content sharing. Both platforms complement each other and are often used together. However, to successfully promote, it is necessary to regularly track metrics and analyze results in order to adapt the company's promotion strategy and achieve optimal results.

Analysis of Internet marketing tools used at the firm "Zabolon". Website audit. The main tool of electronic marketing is the corporate website of the firm "Zabolon". The firm "Zabolon" uses such type of website as a business card website, i.e. a small website consisting of several pages, on which the basic information about the enterprise, goods or services is posted. On a business card website you can post a description, photos and contact information.

Technically, websites are arranged in a complex way, however there are basic elements, without which most websites cannot work or be useful. These include:

- code files. Code files are documents written in HTML, CSS and JavaScript;
- hosting. Hosting is placing website files on a server. Without hosting, no one will see the website;
- domain. A domain name, or domain, is a unique name of the website, the address by which it can be found. All websites have domains. For example, the domain of the website of the firm "Zabolon" is massiv-polotsk.by;
- functionality. Functionality is a set of features that a website provides. Each resource has its own, depending on why the website was created. For example, on most websites you can navigate through pages;
- design. Design is the visual design of a website. Colors, fonts, and images used on a page, the distance between elements, and their order are all components of design.

- content. Website content is the informational content of web pages: text, images, video, audio, and multimedia.

The website is the face of the company in the online environment and the main channel of interaction with customers, so if the site does not work properly, it automatically leaves a bad impression on visitors. Because of this, they may form the opinion that this company is unreliable and there is a desire to turn to competitors. To prevent this from happening, you should:

- check the functionality of the site, make sure that it opens and loads correctly on different devices and in different browsers;
- check the reliability of the hosting server where the site is located and eliminate all possible technical problems;
- test the functionality of the site, such as transitions and interactive elements, and make sure that they all work properly;
- implement site availability monitoring mechanisms to promptly respond to any problems and ensure its continuous operation.

After conducting such checks of the site of the studied company, the following conclusions were made:

- firstly, the site opens and loads correctly on different web versions and in different browsers. The desktop and laptop versions display fine, matching the design and providing easy navigation through the pages. However, the mobile version of the site may be inconvenient. This is due to the incorrect adaptation of the design and interface elements for the small screens of mobile devices. It is recommended to conduct further checks and make appropriate changes to the mobile design to improve the user experience on mobile devices;
- secondly, the hosting and domain name are paid for and work well, which guarantees reliable and stable operation of the site for users.

However, this is not the end of the work with the site, but only the beginning. The site requires constant updating of information about the enterprise, its products and contact information. Visitors should have access to current, complete, and most importantly necessary information. To do this, it will be necessary to identify the target audience of the site, since an incomplete picture of the client can lead to a decrease in sales efficiency and overall profitability.

Therefore, preliminary segmentation of the audience and taking into account its preferences and needs are important steps when using Internet marketing tools. Without this step, investments in marketing may be ineffective.

The target audience of the firm “Zabolon” website includes the following groups:

1) wholesale and retail buyers: furniture stores, interior designers and other enterprises and organizations interested in purchasing or restoring furniture for sale or use in their projects. For this group, it is important to provide detailed information about the products, catalogs with photographs and furniture specifications, as well as contact information for communication and the ability to place an order;

2) furniture manufacturers: other furniture factories or companies that need to supply components or cooperate with the firm “Zabolon”. For this group, it is important to provide information on cooperation opportunities, product range and quality of offered components in the form of certificates;

3) potential employees: people looking for work at the firm “Zabolon”. For this group, it is important to provide information on vacancies, requirements, career opportunities, contact details for sending resumes and other information about the enterprise as an employer.

Thus, the company’s website must satisfy the needs of all the above groups, and also contain all the information and documentation they need.

The web analysis was carried out in stages and included the following steps.

Stage 1 – Analysis of the technical condition. According to the results of the PR-CY service analysis, the website of the analyzed enterprise has some positive aspects, but they cannot be fully revealed due to the existing negative sides. The advantages include:

- SSL certificate: the site is accessible via HTTPS and has a valid certificate, which ensures a secure connection between the user and the server;

- successful resource request: the server response code 200 OK indicates successful receipt of the requested resource;

- indexing: the HTTP header and meta tag do not prohibit indexing of the site, which allows search engines to index its content.

The disadvantages, in turn, are:

- HTML loading speed: the HTML loading speed is 1.42 seconds, which is slower than most of the tested sites. This may negatively impact user experience;

- no robots.txt file: the presence of the robots.txt file allows you to specify instructions for search robots. In this case, the file is missing, which may limit indexing control and the availability of website pages;

- no sitemap: the presence of a sitemap simplifies indexing and navigation on the site for both search robots and users. In this case, the sitemap was not found.

Stage 2 – Internal optimization analysis. According to the analysis, the massiv-polotsk.by website has the following internal optimization features:

- page title: “Massiv-polotsk.by solid wood furniture production – Home”. The title contains the keywords “solid wood furniture production” and “Home”, corresponding to the main content of the website;

- page description: the page description contains information about solid wood furniture production, the location of the enterprise and services. The description contains keywords reflecting the products and services of the enterprise;

- internal and external links: the page contains internal links that are indexed by search engines, and one external link. This helps improve navigation and indexing of the site pages;

- Schema.org micro-markup: the page contains Schema.org micro-markup, which helps search engines better understand the page content and display additional information in search results;

- favicon: the site has a Favicon, which contributes to recognition and professional visual perception of the site.

It is also recommended to pay attention to the use of H1-H6 headings, improve the internal and external link structure, add links to social networks to improve user experience and promote the site.

Stage 3 – Analysis of loading speed. Judging by the information provided by the PR-CY service, the massiv-polotsk.by site has some problems with loading optimization and performance, especially on mobile devices. Performance metrics related to page load time and content rendering on desktop platforms fall within acceptable thresholds, yet do not reach optimal levels. This indicates the existence of a performance gap and, a reserve for efficiency gains.

Image load optimization is a critical factor for enhancing website performance and user experience quality. In the current configuration, the lack of optimization for graphical content is a potential cause of increased load times. The optimization methodology includes image resampling while preserving visual quality, selecting appropriate file formats, and applying efficient data compression algorithms.

Another key optimization opportunity is the deferred loading of CSS styles which are non-critical for initial content rendering, and reduces the main page load time. The analysis also revealed a suboptimal caching configuration for static resources: some lack appropriate HTTP headers or utilize an insufficient cache lifetime. This oversight results in redundant network requests upon repeat user visits. The implementation of these optimization measures forms the foundations for enhancing the web platform’s performance and improving end-user subjective perception.

Stage 4 – Metrics evaluation. The site massiv-polotsk.by has a low level of trust and authority, which is confirmed by its PR-CY Rank, which is 6 out of 100. The absence of Turbo pages on Yandex and a small number of indexed pages (2 on Yandex and 30 on Google) also indicate low popularity and traffic of the site. However, the site is considered safe according to Yandex virus scanning and is not in the register of prohibited sites.

Stage 5 – Analysis of the site structure. The logic of the site tree construction was checked using the octopus.do service and showed that the massiv-polotsk.by tree looks clear and logical. The structure of the site menu and navigation on it is focused primarily on buyers of products and potential partners. However, it should be noted that the site does not have a tab for vacancies. This can mean two things: either the company is currently fully staffed, or the lack of a tab with vacancies is a disadvantage of the site.

If the company needs to attract new employees, the absence of a tab with vacancies on the site may be an omission. A tab for vacancies provides an opportunity to attract talented candidates and provide them with information about available positions in the company. This can be a useful tool for attracting new employees, so you can add this tab to the top menu of the site. At the moment, the top menu (header) looks like Figure 1 shows. The side drop-down menu (left menu) in turn contains the following main tabs: “Stairs”, “Kitchens”, “Tables”, “Doors”, “Furniture”, “Interior”, “For a bath”, “Windows”. The advantage of this arrangement of tabs and a static top (header) and side menu is the ability to switch from any tab to any other tab, regardless of the current location on the site. This makes it easier for users to navigate the site, maintains consistency and gives them the freedom to choose any tab at any time without having to return to the main page, which is important for maintaining the usability of the site and improving the overall user experience.

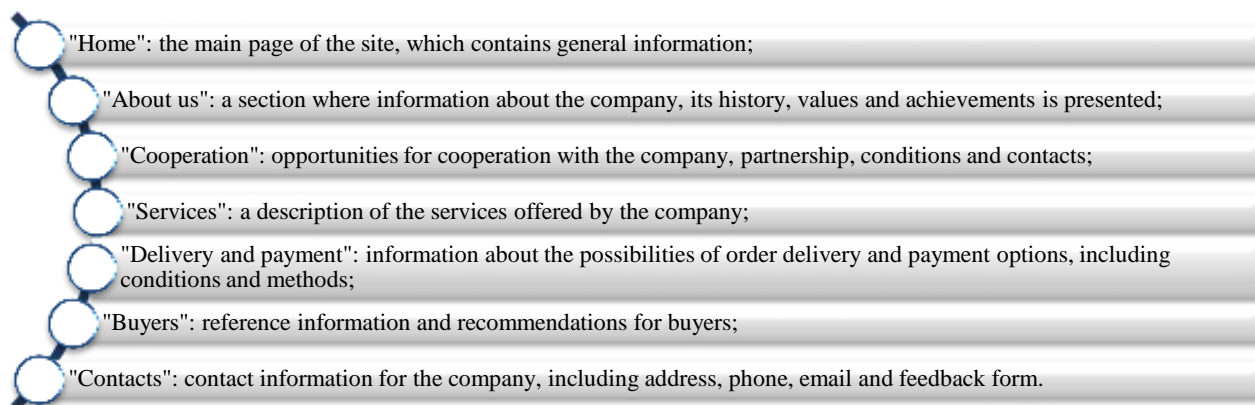

Figure 1. – Example of the top menu of the website

Stage 6 – Website content assessment. Seolik service was used to assess the website content, as it is more strict in assessment than the previously mentioned pr-cy. The main page of massiv-polotsk.by was selected for assessment:

- text spam: 11.29%;
- water content: 31.97%;
- classical nausea: 2.65%;
- academic nausea: 9.14%.

According to Seolik standards, the optimal values for the indicators are up to 30% for spam, up to 15% for water content, less than 7% for classical nausea and 5-15% for academic nausea.

Based on these data, it can be concluded that the level of spam and classical nausea corresponds to the norm and is acceptable. However, the water content of the text exceeds the optimal value, which may indicate excessive use of common and repetitive expressions, phrases or keywords. This may negatively affect the quality of the content and its uniqueness. Thus, the company's website affects the image for both potential buyers and future partners. Therefore, for high-quality promotion, it is necessary to take into account the statistics of the site's indicators, various site metrics, in order to use the obtained results to improve the quality of the resource provided and the content on it.

Evaluation of the effectiveness of the presence of firm “Zabolon” in social networks. The firm “Zabolon” is represented in such social networks as Instagram, VK. Since there are many social networks, and the company's resources are limited, it is necessary to carefully approach the choice of the method of contact with the audience. Instagram is a platform popular among a young audience (aged 18 to 34). The figures published in Meta advertising tools indicate that at the beginning of 2024, Instagram in Belarus had 3.90 million users. At the beginning of 2024, 66.7 percent of Instagram's advertising audience in Belarus were women, and 33.3 percent were men. The company uses Instagram to share behind-the-scenes views of its activities, demonstrate the results of its work and promote its brand.

The firm “Zabolon” account in this social network is active. However, due to the lack of a permanent SMM specialist, the photos and other content differ significantly from each other, which leads to an insufficiently balanced, heterogeneous profile. Therefore, it is important to create a unified and recognizable style of visual content in order to attract the attention of potential customers and present the company in the best light. There is also a community of the firm “Zabolon” in the VKontakte social network, which is called “Custom production of solid wood products”. The community is open and has a number of subscribers, but potential buyers have difficulty finding it due to the lack of key keywords in the name. This community presents photographs of 106 products made by the company from solid wood. However, for more than 5 years the community has stopped updating with relevant content and at the moment it looks abandoned. This can create a negative impression on potential clients and visitors of the community.

Thus, the account of firm “Zabolon” on Instagram has greater potential for development due to an active audience and better visual content. However, the low quality of the images and videos themselves, as well as the lack of a unified style in publications are problems that require attention.

On the other hand, in the case of VKontakte, due to limited resources, the firm “Zabolon” does not yet have the opportunity to fully revive the community. However, there are enough resources to publish something new at least once a month to maintain activity in the community and not lose the existing audience.

Problematic aspects were identified that hinder the successful promotion of the firm “Zabolon” in the Internet space.

1. Disadvantages of the company’s website:

a) the company’s website does not use web analytics systems, which makes it difficult to understand audience behavior, identify strengths and weaknesses of the site, as well as track technical problems of the site and analyze search queries;

b) the site is not fully adapted to the mobile version;

c) the site is poorly indexed by search robots, which makes it difficult for users to find it;

d) the design of the company’s website can be improved to a more modern and relevant concept.

2. Disadvantages of SMM (Instagram, VKontakte): a) lack of a unified style in the design of social networks;

b) rare publication of new content; c) the quality of images and video content is low.

Thus, there is a need to form a holistic concept for promoting the analyzed enterprise in the Internet space, taking into account the shortcomings of the Internet marketing tools used, the goals and capabilities of the firm “Zabolon” to form a positive image for target groups of users.

“Zabolon” website: recommendations for improving website’s performance. The quality of the “Zabolon” website. The design implies not only the visual (color, logo and icons) but also the overall user experience of the website. Website development needs to take into account the abundance of factors. These factors may not be explicit. However, taking these factors into account creates a pleasant experience of interaction.

When creating a professional website for a field such as furniture manufacturing, there are several key aspects that are worth paying special attention to:

1) the needs of the target audience: the site should be informative, attractive, and provide useful information about products, cooperation opportunities, and vacancies to meet the needs of wholesale and retail buyers, furniture manufacturers, and potential employees;

2) geographic coverage: the analyzed enterprise carries out sales throughout the Republic of Belarus, so there is a need to provide information on the specifics of sales in each region in order to satisfy local customers and take into account their needs and preferences;

3) branding and positioning: the website design should reflect the uniqueness of the “Zabolon” brand and emphasize the enterprise’s experience in the furniture market. The color palette, fonts, and design elements should be consistent with the brand to help create a unified visual experience.

Currently, Jakob Nielsen’s “heuristics” are widely used in design because they are general rules of thumb rather than specific guidelines that help improve interface design (Figure 2).

1. Visibility of system status.	• The website design should always inform users about what’s happening with the system. Users need to see the results of their actions.
2. Match between system and the real world.	• The design should speak the users’ language, using words, phrases, and terms that are familiar and understandable to them.
3. User control and freedom.	• Users often perform actions by mistake. They need a clearly marked “emergency exit” to leave the unwanted action without having to go through an extended process.
4. Standardization.	• The system shall be homogeneous, perform homogeneous functions, terms and names. Users should be able to use the knowledge of any elements of the system.
5. Avoidance of errors.	• Error reporting is meaningful, but a better system minimizes problems.
6. Visualization.	• Reduce user memory usage, make items and actions explicit.
7. Adaptability.	• Different functionality for experienced and inexperienced users, the ability to insist on recurring acts.
8. Minimalism in design.	• The interface should not be loaded with junk data. The user must concentrate on solving his plans.
9. Consulting users.	• Error notifications shall be clearly indicated (without codes), indicate the difficulty and initiate solutions.
10. Help and documentation.	• If a user encounters difficulties using the system, they should be able to obtain assistance. This can be achieved through documentation integrated into the interface, using interactive assistants such as AI-powered chatbots or contextual prompts.

Figure 2. – Jakob Nielsen’s “heuristics” in website’s design

The font “Ubuntu” was chosen for the design of the project. It combines clean lines and legibility, which makes it suitable for use in both headings and text blocks. The main menu of the site was not changed, because according to the results of the research presented in the second chapter, it was found that the initially presented architecture is intuitive for the user. On the main page, the main element is a static image with the buttons “Calculate cost” and “Go to catalog”, as well as headings displaying the company’s advantages. Background images were selected in accordance with the theme using photos provided in the public domain. For ease of navigation on the site, it should be noted that the logo on any of the pages of the site should be clickable and lead to the main page.

To improve the visual presentation of a specific type of product on the page, it is recommended to make some changes, especially in the area of photos. It is recommended to review the current gallery of works and update it in accordance with more modern styles. To display the text blocks available on the site, a minimalist but structured format was chosen. At the bottom of the block, it is advisable to add a button “Read more”, by clicking on which the user goes to a page with more detailed information about the presented topic. At the bottom of the page, before the footer, it is suggested to use a form for ordering the calculation of the cost of manufacturing a product.

Providing fields for entering a name, phone number and comment allows customers to describe their requirements and preferences in more detail. This allows the company to understand the customer's needs more accurately and offer appropriate solutions.

In addition, the functionality of attaching a document up to 100 MB in size allows customers to attach specifications, drawings or other relevant files that can greatly help in the calculation process and understanding of the customer's requirements. This form allows the furniture manufacturing company to improve the quality of service by providing a deeper understanding of the customer's needs and providing accurate cost estimates based on the data provided.

Recommendations for the implementation of a web analytics system on the website of the firm “Zabolon”. For the purpose of detailed study and optimization of the website operation, two most popular web analytics tools can be used – Google Analytics and Yandex.Metrica. They provide various functionality and are suitable for different needs.

Google Analytics and Yandex.Metrica collect, analyze, and display information about website traffic and its sources, as well as user behavior. The choice of an adequate system for the firm “Zabolon” should take into account their characteristics.

1. Goal-setting. Yandex.Metrics has a limit of 200 goals. Google Analytics operates with events, a maximum of 500 per account.

2. Reports. Google Analytics provides a wide range of reports for in-depth analysis of user behavior and assessment of marketing decisions. Yandex.Metrica gives a simple reporting structure (for beginners in the field of analytics).

3. Add-on tools. Each system has its own unique tools. For example, Yandex.Metrica offers Webvisor, which allows you to view records of site visitors’ actions, and Google Analytics offers multi-channel analysis to evaluate various traffic sources and sales funnels.

4. Prompt presentation of results. Yandex.Metrica functions faster in providing analysis results, which is important in the operational aspect.

The choice between Google Analytics and Yandex.Metrica for the firm “Zabolon” depends on the specific needs of the enterprise and its preferences in analytical functionality. However, given the specifics of the products and goals of the firm “Zabolon”, Yandex.Metrica seems to be a more suitable web analytics system.

Installation of Yandex.Metrica on the firm “Zabolon” website can be done by placing the analytics code directly in the source code of the site. This will ensure a more reliable and accurate transfer of data to the analytical system. If changes need to be made or new goals set, cooperation with programmers will be required to ensure proper integration.

Yandex.Metrica provides the following advantages.

1. Yandex.Metrica is assimilated with other Yandex services - Yandex.Direct and Yandex.Market. This makes it possible to analyze the effectiveness of advertising initiatives and sales.

2. Yandex.Metrica is focused on interacting with Russian-language sites which is important for a firm with a Russian-speaking visitors.

3. Yandex.Metrica has a traffic counter for evaluating website visitors, number of views and other indicators. Used to assess the content and popularity of the website.

Ultimately, the choice between Yandex.Metrica and Google Analytics largely depends on the current tasks of the enterprise. For the site of the firm “Zabolon”, Yandex.Metrica is the optimal choice due to its localization, ease of use, free version and the ability to integrate with other Yandex services. However, if the management of the enterprise in the future will target an international audience, then Google Analytics may also be a good option.

Conclusion. The study confirmed the key role of e-marketing tools, particularly a corporate website, in the development and implementation of an effective product policy for a modern firm. It was found that the online environment imposes specific requirements on product presentation, emphasizing the informational component and the need to consider the specific demand characteristics of various product categories. Using firm “Zabolon” as an example, a detailed audit of its digital tools was conducted. The analysis revealed a number of significant shortcomings hindering the firm’s online development: a lack of web analytics systems, poor technical optimization and mobile website adaptation, inconsistent and inconsistent social media management, and outdated visual content.

The study proposes a set of practical recommendations aimed at addressing the identified issues. Key recommendations include: website redesign based on Jakob Nielsen’s usability principles, mandatory mobile adaptation, implementation of the Yandex.Metrica web analytics system for data collection and informed decision-making, and the development of a unified content strategy for social media.

Implementation of the proposed measures will allow firm “Zabolon” to not only improve the effectiveness of its e-marketing activities, but also strengthen its overall competitive position in the market, develop a positive image, and establish closer interactions with target audiences. Therefore, the effective integration of digital tools into product strategy is not just a trend, but a prerequisite for sustainable business development in the modern digital economy.

REFERENCES

1. Scott, D. M. (2017). The new rules of marketing and PR (7th ed.). Wiley.
2. Chaffey, D., Ellis-Chadwick, F., Mayer, R., & Johnston, K. (2006). Internet marketing: Strategy, implementation and practice. Pearson Education.
3. Barkley, H. (2006). Internetinè rinkodara smulkiajam verslui. Logitema.
4. Shih, B. Y., Chen, C. Y., & Chen, Z. S. (2012). An empirical study of an Internet marketing strategy for search engine optimization. Human Factors and Ergonomics in Manufacturing & Service Industries, *23*, 528–540. – URL: <https://doi.org/10.1002/hfm.20339>.
5. Ryan, D. (2017). Understanding digital marketing: Marketing strategies for engaging the digital generation (4th ed.). CPI Group (UK) Ltd.
6. Kulpin, S. V. (2020). Structure and content of Internet marketing. – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/86857/1/978-5-7996-3027-0_2020.pdf.
7. Performance indicators: KPI (Key Performance Indicator) system. (n.d.). BusinessStudio. Retrieved September 24, 2024. – URL: https://www.businessstudio.ru/articles/article/sistema_kpi_key_performance_indicator_razrabotka_i/.
8. Buruk, A. F. (2021). Digital marketing tools. – URL: http://lib.sgugit.ru/ir-bisfulltext/2021/210623_%D0%91%D1%83%D1%80%D1%83%D0%BA,%20%D0%A3%D0%B1%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE.pdf.
9. Mikhaleva, E. P. (n.d.). Marketing. Urait. Retrieved September 20, 2024. – URL: <https://urait.ru/book/marketing-535399>.
10. Yandex Metrica – free analytics system. (n.d.). Yandex. Retrieved September 20, 2024. – URL: <https://metrika.yandex.ru>

Поступила 28.11.2025

**ЦИФРОВИЗАЦИЯ БИЗНЕСА: ИНТЕНСИФИКАЦИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ИНСТРУМЕНТОВ ЭЛЕКТРОННОГО МАРКЕТИНГА**

Э.Н. ВОРОНЬКО, Е.А. КОСТЮЧЕНКО, М.В. ГАЙДОВА

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

д-р экон. наук, проф. Э.М. САДЫГОВ

(Азербайджанский государственный экономический университет)

В статье рассматривается товарная политика, которая считается ключевым элементом маркетинговой стратегии любой фирмы. Товарная политика рассматривается как инструмент управления продажами товаров (работ, услуг) для достижения желаемого конкурентного преимущества на рынке. В статье особое внимание уделяется современным тенденциям в маркетинге, в основном связанным с использованием интернета и инструментов электронного маркетинга. Сначала описывается роль веб-сайта как инструмента товарной политики в интернете, включая особенности товарной политики в интернете, а также мониторинга и оценки эффективности использования сайта в качестве инструмента товарной политики. Затем в статье приводится анализ инструментов интернет-маркетинга, используемых фирмой «Заболонь». Проводится аудит веб-сайта фирмы и оценка эффективности присутствия фирмы «Заболонь» в социальных сетях. По результатам проведенного анализа авторами предлагается ряд рекомендаций по повышению эффективности веб-сайта фирмы «Заболонь».

Ключевые слова: цифровизация бизнеса, товарная политика, инструменты электронного маркетинга, цифровой маркетинг, эффективность веб-сайта, система веб-аналитики.

УДК 005.3:330.34(476)

DOI 10.52928/2070-1632-2025-73-4-26-33

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ КАЧЕСТВА УПРАВЛЕНИЯ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ЭФФЕКТИВНОСТЬ НЕФИНАНСОВЫХ КОРПОРАЦИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

канд. экон. наук, доц. Е.А. ГРЕЧИШКИНА¹,
канд. экон. наук, доц. А.О. ВАСИЛЬЧЕНКО²
(Полесский государственный университет, Пинск)

¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0653-9210>;

²ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8969-6611>

канд. соц. наук, доц. И.В. ЛАШУК
(Белорусский государственный экономический университет, Минск)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3011-0561>

В статье проведено социологическое исследование для оценки качественных параметров управления нефинансовыми корпорациями Республики Беларусь. Проанализирована связь экономических показателей деятельности нефинансовых корпораций Республики Беларусь с социологическими, осуществлено ранжирование качественных параметров управления и их распределение по удельному весу с использованием метода Фишберна. По нормированным переменным проведен факторный анализ (методом Варимакс) экономических показателей, наиболее высокие корреляционные связи продемонстрировали следующие: коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами; рентабельность активов и рентабельность персонала. На основе этого рассчитан индекс эффективности, в результате чего все предприятия промышленности были разделены на четыре группы по степени экономической эффективности их деятельности. Авторами оценена степень связи между количественными и качественными параметрами, сделаны выводы о влиянии основных параметров качества управления на эффективность. Выявлено, что качественные параметры управления оказывают существенное воздействие на эффективность деятельности нефинансовых корпораций, однако, оценить степень такого воздействия непросто ввиду того, что качественные параметры отражают причинно-следственные связи, а количественные имеют числовое значение.

Ключевые слова: качество управления, экономическая эффективность, нефинансовые корпорации, качественные и количественные параметры, метод Фишберна, факторный анализ.

Введение. Актуальность исследования влияния качества управления на экономическую эффективность нефинансовых корпораций (НФК) Республики Беларусь обусловлена современными вызовами, с которыми сталкиваются компании в условиях динамичного и конкурентного рынка. В условиях глобализации и трансформации экономических систем необходимость эффективного управления становится ключевым фактором, определяющим не только устойчивость организаций, но и их способность к развитию и инновациям. НФК, составляющие значительную часть хозяйственного сектора страны, сталкиваются с растущими требованиями к повышению эффективности своей деятельности, что делает актуальным изучение качества управленческих процессов как важного элемента достижения конкурентных преимуществ.

Целью исследования является оценка влияния качественных параметров управления на экономическую эффективность деятельности НФК Республики Беларусь. Для достижения этой цели необходимо решить ряд задач, в том числе: провести социологическое исследование с целью выявления качественных характеристик управления; проанализировать взаимосвязь между экономическими показателями и параметрами управления; провести ранжирование и распределение качественных характеристик управления с использованием метода Фишберна; а также осуществить факторный анализ для определения основных факторов, влияющих на экономическую эффективность.

Использованы методы анализа и синтеза, эмпирический (опрос, фокус-группа), эконометрический (метод Фишберна, корреляционно-регрессионный анализ, факторный анализ методом главных компонент), матричный, индексный методы, экономический анализ.

Основная часть. В рамках проведенного социологического исследования, осуществлена оценка качества управления НФК в отраслях промышленности, строительства, торговли и транспорта в соответствии с разработанной архитектурой параметров [1-2] и анкетой. Изучены как общие показатели для всех видов хозяйственной деятельности, так и индикаторы, репрезентирующие отраслевую специфику. Всего было опрошено 73 предприятия, в том числе 49 относятся к отрасли промышленности, 10 – строительство, 10 – торговля и 4 – транспортная сфера. Метод опроса – онлайн. В качестве респондентов выступали представители административно-управленческого аппарата нефинансовых корпораций. Опираясь на [3–5] для проведения оценки экономической деятельности НФК были отобраны 16 показателей.

Проведенное социологическое исследование носит разведывательный характер и не претендует, в связи с этим, на репрезентативность полученных выводов. Это значит, что результаты могут быть экстраполированы только на нефинансовые корпорации, принявшие участие в опросе, а не на все организации изучаемых отраслей.

Рассмотрим связь экономических показателей деятельности НФК Республики Беларусь с социологическими. Для корректного статистического анализа все опрошенные по каждому из изучаемых экономических признаков были разделены на четыре группы посредством классификации квартильных значений. Для определения статистически значимых различий анализировались связи полученной классификации каждого экономического признака с распределением данных по результатам эмпирического социологического замера. Для выявления достоверных различий использовался коэффициент корреляции Пирсона (r-Пирсона), который применяется для исследования взаимосвязи двух переменных, измеренных в метрических шкалах на одной и той же выборке. Он позволяет определить, насколько пропорциональна изменчивость двух переменных. При расчете коэффициента линейной корреляции Пирсона используется специальная формула. Величина коэффициента корреляции Пирсона варьируется от -1 до 1. Систематизация и анализ данных в данном научно-исследовательском проекте производились на специализированном лицензионном ПО IBM SPSS Statistics 20. Интерпретация коэффициента корреляции производится исходя из уровня силы связи:

- $r > 0,01 \leq 0,29$ – слабая положительная связь;
- $r > 0,30 \leq 0,69$ – умеренная положительная связь;
- $r > 0,70 \leq 1,00$ – сильная положительная связь;
- $r > -0,01 \leq -0,29$ – слабая отрицательная связь;
- $r > -0,30 \leq -0,69$ – умеренная отрицательная связь;
- $r > -0,70 \leq -1,00$ – сильная отрицательная связь.

В таблице 1 представлена сводная матрица, демонстрирующая статистические взаимосвязи качественных параметров управления и экономических показателей деятельности нефинансовых корпораций. Таблица 2 содержит ранжирование качественных параметров управления по частоте появления в исследовании.

Таблица 2. – Ранжирование качественных параметров управления по частоте появления в исследовании

Параметры	Частота выявления	Ранг фактора, a_i
Долговая нагрузка	13	1
Внутренние проблемы	12	2
Внешние проблемы	11	3
Обеспеченность материальными и финансовыми ресурсами	11	4
Поддержание конкурентоспособности	8	5
Меры по повышению эффективности	7	6
Гибкие навыки	6	7
Координация	6	8
Бизнес-процессы	1	9
Инновационная активность	6	10
Коммуникация	3	11
Социальная ответственность	3	12
Менеджмент качества	3	13
Стиль руководства	3	14
Эффективность управления временем	2	15
Принятие управленческих решений	1	16
Развитие персонала, квалификация работников	1	17
Управление талантами	1	18
Обмен опытом	1	19

После ранжирования параметров по убыванию определены веса с помощью шкалы Фишберна (таблица 3):

$$a_i = \frac{2(n-i+1)}{n(n+1)}, \quad (1)$$

где a_i – вес i -го параметра,
 i – номер параметра,
 n – количество параметров.

Затем параметры распределены по уровням (высокий, средний, низкий). Максимальный весовой коэффициент, рассчитанный по критерию Фишберна, относится к высокому уровню. Для низкого уровня присваивают максимальный весовой коэффициент, деленный на 3 (количество уровней). После чего находим величину d – шаг по формуле, который рассчитывают как разность показателей высокого и низкого уровней, деленную пополам. Показатель среднего уровня равен показателю нижнего уровня, увеличенный на шаг, по формуле

$$d = (\text{значение высокого уровня} - \text{значение низкого уровня}) / 2. \quad (2)$$

В ходе расчетов получены следующие границы уровней удельного веса параметров в структуре: высокий 0,068 – 0,1; средний 0,034 – 0,067; низкий $\leq 0,033$.

Таблица 1. – Взаимосвязь качественных параметров управления и экономических показателей деятельности нефинансовых корпораций

Качественные параметры управления	Продуктивность труда	Ресурсоотдача (коэффициент общей оборачиваемости капитала)	Капиталоотдача (коэффициент оборачиваемости долгосрочного капитала)	Рентабельность активов	Рентабельность основных средств	Рентабельность собственного капитала	Степень устойчивости экономического роста	Рентабельность инвестированного капитала	Рентабельность реализованной продукции	Рентабельность продаж (оверота)	Рентабельность персонала	Оборачиваемость краткосрочной дебиторской задолженности	Оборачиваемость кредиторской задолженности	Коэффициент финансового левериджа	Коэффициент обеспеченности имуществом (активами)	Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами
Экономические показатели деятельности нефинансовых корпораций	Обеспеченность материальными и финансовыми ресурсами			X	X	X	X	X		X	X	X	X	X	X	X
	Эффективность управления временем	X												X		
	Поддержание конкурентоспособности	X	X	X	X	X	X		X		X				X	X
	Координация				X	X			X							
	Коммуникация					X	X									
	Принятие управленческих решений	X														
	Менеджмент качества	X	X								X			X		
	Бизнес-процессы	X	X	X	X											
	Развитие персонала, квалификации работников									X						
	Управление талантами	X	X							X		X		X		
	Инновационная активность		X	X							X					
	Гибкие навыки				X											
	Стиль руководства		X		X	X	X		X		X		X	X	X	
	Долговая нагрузка															
	Обмен опытом				X			X	X							
	Социальная ответственность	X			X											
	Внешние проблемы		X	X	X			X	X	X	X	X	X	X		X
	Внутренние проблемы	X	X	X	X	X	X	X	X		X		X	X		
	Меры по повышению эффективности		X	X		X		X		X		X		X		

Таблица 3. – Весовые показатели качественных параметров управления, рассчитанные по методу Фишберна

Параметры	Ранг фактора	Весовой показатель
Долговая нагрузка	1	0,100
Внутренние проблемы	2	0,095
Внешние проблемы	3	0,089
Обеспеченность материальными и финансовыми ресурсами	4	0,084
Поддержание конкурентоспособности	5	0,079
Меры по повышению эффективности	6	0,074
Гибкие навыки	7	0,068
Координация	8	0,063
Бизнес-процессы	9	0,058
Инновационная активность	10	0,053
Коммуникация	11	0,047
Социальная ответственность	12	0,042
Менеджмент качества	13	0,037
Стиль руководства	14	0,032
Эффективность управления временем	15	0,026
Принятие управленческих решений	16	0,021
Развитие персонала, квалификация работников	17	0,016
Управление талантами	18	0,011
Обмен опытом	19	0,005

Распределение качественных параметров управления по уровням приведено в таблице 4.

Таблица 4. – Распределение качественных параметров управления по удельному весу

Удельный вес параметров	Параметры
Высокий (0,068 – 0,1)	Долговая нагрузка
	Внутренние проблемы
	Внешние проблемы
	Обеспеченность материальными и финансовыми ресурсами
	Поддержание конкурентоспособности
	Меры по повышению эффективности
	Гибкие навыки
Средний (0,034 – 0,067)	Координация
	Бизнес-процессы
	Инновационная активность
	Коммуникация
	Социальная ответственность
Низкий ($\leq 0,033$)	Менеджмент качества
	Стиль руководства
	Эффективность управления временем
	Принятие управленческих решений
	Развитие персонала, квалификация работников
	Управление талантами
	Обмен опытом

Полученные данные свидетельствуют, что руководители НФК считают более важными параметры, связанные с эффективным управлением материальными ресурсами, т.е. капиталом. При этом аспекты, касающиеся управления таким ресурсом, как труд, имеют меньшую значимость для руководителей.

С целью проведения исследования степени влияния качественных параметров на эффективность управления промышленными нефинансовыми корпорациями необходимо осуществить их группировку с учетом веса экономических показателей для расчета индекса эффективности.

По нормированным переменным проведен факторный анализ (вращение факторов осуществлено методом Варимакс) экономических показателей, по результатам которого наиболее высокие корреляционные связи продемонстрировали три: коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами; рентабельность активов и рентабельность персонала. Далее, учитывая коэффициенты факторных нагрузок и значение объясняющей дисперсии был рассчитан вес каждого из выделенных экономических показателей (таблица 5).

Далее по каждому из промышленных НФК был рассчитан индекс эффективности по формуле:

$$X_1 \times 0,27 + X_2 \times 0,38 + X_3 \times 0,35. \quad (3)$$

Полученный индекс находится в пределах от -3,7 до 3,4.

Таблица 5. – Вес экономических показателей при расчете индекса эффективности

Переменная	Обозначение	Вес (%)
Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами	X_1	26,5
Рентабельность активов	X_2	38,0
Рентабельность персонала	X_3	35,5
Итого		100,0

Следующим шагом все предприятия промышленности были разделены на группы (рисунок):

первая группа – от 0,5846 до 3,4060 («более эффективные») – 11 ед. (22,4%);

вторая группа – от 0,0044 до 0,4698 («менее эффективные») – 18 ед. (36,7%);

третья группа – от -0,3124 до -0,0214 («менее неэффективные») – 11 ед. (22,4%);

четвертая группа – значения индекса от -3,6962 до -0,5078 («более неэффективные») – 9 ед. (18,5%);

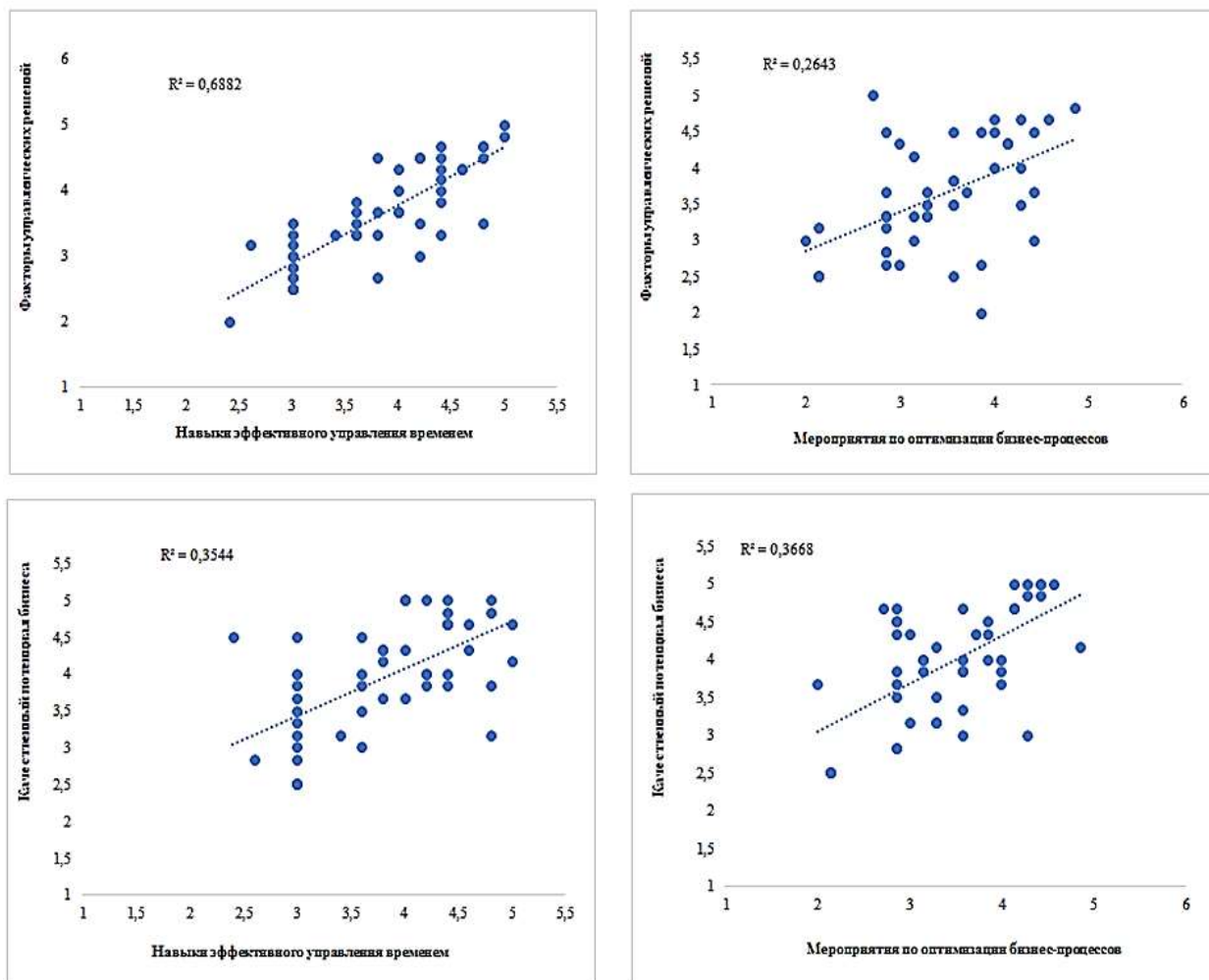

Рисунок. – Корреляция факторов управления организацией

Согласно полученным в ходе исследования данным, можно сделать следующие выводы о влиянии основных параметров качества управления на эффективность деятельности промышленных НФК.

Оценка обеспеченности организации материальными и финансовыми ресурсами в 2023 г. рассматривается всеми промышленными НФК как существенно ограничивающая эффективность, что подчеркивает важность системного повышения управленческих компетенций менеджеров. Для большинства нефинансовых корпораций крайне актуально повышение качества менеджмента, в том числе:

- а) планирование, организация и координация деятельности; аналитическое мышление;
- б) способность брать ответственность за свои действия; умение работать в команде;
- в) стрессоустойчивость; работа с ИКТ; самосовершенствование.

От 60 до 80% менеджеров считают, что приобретение и/или улучшение указанных навыков повысит эффективность работы НФК. Такая ситуация может быть связана с рядом макроэкономических тенденций: турбулентная внешняя среда, санкционное давление, сложности работы на зарубежных рынках сбыта, ограниченность доступа к технологиям, зарубежным рынкам сырья, материалов, производственного оборудования и капитала.

Оценка важности навыков, применяемых для повышения *эффективности управления временем*, позволила выделить следующие ключевые компоненты: постановка целей, разработка стратегии и определение приоритетности задач.

Одним из важных параметров функционирования НФК на рынке является *конкурентоспособность*, что подчеркивают 80% опрошенных менеджеров, в том числе 2/3 менеджеров считают, что конкурентоспособность их предприятий скорее высокая. Выделены основные факторы, влияющие на конкурентоспособность НФК: уникальные и/или качественные товары (услуги), высококвалифицированные кадры, более низкая цена товара (услуг) относительно конкурентов.

Проблемы *координации управления* являются актуальными для НФК, среди них: противоречия и конфликты между подразделениями, предпочтение решать краткосрочные задачи в ущерб долгосрочным задачам развития, нарушение сроков выполнения поставленных задач и сложности в синхронизации действий, сложности в согласовании действий и вопросов с госорганами, несоответствие фактических результатов работы ожидаемым. Наиболее частыми проблемами являются нарушение сроков выполнения поставленных задач, асинхронность действий и отдача предпочтения решать краткосрочные задачи в ущерб долгосрочным. Однако для большинства исследуемых НФК указанные проблемы считаются незначимыми для эффективности. В то же время, для большинства НФК группы «более неэффективные» проблемы координации критичны для эффективности их работы, особенно нарушения сроков выполнения поставленных задач и асинхронность действий.

Для всех НФК характерно наличие проблем *коммуникации*, в том числе таких, как: информационные перегрузки (35,0%); сопротивление изменениям (30,0); субъективные стереотипы и заблуждения (19,3%); межличностные барьеры (9,0%); искажение информации (6,0%). Все это указывает на то, что целесообразны комплексные меры по улучшению коммуникационных процессов внутри организаций. Прежде всего, необходимо разработать стратегии, направленные на снижение информационных перегрузок, которые возникают из-за избытка данных и недостатка структурированности в их представлении, а также внедрить программы по управлению изменениями. Это создаст более здоровую и продуктивную рабочую среду, способствующую инновациям и развитию.

Большую важность при *принятии управленческих решений* имеют рыночная ситуация и аналитическая информация, доступность сырья и материалов, квалификация персонала, производственные мощности, финансовые ресурсы предприятия. Средняя важность характерна для таких факторов, как собственные знания и приобретенный опыт, видение организационной эволюции и необходимых изменений. Меньшей важностью отмечаются интересы стейкхолдеров (акционеров, совета директоров, инвесторов и др.) и интуиция, проницательность.

Следует отметить, что разрыв в важности более значимых и менее значимых факторов увеличивается от более эффективных (30%) до более неэффективных (49%) НФК. Это указывает на необходимость стратегического подхода к управлению, при котором акцент делается на анализ рыночной ситуации и доступные ресурсы. Респонденты осознают, что принятие управленческих решений должно основываться, в первую очередь, на объективных данных и аналитической информации, а не на интуитивных ощущениях или мнениях стейкхолдеров. Такой подход позволяет не только минимизировать риски, но и оптимизировать использование ресурсов, что в конечном итоге способствует повышению общей эффективности хозяйственной деятельности НФК. Важно, чтобы НФК развивали навыки аналитического мышления и адаптивности, что поможет им лучше реагировать на изменения в динамичной окружающей среде и успешно справляться с вызовами.

Для *оптимизации бизнес-процессов* в нефинансовых корпорациях используются следующие мероприятия, которые распределены на четыре группы по степени важности:

- 1) выявление потенциала и разработка среднесрочных планов по совершенствованию бизнес-процессов (4,1 балла), мониторинг бизнеса на основе нормативов (ключевых показателей эффективности и т.п.) (4,1 балла);
- 2) фиксирование (документирование) текущих проблем и контроль их устранения (3,8 балла), оценка результативности мероприятий по совершенствованию бизнес-процессов (3,7 балла);
- 3) проведение аудита, выявление «узких мест» (3,0 балла); инфографика выполняемых бизнес-процессов (2,8 балла);
- 4) привлечение сторонних консультантов (2,0 балла).

Респонденты отмечают *целесообразность активизации образовательных мероприятий для повышения квалификации персонала* НФК по следующим группам:

- 1) курсы повышения квалификации (24,8%), наставничество (ученичество), производственное обучение (25,6%);
- 2) стажировки (18,2%), переподготовка кадров (19,8%);
- 3) ротация (11,6%).

Однако на сегодняшний день обучение и переподготовка не считаются значимыми в повышении инновационной активности предприятий. Вследствие чего можно предположить, что необходимо адаптировать программы обучения под конкретные компетенции для решения производственных и управленческих задач, что позволит сделать обучение более персонализированным и целенаправленным.

Оценка важности раскрытия личностных и профессиональных качеств персонала показала, что основным параметром является осуществление поддержки руководством инициативных и талантливых работников.

Для всех НФК характерными *мерами, предпринимаемыми для повышения инновационной активности*, являются: обновление (модернизация) оборудования и разработка модификаций производимой продукции, расширение ассортимента. При этом по второму фактору наблюдается разрыв между эффективными и неэффективными организациями, что может быть связано с необходимостью вложения инвестиций в маркетинговые

исследования рынка, совершенствованием управления запасами, продуктового портфеля предприятия. Такие параметры, как обучение и переподготовка персонала, новые способы продвижения продукции и осуществление НИОКР имеют средние значения. Приобретение технологий, патентов, лицензий, ноу-хау и новые (передовые) методы операционного управления и/или стратегического управления имеют крайне низкие значения, что свидетельствует о низкой инновационной активности всех промышленных НФК.

Наличие *гибких навыков* у сотрудников рассматривается как критически важное, позволяющее повысить эффективность деятельности НФК. Среди наиболее необходимых навыков для менеджеров выделяют следующие: планирование, организация и координация деятельности, аналитическое мышление, ответственность за свои действия, умение работать в команде. Наблюдается большой разрыв между вышеуказанными группами гибких навыков и открытостью новым возможностям и гибкостью, что согласуется с проблемой сопротивления изменениям, которую отмечают респонденты по параметру «Коммуникации». Это может быть связано с особенностями корпоративной культуры, которая зачастую носит консервативный характер. В таких НФК может отсутствовать поощрение к открытости новым идеям и подходам, менеджеры могут чувствовать давление следовать установленным нормам, что ограничивает их гибкость.

Оценка важности факторов, касающихся *корпоративной культуры организации*, показала, что наибольшую важность имеет фактор «Я отдаю предпочтение принятию коллегиальных взвешенных решений». Средняя важность характерна для факторов «Я приветствую командную работу по новым проектам, свободу и ответственность команд в принятии решений», «Я открыт для объективной критики и конструктивного диалога», «В организации должна быть жесткая регламентация правил». Меньшей важностью отмечаются такие факторы, как «Я отдаю предпочтение централизации и консервативной организационной структуре», «Я единолично принимаю управленческие решения». Такие результаты свидетельствуют об использовании демократичного стиля руководства как наиболее предпочтительного. Разрыв в важности более значимых и менее значимых факторов увеличивается от более эффективных до более неэффективных нефинансовых корпораций.

Практики обмена опытом в сфере организации и управления бизнесом показывают, что зачастую к респондентам обращаются для перенятия успешного опыта из других отечественных организаций (46,9%).

Реализация принципов ESG-повестки становится более актуальной для НФК, стремящихся к устойчивому развитию в долгосрочной перспективе. Однако, ввиду ограниченности ресурсов, следовать данным принципам целесообразно эффективным предприятиям, которые имеют более широкие возможности для финансирования таких проектов. Интеграция ESG-принципов должна быть обусловлена не только этическим выбором, но и быть экономически обоснованным решением. Это позволяет не только обеспечить окупаемость проектов и интернализировать отрицательные экстерналии, но и вносить вклад в общее экономическое благосостояние, создавая устойчивую и справедливую бизнес-среду.

Актуальные внешние проблемы для НФК за 2023 г. разделяются на значимые и незначимые. В группу значимых включаются:

- более значимые: нарушение логистических цепочек, увеличение сроков поставок;
- менее значимые: сложности с закупкой нового и обслуживанием имеющегося иностранного оборудования, сложности с закупкой необходимого сырья и материалов (по качеству и количеству); ограниченность рынков и каналов сбыта, нестабильный спрос на основных рынках сбыта.

Высокие значения факторов первой группы обусловлены макроэкономическими и геополитическими тенденциями, что требует разработки новых стратегий и направлений функционирования.

Актуальные внутренние проблемы для НФК за 2023 г. включают 3 группы:

1. Наиболее значимые: дефицит собственных средств для расширения и/или модернизации производства.
2. Имеющие среднюю значимость: недостаток квалифицированных кадров, недостаточные темпы роста продаж, высокая степень износа оборудования основных производственных фондов, поломки оборудования.
3. Наименее значимые: недостаточная рентабельность активов, собственного капитала, недостаточный уровень механизации, автоматизации и цифровизации в организации, недостаточная гибкость производственной системы, слабая адаптация, высокие операционные издержки, производственный брак, отказы клиентов.

Ответы респондентов подтверждают проблему ограниченности ресурсов, в т.ч. для расширения и/или модернизации производства. Системными проблемами НФК остаются: высокая степень износа оборудования и низкий коэффициент его обновления, кадровый голод, организационные и структурные сложности работы на рынках сбыта.

Основными мероприятиями для повышения эффективности производства, осуществленными НФК за 2023 г., являлись: оптимизация расходов на сырье и материалы, выявление и использование внутрихозяйственных резервов, интенсификация маркетинговой деятельности, оптимизация операционных затрат. Данные направления предполагали решение внутренних проблем НФК.

Заключение. Таким образом, в ходе проведения исследования было выявлено, что качественные параметры управления влияют на эффективность деятельности НФК, однако, степень такого влияния оценить непросто ввиду того, что качественные отражают причинно-следственные связи, а количественные имеют числовое значение. Следует отметить, что разделение методов анализа на количественные и качественные не носит абсолютного характера, между ними трудно провести разделяющую черту. Наблюдается тенденция к расширению полукачественных оценок и критериев – порядковых, ранговых, интервальных, которые, по сути, представляют смешанные количественно-качественные индикаторы. Использование таких оценок является более объективным

для исследований сложных и многогранных социально-экономических явлений. Данный подход был использован авторами научного исследования, что позволило выявить наличие и оценить степень стохастической связи между количественными и качественными параметрами управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гречишкина Е., Васильченко А., Тихоновская Ю. Методологические подходы к оценке качества управления нефинансовыми корпорациями // Банкаўскі веснік. – 2023. – № 4(717). – С. 35–45.
2. Гречишкина Е.А., Васильченко А.О. Разработка методологического инструментария оценки качества управления нефинансовыми корпорациями Республики Беларусь // Экономика и банки. – 2023. – № 2. – С. 52–62.
3. Методические рекомендации по проведению комплексной системной оценки финансового состояния организации [Электронный ресурс]: утв. Приказом Министерства финансов Республики Беларусь от 14.10.2021 г., № 351 // Правовая платформа «Бизнес-Инфо». – URL: <https://bii.by> (дата обращения: 26.09.2024).
4. Разъяснение аудиторской палаты по анализу финансовой устойчивости и платежеспособности организаций в процессе проведения аудита бухгалтерской (финансовой) отчетности [Электронный ресурс] // Правовая платформа «Бизнес-Инфо». – URL: <https://bii.by> (дата обращения: 25.05.2024).
5. Смольский А. Финансово-экономический анализ при банкротстве. Анализ результативности и эффективности деятельности субъекта хозяйствования [Электронный ресурс] // Правовая платформа «Бизнес-Инфо». – URL: <https://bii.by> (дата обращения: 25.05.2024).

Поступила 07.10.2025

STUDY OF THE INFLUENCE OF QUALITY OF MANAGEMENT ON ECONOMIC EFFICIENCY OF NON-FINANCIAL CORPORATIONS OF THE REPUBLIC OF BELARUS

O. HRECHYSHKINA, A. VASYLCHENKO
(*Polessky State University, Pinsk*)

I. LASHUK
(*Belarus State Economic University, Minsk*)

The article conducts a sociological study to assess qualitative parameters of management of non-financial corporations of the Republic of Belarus. The relationship between economic indicators of non-financial corporations' activities in Belarus and sociological ones is analysed, qualitative management parameters are ranked and their distribution by relative weight is carried out using the Fichtenberg method. The normalized variables are analyzed by factor analysis (Varimax method) of economic indicators, the highest correlation is shown as follows: ratio of own working capital; profitability of assets and profitability of staff. This is the basis for calculating an efficiency index, which divides all industrial enterprises into four groups according to their economic performance. The authors evaluate the degree of relationship between quantitative and qualitative parameters, make conclusions about the influence of the main parameters of quality management on efficiency. It is found that the quality parameters of management have a significant impact on the performance of non-financial corporations, however, to assess the extent of such impact is not easy because the quality parameters reflect the investigative relationships, and quantitative ones are numerical.

Keywords: *quality of management, economic efficiency, non-financial corporations, qualitative and quantitative parameters, Fichtenberg method, factor analysis.*

УДК 338.24:661.12

DOI 10.52928/2070-1632-2025-73-4-34-41

**АНАЛИЗ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ:
АЛГОРИТМ, ИНДИКАТОРЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ****М.А. ДЕРЕВЯГО***(Белорусский государственный технологический университет, Минск)***ORCID:** <https://orcid.org/0000-0001-8663-3068>

Статья посвящена обзору экономических категорий: наукоемкости, технологичности и инновационности, а также основным подходам и показателям, применяемым при их оценке. На основании обобщения охарактеризованных подходов описывается сформированный алгоритм анализа инновационного развития обрабатывающих производств, включающий три этапа: сравнительный анализ индикаторов инновационного развития производств высокого технологического уровня; структурный анализ динамики инновационного развития производств по уровню технологичности; сравнительный анализ уровня и динамики заработной платы по производствам. Представлена апробация алгоритма с использованием доступных статистических данных по производствам обрабатывающей промышленности Республики Беларусь, сформулированы выводы. Особое внимание при этом уделено анализу инновационного развития фармацевтической промышленности.

Ключевые слова: фармацевтическая промышленность, развитие, наукоемкость, технологичность, инновационность, алгоритм, индикаторы, результаты.

Введение. Актуальность изучения инновационности, технологичности и наукоемкости отраслей обуславливается высокой динамикой современного глобального экономического развития, технологическим прогрессом и конкурентной борьбой на мировом рынке. В условиях стремительного научно-технического прогресса эффективность и конкурентоспособность национальных производств все больше зависит от их способности внедрять инновации, повышать технологический уровень и развивать наукоемкие производства. Анализ данных аспектов позволяет не только оценить текущий уровень развития отраслей, но и выявить ключевые направления стратегического обновления и инвестирования. В результате правильная диагностика инновационного потенциала и технологической зрелости становится важнейшим инструментом формирования государственной политики, регулирующей промышленное развитие, и способствует укреплению позиций страны на мировом технологическом и экономическом пространстве.

Основная часть. Понятия инновационности, наукоемкости и технологичности тесно связаны. *Наукоемкость* производства определяет долю научного знания и исследований в продукте, *технологичность* – степень применения передовых технологий, а *инновационность* заключается в успешном внедрении нового (продукта, процесса или технологии) на рынок. Инновация может быть наукоемкой и технологичной, но эти термины описывают разные аспекты процесса создания новшества. *Инновационное развитие* – это процесс последовательной разработки и внедрения новых или существенно улучшенных продуктов, услуг, процессов, методов или бизнес-моделей, направленный на повышение эффективности, конкурентоспособности и устойчивости экономики или организации. Оно включает в себя не только создание новых идей и технологий, но и их успешное превращение в коммерчески и социально значимые решения, что способствует постоянному развитию и адаптации организации к изменениям внешней среды. Ключевыми циклическими элементами инновационного развития являются: стимулирование научных исследований и технологического прогресса; использование научных знаний и передовых технологий; внедрение новшества на рынок или в деятельность организации; повышение конкурентоспособности и эффективности. В целом, инновационное развитие – это комплексный и системный процесс, который включает подготовку, внедрение и коммерциализацию инноваций с целью достижения стратегических целей и обеспечения долгосрочного роста.

На рисунке 1 представлена взаимосвязь категорий наукоемкости, технологичности и инновационности. Он описывает важность взаимодействия этих категорий. Считается, чем выше наукоемкость, тем больше вероятность, что инновация основана на передовых научных разработках, исследованиях и открытиях. Высокая технологичность часто является следствием наукоемкости и определяет, насколько инновационный продукт или процесс использует современное оборудование, методы и инструменты. Инновационность как конечный результат отражает внедренное новшество, которое повышает эффективность производства или улучшает качество продукции, востребовано рынком. Этот результат зависит от наукоемкости и технологичности, но сам по себе не сводится только к ним. Наукоемкость и технологичность тесно связаны: наукоемкость обеспечивает технологическое лидерство, а высокая технологичность позволяет эффективно реализовывать результаты научных исследований на практике, что вследствие гибкости и инновационности производства, предусматривающей использование научных знаний и передовых технологий, обеспечивает инновационное развитие.

Применительно к фармацевтической отрасли это означает, что высокая наукоемкость, технологичность и инновационность будет способствовать успешной разработке и созданию нового лекарственного препарата, основанного на передовых генетических исследованиях и производимого с использованием высокотехнологичного

оборудования. Если же разработка новых лекарственных средств и препаратов основана на фундаментальных научных открытиях, которые пока не могут быть внедрены в массовое производство из-за недостатка необходимых технологий – это будет свидетельствовать о высокой наукоёмкости, но низком уровне технологичности и инновационности. В ином случае, при высокой технологичности и инновационности, но с низкой наукоёмкостью будет осуществляться только создание новых форм лекарственных препаратов и изменение их дизайна с использованием современных производственных технологий, улучшенными характеристиками для пациентов без кардинальных научных прорывов.

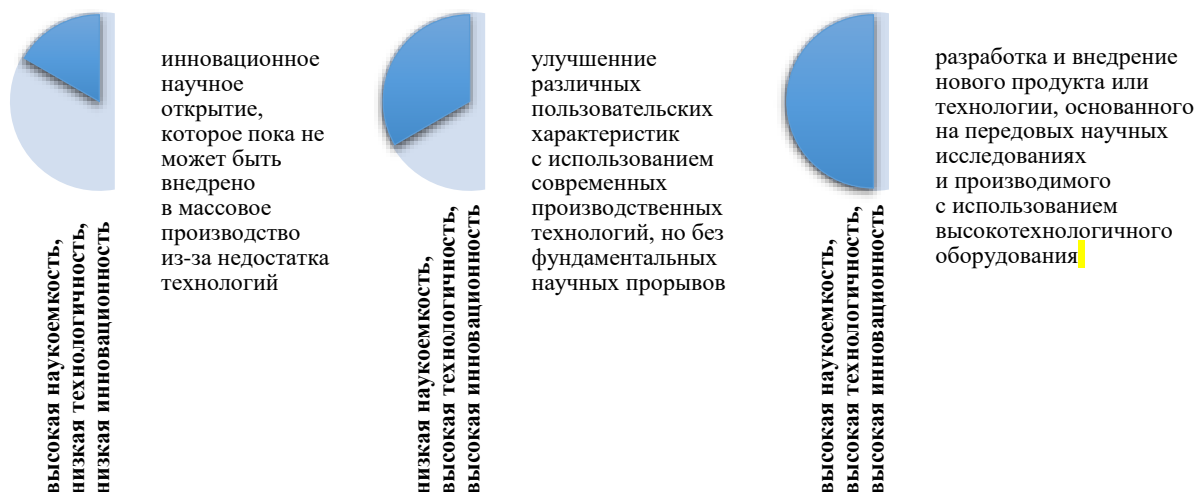

Рисунок 1. – Взаимосвязь категорий наукоёмкости, технологичности и инновационности

Наукоёмкость, определяющая технологичность производства, как правило, оценивается долей затрат на НИОКР в валовом выпуске продукции или в объеме реализации. Согласно классификации ОЭСР, *высокотехнологичными* считаются отрасли, в которых этот показатель превышает 3,5% от валовой стоимости продукции. Если же доля затрат на НИОКР превышает 8,5%, то производство считается ведущим в стране [1, с. 65–66]. Эти значения ориентировочны и могут меняться в зависимости от страны и периода времени, так как интенсивность затрат на НИОКР является достаточно динамичной характеристикой.

Наукоёмкость отрасли и предприятия может также оцениваться отношением численности работников, занятых в научной сфере, к общей численности работников. Согласно классификации Национального научного фонда США, в наукоёмких отраслях доля научных работников в общей численности персонала превышает 2,5%.

По мнению Е.М. Белого и С.А. Герасимовой, в составе показателей наукоёмкости должна быть доля исследователей с научной степенью, поскольку именно они позволяют поддерживать инновационные процессы предприятия на высоком уровне. Кроме расчета доли ученых-исследователей (докторов и кандидатов наук) в общей численности персонала предприятия, выполняющего научно-исследовательские разработки, а также доли затрат на исследования и разработки в выполненном объеме научно-технических работ и услуг, авторы предлагают рассчитывать долю затрат на патентование и защиту интеллектуальной собственности в выручке от производства и реализации наукоёмкой продукции и услуг предприятия [2, с. 46].

Для характеристики высокотехнологичных отраслей, – как считает И.А. Михайлова-Станюта, – целесообразно применять не один показатель, а набор параметров, число которых может варьироваться. Одним из таких показателей является объем добавленной стоимости. Величина добавленной стоимости особенно значительна в фармацевтике, авиастроении, радиотехнике, телевидении и средствах связи [3, с. 56]. Отсюда показатель наукоёмкости (удельный вес затрат на НИОКР в добавленной стоимости) высокотехнологических отраслей должен превышать средний или некоторый специально выбранный для промышленности уровень. А.Е. Варшавский также отмечает, что отнесение отраслей к наукоёмким либо высокотехнологичным достаточно условное и, кроме отношения объема затрат на НИОКР к объему выпущенной, реализованной продукции или добавленной стоимости, необходимо рассматривать отношение НИОКР к величине основных факторов производства (средств производства и труда) [1, с. 62].

В основе комплексного подхода к анализу наукоёмкости Татаринова В.В. лежит расчет трех показателей: коэффициента наукоёмкости предприятия (отношение суммарных затрат на НИОКР к валовому объёму произведённой наукоёмкой продукции); коэффициента обеспеченности инженерно-техническим и научным персоналом высокой квалификации; показателя интенсивности технологической деятельности организации, определяющего уровень производственного процесса, всех его элементов и объектов материально-технической базы наукоёмкого предприятия [4, с. 109–110].

По мнению Ю.Р. Романова, для количественной оценки наукоёмкости можно использовать показатели, отражающие сложность и новизну научно-технических проблем, решаемых в процессе её создания. Они должны

опираться на конкретные, измеримые данные, отражающие взаимодействие научных, технических и технологических инноваций, быть объективными и показывать реальное влияние этих факторов на производство. Значения этих показателей должны изменяться в зависимости от уровня наукоемкости, увеличиваясь по мере возрастания сложности и новизны. [5, с. 22].

Согласно общепринятому отраслевому подходу предполагается, что если предприятие входит в состав наукоёмкой отрасли, то оно является наукоёмким. Масленников И.А. отмечает, что согласно процессному подходу предприятие является наукоёмким при условии осуществления на нем полного научно-производственного цикла – от научных исследований до выпуска готовой продукции. Наличие подсистем фундаментальной и прикладной науки, осуществляющих НИОКР, является ключевым условием для такой классификации [6, с. 25]. Критерием наукоемкости в данном случае выступает то, что предприятие не просто производит продукцию, но и занимается её разработкой, исследованиями и усовершенствованием. Критерием наукоемкости при структурном подходе является наличие специальных подразделений НИОКР, которые могут занимать различное положение в организационной структуре предприятия [6, с. 40].

Государственной программой инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы был определен перечень целевых показателей для организаций обрабатывающей промышленности, который включает в себя удельный вес инновационно активных организаций в общем числе организаций; долю организаций, осуществляющих процессные инновации, в общем количестве инновационно активных организаций; удельный вес отгруженной инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции; долю отгруженной инновационной продукции новой или значительно улучшенной для внутреннего или мирового рынка в общем объеме отгруженной инновационной продукции; долю экспорта наукоемкой и высокотехнологичной продукции в общем объеме белорусского экспорта; количество созданных (модернизированных) рабочих мест¹.

Оценка уровня технологического развития отраслей экономики Республики Беларусь Национальным статистическим комитетом проводится по следующим показателям: индекс производительности труда; коэффициент обновления основных фондов; степень износа основных средств; индекс изменения фондовооруженности; индекс изменения фондоотдачи; ввод в эксплуатацию основных средств на 1 тыс. рублей инвестиций; доля инвестиций, направленных на реконструкцию и модернизацию; доля инвестиций в машины и оборудование в общем объеме инвестиций в основной капитал, направленных на реконструкцию и модернизацию; индекс физического объема инвестиций в основной капитал, направленных на реконструкцию и модернизацию; индекс физического объема инвестиций в машины и оборудование, осуществляемых при реконструкции и модернизации; доля работающих в высокотехнологичных и наукоемких видах экономической деятельности; структура объема промышленного производства по уровню технологичности; структура добавленной стоимости обрабатывающей промышленности по уровню технологичности².

Таким образом, если количественные методы инновационного развития сводятся к числовым показателям, то качественные направлены на анализ содержательной стороны, например, уровня знаний и технологий, вовлеченных в производственную деятельность. Все количественные показатели можно укрупненно подразделить на показатели, оценивающие величину затрат на инновации, уровень квалификации персонала и объем полученной наукоемкой продукции. Качественные оценивают уровень инновационности технологических процессов, продукции и структурных элементов отрасли (предприятия). Таким образом, для комплексной оценки инновационного развития целесообразно использовать все вышепредставленные показатели. Такой многоаспектный анализ позволит более точно определить степень вовлеченности отрасли (предприятия) в научно-технический прогресс и выявить перспективные направления развития.

На основании обобщения охарактеризованных подходов был сформирован *алгоритм анализа инновационного развития* обрабатывающих производств в интересах изучения его динамики в производстве основных фармацевтических продуктов и фармацевтических препаратов, включающий три этапа: сравнительный анализ индикаторов инновационного развития производств высокого технологического уровня; структурный анализ динамики инновационного развития производств по уровню технологичности; сравнительный анализ уровня и динамики заработной платы по производством.

Все этапы анализа предполагают использование доступной статистической информации, характеризующей состояние и развитие обрабатывающих производств высокого технологического уровня. В Республике Беларусь к ним относятся группы высокотехнологичных отраслей и среднетехнологичных отраслей высокого уровня. Группировка отраслей по признакам технологического развития и наукоемкости разработана на основе рекомендаций Евростата и ОЭСР на основе классификации видов экономической деятельности Европейского союза (NACE, Rev.2.0)³. К высокотехнологичным отраслям относятся производство основных фармацевтических продуктов и фармацевтических препаратов (ФПП); производство вычислительной, электронной и оптической аппаратуры (ВЭОА). Группа среднетехнологичных (высокого уровня) отраслей включает производство химических продуктов (ХП); производство электрооборудования (ЭО); производство машин и оборудования, не включенных в другие

¹ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32100348>.

² URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/nauka-i-innovatsii/innovatsii/godovye-dannye/otsenka-urovnya-tekhnologicheskogo-razvitiya-otrasley-ekonomiki/3-pokazateli-otsenki-urovnya-tekhnologicheskogo-razvitiya-otrasley-ekonomiki-respubliki-belarus/>.

³ URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/nauka-i-innovatsii/innovatsii/godovye-dannye/otsenka-urovnya-tekhnologicheskogo-razvitiya-otrasley-ekonomiki/>.

группировки (МО); производство автомобилей, прицепов и полуприцепов; производство прочих транспортных средств и оборудования (ТСО).

Первый этап предусматривает использование авторской системы индикаторов, включающей три блока. Первый блок объединяет показатели *наукоемкости*, под которой понимается способность создавать инновационную продукцию. Создание предлагается рассматривать сквозь призму участия и затрат. Во второй блок входят показатели, характеризующие *технологичность* отраслей, которые показывают интенсивность создания добавленной стоимости. Третий блок – *инновационность*, определяет продвижение новой или улучшенной продукции. Оно будет оцениваться показателями, характеризующими реализацию и привлечение инвестиций.

В таблице 1 представлена система предлагаемых индикаторов инновационного развития, содержащая показатели наукоемкости, технологичности и инновационности, по которым проведен анализ производств высокого технологического уровня в Республике Беларусь за 2020 г. по последним доступным статистическим данным. В таблице отражены не только значения показателей, но и тенденции их изменения. Анализ трендов позволяет выявить отрасли, демонстрирующие стабильный рост добавленной стоимости, повышение производительности труда и увеличение инновационной активности и др. Это, в свою очередь, дает возможность определить области, требующие дополнительной поддержки и стимулирования.

Проведенный анализ наукоемкости, технологичности и инновационности по видам экономической деятельности (далее – отраслям) промышленности выявляет как сильные стороны, так требующие особого внимания для повышения конкурентоспособности и стимулирования экономического роста. В целом наблюдается значительная дифференциация показателей как внутри высокотехнологичных секторов, так и в сравнении со среднетехнологичными отраслями высокого уровня.

Из таблицы следует, что высокотехнологичные производства характеризуются более высокой долей работников, выполнявших научные исследования и разработки (4,5%). Данное значение превышает пороговое значение в 2,5%, но в основном за счет большой доли научных работников в производстве вычислительной, электронной и оптической аппаратуры. Показатели по доле работников с научной степенью и затратам на обучение на одного работника в высокотехнологичных производствах превышают соответствующие показатели среднетехнологичных (высокого уровня) отраслей, что указывает на более мощную кадровую составляющую. Необходимо отметить невысокую долю затрат на технологические инновации в выручке от реализации продукции практически по всем отраслям экономики, за исключением производства вычислительной, электронной и оптической аппаратуры. По производству основных фармацевтических продуктов и препаратов можно отметить увеличение доли работников, участвовавших в научных исследованиях и разработках, а также высокую долю работников с научной степенью (5,8%). Расходы на обучение и подготовку персонала, связанные с технологическими инновациями, увеличиваются, что предполагает повышение компетентности работников и усиление научного базиса отрасли. Это свидетельствует о росте профессиональной экспертизы и инвестициях в кадровый потенциал в области разработки высокотехнологичных фармацевтических продуктов.

Уровень технологической зрелости, выраженный долей добавленной стоимости в выручке от реализации продукции и производительность труда, также несколько выше в целом по высокотехнологичным отраслям. Такие отрасли характеризуются более высокой долей добавленной стоимости в выручке от реализации продукции, что свидетельствует о значительной трансформации сырья в конечный продукт с использованием передовых технологий. Это также подтверждается повышенной производительностью труда, которая является следствием более эффективной интеграции новых технологий и высокой технической оснащенности производства. Уровень добавленной стоимости и производительности труда в производстве основных фармацевтических продуктов и препаратов оставался достаточно высоким, что говорит о современности и эффективности данного вида производства.

Высокотехнологичные отрасли в целом демонстрируют более высокий удельный вес отгруженной инновационной продукции (35,8 %), в том числе новой, ориентированной на мировой рынок (1,5 %). Это свидетельствует о более высокой инновационной динамике, глобальной конкурентоспособности и способности внедрять новейшие технологические достижения. Однако значимые показатели данных переменных представлены только по производству вычислительной, электронной и оптической аппаратуры. Показатели инновационности по производству основных фармацевтических продуктов и препаратов значительно уступают не только этому высокотехнологичному производству, но и большинству среднетехнологичных производств высокого уровня. Наблюдается снижение доли новой продукции в составе инновационной продукции для внутреннего рынка и отсутствие реализации продукции на мировом рынке.

Можно констатировать, что в целом высокотехнологичные производства занимают лидирующие позиции по показателям наукоемкости, инновационной активности и технологической зрелости. Их кадровая и технологическая база более развита, что обеспечивает им преимущества в глобальной конкуренции, а также способствует более эффективной реализации инновационных проектов и технологий. В отличие от этого, среднетехнологичные производства высокого уровня демонстрируют более скромные показатели, что свидетельствует о необходимости усиления научно-исследовательской деятельности и технологической модернизации для достижения уровня лидеров высокотехнологичных секторов. Анализ показал, что производство основных фармацевтических продуктов и препаратов является одним из наиболее перспективных в Республике Беларусь, как производство со значительной величиной добавленной стоимости, производительностью труда. При этом было выявлено значительное отставание отрасли по уровню наукоемкости и инновационности. Важным аспектом в данном случае выступает не только рост общей величины затрат на исследования и разработки, но и правильный выбор приоритетных направлений развития отрасли с дальнейшей возможностью привлечения инвестиций. Это будет способствовать повышению уровня технологической автономии отрасли и её конкурентоспособности на глобальном рынке.

Таблица 1. – Система индикаторов и анализ инновационного уровня в национальной экономике Беларуси (2020)

Индикатор	Расчетная формула	Тенденция к росту ↑ / спад ↓ и значение индикаторов отраслей					Среднеотраслевые (высокого уровня)					Противостояние высокого технологического уровня	
		Высокие технологические		Всего, в т.ч. производство			Всего, в т.ч. производство		Всего, в т.ч. производство				
		ФПП	ВЭОА	ФПП	ВЭОА	ФПП	ВЭОА	ФПП	ВЭОА	ФПП	ВЭОА		
1 Наукоёмкость													
1.1 Доля работников, выполнявших научные исследования и разработки от общей среднесписочной численности работников отрасли, %	$\frac{З^{НИ}}{СЧ^{СП}} \cdot 100\%$	↑ 4,5	↑ 5,8	↑ 2,2	↑ 5,8	↑ 2,2	↑ 2,2	↑ 0,1	↑ 0,7	↑ 3,7	↓ 2,3	↑ 2,4	
1.2 Удельный вес работников с научной степенью в списочной численности работников, выполнявших научные исследования и разработки, %	$\frac{З^{НИ}}{СЧ^{СП}} \cdot 100\%$	↑ 3,0	↑ 2,4	↓ 5,8	↑ 2,4	↑ 0,5	↑ 0,5	↑ 7,1	↓ 0,0	↓ 0,4	↑ 0,3	↑ 1,0	
1.3 Затраты на обучение и подготовку персонала, связанные с технологическими инновациями в расчете на одного работника, выполнявшего научные исследования и разработки, руб.	$\frac{З^{НИ}}{СЧ^{СП}}$	↑ 643,5	↑ 298,9	↑ 2250,0	↑ 298,9	↑ 45,8	↑ 45,8	↓ 28,6	↑ 22,0	↑ 23,9	↑ 119,8	↑ 179,7	
1.4 Объем затрат на технологические инновации в расчете на одного работающего в отрасли, руб. / чел.	$\frac{З^{НИ}}{СЧ^{СП}}$	↑ 2,2	↑ 2,4	↑ 1,8	↑ 2,4	↑ 1,8	↑ 1,8	↑ 1,8	↑ 0,7	↑ 1,7	↑ 2,6	↑ 1,8	
1.5 Доля затрат на технологические инновации в выручке от реализации продукции, %	$\frac{З^{НИ}}{ВРП} \cdot 100\%$	↓ 2,1	↓ 2,9	↓ 1,3	↓ 2,9	↑ 1,3	↑ 1,3	↑ 0,8	↓ 0,8	↑ 1,8	↑ 2,1	↑ 1,4	
1.6 Доля затрат на технологические инновации в общем объеме отгруженной инновационной продукции, %	$\frac{З^{НИ}}{ОП^{ИП}} \cdot 100\%$	↓ 6,1	↓ 6,4	↓ 5,6	↓ 6,4	↑ 7,2	↑ 7,2	↑ 15,3	↓ 6,5	↑ 6,4	↑ 5,8	↑ 7,0	
1.7 Доля затрат на технологические инновации в добавленной стоимости, %	$\frac{З^{НИ}}{ДС} \cdot 100\%$	↓ 3,7	↓ 5,5	↓ 2,1	↓ 5,5	↑ 3,8	↑ 3,8	↑ 2,0	↓ 2,3	↑ 4,8	↑ 8,2	↑ 3,8	
2 Технологичность													
2.1 Доля добавленной стоимости в выручке от реализации продукции, %	$\frac{ДС}{ВРП} \cdot 100\%$	↓ 58,0	↓ 53,2	↓ 63,0	↓ 53,2	↑ 35,7	↑ 35,7	↑ 39,0	↑ 34,7	↑ 38,1	↑ 26,0	↑ 37,9	
2.2 Производительность труда по добавленной стоимости, руб. / чел.	$\frac{ДС}{СЧ^{СП}}$	↑ 58,9	↑ 43,3	↑ 86,1	↑ 43,3	↑ 46,7	↑ 46,7	↑ 91,4	↑ 31,5	↑ 34,8	↑ 31,9	↑ 48,2	
3 Инновационность													
3.1 Удельный вес отгруженной инновационной продукции в общем объеме отгруженной, %	$\frac{ОП^{ИП}}{ОП} \cdot 100\%$	↑ 35,8	↑ 48,7	↑ 23,6	↑ 48,7	↑ 22,8	↑ 22,8	↑ 7,0	↓ 13,5	↑ 31,9	↓ 41,6	↑ 24,3	
3.2 Удельный вес экспорта в общем объеме отгруженной инновационной продукции, %	$\frac{Э}{ОП^{ИП}} \cdot 100\%$	↑ 66,1	↑ 80,7	↑ 37,4	↑ 80,7	↑ 65,8	↑ 65,8	↓ 60,8	↑ 61,9	↑ 74,2	↓ 58,7	↓ 65,9	
3.3 Удельный вес новой продукции для внутреннего рынка в общем объеме отгруженной инновационной продукции, %	$\frac{НП^{ВР}}{ОП^{ИП}} \cdot 100\%$	↓ 23,1	↓ 28,7	↓ 12,0	↓ 28,7	↑ 60,2	↑ 60,2	↓ 18,3	↓ 43,5	↑ 71,8	↑ 62,1	↑ 53,9	
3.4 Удельный вес новой продукции для мирового рынка в общем объеме отгруженной инновационной продукции, %	$\frac{НП^{МР}}{ОП^{ИП}} \cdot 100\%$	↑ 1,5	↑ 2,2	0,0	↑ 2,2	↑ 1,0	↑ 1,0	0,0	↓ 0,0	↑ 1,2	↓ 1,2	↑ 1,1	
3.5 Доля иностранных инвестиций, покрывающая часть затрат на технологические инновации, %	$\frac{ИИ}{З^{НИ}} \cdot 100\%$	↑ 1,4	↑ 2,0	↑ 0,1	↑ 2,0	↑ 21,4	↑ 21,4	↑ 29,3	↓ 0,0	↓ 0,0	↑ 45,7	↑ 18,5	

Примечание: ДС – добавленная стоимость, руб.; ВРП – выручка от реализации продукции, руб.; ОП – среднесписочная численность работников, чел.; СЧ^{СП} – списочная численность работников, чел.; З^{НИ} – затраты на обучение и подготовку персонала, связанные с технологическими инновациями, руб.; З^{НИ} – затраты на технологические инновации, руб.; ОП^{ИП} – объем отгруженной инновационной продукции, руб.; ОП – объем отгруженной продукции, руб.; Э – объем экспорта, руб.; НП^{ВР} – объем новой продукции для внутреннего рынка, руб.; НП^{МР} – объем новой продукции для мирового рынка, руб.; ИИ – объем иностранных инвестиций, руб.

Источники: разработано и рассчитано автором по статистическим данным⁴

⁴ URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/tblock/c68/c68ec3c1ac53374bedc363044769f2c1.pdf>; URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/tblock/cdd/cdd5f2d5ded7b61827bede853e40e32.pdf>.

Второй этап предусматривает структурный анализ динамики инновационного развития обрабатывающих производств по уровню технологичности. Повышение технологического уровня промышленного производства сопровождается не только расширением доли по объему, но и ростом его вклада в добавленную стоимость. В таблице 2 представлены статистические данные, характеризующие структуру промышленного производства по уровню технологичности Беларуси.

Таблица 2. – Динамика структуры промышленного производства по уровню технологичности

Обрабатывающая промышленность по уровню технологичности	2016	2018	2020	2022	2024
По объему промышленной продукции, в % к итогу					
Обрабатывающая промышленность, всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
производства высокого технологичного уровня, в том числе	26,7	28,4	28,5	30,0	31,6
высокотехнологичные	3,4	3,2	3,7	3,8	5,2
из них производство основных фармацевтических продуктов и фармацевтических препаратов	1,4	1,3	1,5	Нет данных	
среднетехнологичные (высокого уровня)	23,3	25,3	24,7	26,2	26,4
среднетехнологичные производства (низкого уровня)	32,3	34,4	29,7	29,0	29,5
низкотехнологичные производства	41,0	37,1	41,8	41,0	38,9
По добавленной стоимости в % к итогу					
Обрабатывающая промышленность, всего	100,0	100,0	100,0	99,9	100,0
производства высокого технологичного уровня, в том числе	35,1	40,6	37,4	39,4	37,2
высокотехнологичные	5,6	5,3	5,8	5,9	7,8
из них производство основных фармацевтических продуктов и фармацевтических препаратов	2,7	2,6	2,8	Нет данных	
среднетехнологичные (высокого уровня)	29,5	35,3	31,6	33,5	29,4
среднетехнологичные производства (низкого уровня)	23,0	20,2	20,2	19,4	25,1
низкотехнологичные производства	41,9	39,2	42,4	41,1	37,7
Коэффициент эластичности (доля добавленной стоимости/доля объема промышленной продукции), раз					
Обрабатывающая промышленность, всего	–	–	–	–	–
производства высокого технологичного уровня, в том числе	1,31	1,43	1,31	1,31	1,18
высокотехнологичные	1,65	1,66	1,57	1,55	1,50
из них производство основных фармацевтических продуктов и фармацевтических препаратов	1,93	2,00	1,87	Нет данных	
среднетехнологичные (высокого уровня)	1,27	1,40	1,28	1,28	1,11
среднетехнологичные производства (низкого уровня)	0,71	0,59	0,68	0,67	0,85
низкотехнологичные производства	1,02	1,06	1,01	1,00	0,97

Источник: составлено и рассчитано автором по статистическим данным ⁴.

Следует отметить положительную динамику ежегодного увеличения доли производств высокого технологичного уровня в общем объеме промышленного производства с 26,7% в 2016 г. до 31,6% в 2024 г. По объему продукции доля высокотехнологичных производств увеличилась за рассматриваемый период с 3,4% до 5,2%, средневысокотехнологичных – с 23,3% до 26,4%. При этом наблюдается постепенный рост вклада производств высокого технологичного уровня в общую добавленную стоимость. В структуре добавленной стоимости доля производств высокого технологичного уровня увеличилась с 35,1% в 2016 г. до 37,2% в 2024 г., в том числе высокотехнологичных с 5,6% до 7,8%. Сопоставление удельных весов по объему добавленной стоимости и объему промышленной продукции свидетельствует о более высокой эффективности высокотехнологичных производств, располагающих более высокой добавленной стоимостью по сравнению с их долей в объеме продукции. В то же время, отрицательная динамика изменения коэффициента эластичности по высокотехнологичным производствам указывает на тенденцию постепенного снижения их превосходства в эффективности по сравнению с низкотехнологичными секторами, что может быть обусловлено ростом доли менее технологичных производств или изменениями в структуре продукции.

В дополнение был проведен анализ бизнес-демографической статистики обрабатывающей промышленности и рассчитан уровень прироста предприятий как разница между уровнями «рождаемости» и «смертности» (рисунок 2).

Анализ позволил выявить, что по производству основных фармацевтических продуктов и фармацевтических препаратов наблюдается ежегодный прирост предприятий, больший, чем в целом по обрабатывающей промышленности. Однако, деятельность новых предприятий скорее не связана с разработкой и производством инновационной продукции, на что указывает снижение коэффициента эластичности по этому производству.

⁴ URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/nauka-i-innovatsii/innovatsii/godovye-dannye/otsenka-urovnya-tekhnologicheskogo-razvitiya-otrasley-ekonomiki/3-pokazateli-otsenki-urovnya-tekhnologicheskogo-razvitiya-otrasley-ekonomiki-respubliki-belarus/>.

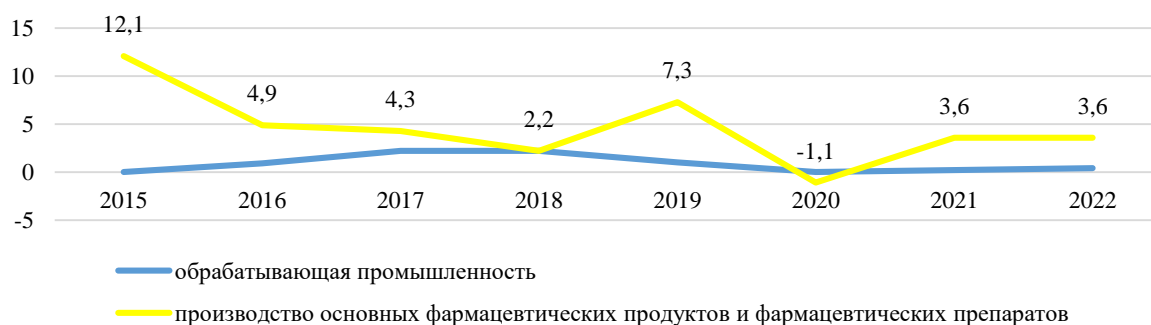

Рисунок 2. – Уровень ежегодного прироста организаций, в процентных пунктах

Источник: рассчитано и составлено автором по данным статистической отчетности⁵.

Третий этап предусматривает обращение к анализу уровня и динамики заработной платы по обрабатывающим производствам разного уровня технологичности (таблица 3).

Таблица 3. – Среднемесячная заработная плата в обрабатывающей промышленности Республики Беларусь

Вид экономической деятельности	2016	2018	2020	2022	2024	Соотношение со средней за 2024 год		Средний темп роста, %
						по обрабатывающей промышленности, %	по экономике, %	
Обрабатывающая промышленность	741,0	995,5	1236,4	1669,6	2407,8	100,0	105,2	134,3
Высокотехнологичные, в т. ч. производство								
основных фармацевтических продуктов и фармацевтических препаратов	913,4	1204,0	1460,7	1924,5	2542,9	105,6	111,1	129,2
вычислительной, электронной и оптической аппаратуры	850,0	1140,5	1448,4	1918,6	3096,4	128,6	135,3	138,2
Среднетехнологичные (высокого уровня), в т. ч. производство								
химических продуктов	1220,4	1678,5	2035,4	2441,3	3212,8	133,4	140,4	127,4
электрооборудования	763,3	970,5	1224,8	1665,8	2457,4	102,1	107,4	134,0
машин и оборудования, не включенных в другие группировки	721,8	1061,2	1237,9	1752,3	2482,9	103,1	108,5	136,2
транспортных средств и оборудования	750,2	1077,5	1314,4	1719,3	2732,7	113,5	119,4	138,2
Среднетехнологичные (низкого уровня), в т. ч. производство								
кокса и продуктов нефтепереработки	1156,3	1633,0	2058,4	2614,6	3257,7	135,3	142,3	129,6
резиновых и пластмассовых изделий, прочих неметаллических минеральных продуктов	683,8	901,7	1144,7	1552,9	2244,4	93,2	98,1	134,6
металлургическое; готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	735,9	1076,2	1351,0	1818,3	2727,9	113,3	119,2	138,8
Низкотехнологичные, в т. ч. производство								
продуктов питания, напитков и табачных изделий	756,8	935,5	1190,6	1646,3	2378,7	98,8	103,9	133,1
текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха	516,8	666,3	799,4	1160,1	1651,5	68,6	72,1	133,7
изделий из дерева и бумаги; полиграфическая деятельность и тиражирование записанных носителей информации	588,2	797,0	1021,3	1474,2	2065,0	85,8	90,2	136,9
прочих готовых изделий; ремонт, монтаж машин и оборудования	730,6	945,3	1174,5	1502,2	2215,7	92,0	96,8	132,0

Источник: составлено и рассчитано автором по статистическим данным⁶.

В целом, отрасли с более высоким уровнем инновационного развития демонстрируют более высокую среднюю заработную плату как по отношению к обрабатывающей промышленности, так и по экономике в целом. Лидерами по уровню заработной платы в 2024 г. являлись: производство кокса и продуктов нефтепереработки,

⁵ URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/1a4/gkfbt4kahx610pwbuenl10854nd3ohpm.pdf>.

⁶ URL: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10218000003>.

химических продуктов и вычислительной, электронной и оптической аппаратуры. Однако высокий темп роста в этих производствах показывает только производство вычислительной, электронной и оптической аппаратуры. Это указывает на увеличение спроса на продукцию в этой отрасли, а, соответственно и на квалифицированные кадры, что подтверждается мировыми тенденциями. Уровень заработной платы в производстве основных фармацевтических продуктов и препаратов превышает величину по обрабатывающей промышленности на 5,6%, но показывает невысокий средний темп роста. Несмотря на то, что в мире фармацевтическая отрасль считается одной из наиболее инновационных и технологически развитых, для Беларуси эти показатели явно недостаточны. Потенциал фармацевтической промышленности не раскрыт, что связано в первую очередь с ориентацией большинства предприятий на производство дженериков ввиду их небольшой стоимости и сроков разработки [7, с. 87].

Заключение. Разработанный алгоритм предполагает комплексный анализ инновационного развития в рамках трех этапов и включает в себя не только прямой анализ индикаторов наукоемкости, технологичности и инновационности производств обрабатывающей промышленности, но и такие параметры, как коэффициент эластичности добавленной стоимости по объему производства, прирост организаций и оплата труда, которые косвенно характеризуют эффективность инновационной деятельности. Результаты, полученные с применением данной методики, показывают, что в Беларуси наиболее привлекательным с инновационной точки зрения выступает производство вычислительной, электронной и оптической аппаратуры. В то же время фармацевтическая промышленность, которая в мировой практике является одним из инновационных лидеров, в Беларуси значительно отстает от передовых отраслей. Полученные результаты будут полезны при принятии решения о дальнейшей стратегии развития отраслей с высоким, но нераскрытым инновационным потенциалом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варшавский А.Е. Наукоемкие отрасли и высокие технологии: определение, показатели, техническая политика, удельный вес в структуре экономики России // Экономическая наука современной России. – 2000. – № 2. – С. 61–83.
2. Белый Е.М., Герасимова С.А. Наукоемкие предприятия как элемент современной инновационной инфраструктуры // Вестник СамГУПС. – 2009. – № 4 (16). – С. 43–47.
3. Михайлова-Станюта И.А. Роль высокотехнологичного сектора в экономическом развитии страны // Наука и инновации. – 2006. – №10 (44). – С. 53–58.
4. Татаринцов В.В. Стратегический анализ наукоемких отраслей и факторы развития инновационных технологий // Бизнес-образование в экономике знаний. – 2017. – № 2 (7). – С. 108–116.
5. Романов Ю.Р. Управление машиностроительным предприятием на основе показателей наукоемкости продукции // Российское предпринимательство. – 2001. – Т. 2, № 10. – С. 20–26.
6. Маслеников И.А. Формирование механизма регулирования социально-трудовых отношений в матричных структурах наукоемкой организации: дис: канд. экон. наук 08.00.05. – Москва, 2015. – 187 с.
7. Дудан М.А. Стратегия развития фармацевтической отрасли Беларуси: обоснование ключевых направлений // Труды БГТУ. Сер. 5, Экономика и управление. – 2024. – № 1 (280). – С. 83–89. DOI: 10.52065/2520-6877-2024-280-10.

Поступила 27.11.2025

ANALYSIS OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF PHARMACEUTICAL INDUSTRY: ALGORITHM, INDICATORS, RESULTS

M. DZERAVIAHA
(Belarusian State Technological University, Minsk)

The article is devoted to the review of economic categories: knowledge intensity, technological and innovation as well as the main approaches and indicators used in their evaluation. Based on the synthesis of described approaches, the developed analysis algorithm for innovative development of manufacturing industries is described, which includes three stages: comparative analysis of indicators of innovative development of high-technology production; structural analysis of dynamics of innovative development of production by level of technological capability; comparative analysis of level and dynamics of wages by production. Presented the validation of the algorithm using available statistics on manufacturing industry production of the Republic of Belarus and formulated conclusions. Special attention is given to the analysis of innovative development of the pharmaceutical industry

Keywords: pharmaceutical industry, development, knowledge intensity, technological, innovation, algorithm, indicators, results.

УДК 339.54.012.435

DOI 10.52928/2070-1632-2025-73-4-42-49

ЦИФРОВОЙ ПРОТЕКЦИОНИЗМ: ТЕНДЕНЦИИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ЦИФРОВЫХ ПОТОКОВ

М.В. МИЛЕНИН*(Белорусский государственный экономический университет, Минск)*

В эпоху цифровизации экономики данные становятся стратегическим ресурсом, а трансграничные потоки информации – критически важным элементом глобальной торговли и инновационного развития. На фоне растущих угроз кибербезопасности, доминирования глобальных цифровых платформ и обострения геоэкономической конкуренции государства усиливают меры цифрового протекционизма, направленные на защиту суверенитета и поддержку отечественных компаний. В статье представлен комплексный анализ современных регуляторных практик, рассмотрены формы цифрового протекционизма, их институциональные основания и экономические последствия. Особое внимание уделено оценке влияния цифровых барьеров на малый и средний бизнес. Сформулированы рекомендации по обеспечению баланса между цифровым суверенитетом и необходимостью поддержания открытости глобального цифрового пространства.

Ключевые слова: протекционизм, цифровой протекционизм, локализация, цифровой суверенитет, цифровые налоги, международная торговля.

Введение. В XXI веке цифровая трансформация мировой экономики стала определяющим фактором изменения структуры производства, торговли и государственного управления. Данные превратились в стратегический ресурс, а трансграничные цифровые потоки – в основу глобальных экономических процессов. Однако рост объёмов данных сопровождается усилением угроз кибербезопасности, зависимостью от транснациональных цифровых корпораций и снижением национального контроля над цифровой инфраструктурой. В этих условиях государства активно прибегают к инструментам цифрового протекционизма, стремясь обеспечить цифровой суверенитет и защиту внутреннего рынка. Актуальность темы определяется тем, что цифровой протекционизм перестаёт быть реакцией на технологические вызовы и превращается в устойчивую форму государственной экономической политики. Он влияет не только на инновационное развитие и международную торговлю, но и на баланс глобальной конкуренции, усиливая процессы цифровой фрагментации. Отсутствие единых подходов к регулированию трансграничных потоков данных усиливает противоречие между национальными интересами и принципами открытой цифровой экономики.

Цель исследования заключается в комплексном анализе форм, инструментов и последствий цифрового протекционизма в контексте глобальной цифровой трансформации. Для достижения цели решаются следующие задачи:

- Систематизировать подходы к определению понятия «цифровой протекционизм» и выявить его теоретические основы.
- Определить ключевые формы цифрового протекционизма и проанализировать их институциональные характеристики.
- Исследовать влияние цифровых барьеров на экономическую эффективность и инновации.
- Сравнить национальные модели регулирования цифрового пространства.
- Выявить экономические последствия цифрового протекционизма для различных групп стран и предложить рекомендации по достижению баланса между цифровым суверенитетом и глобальной открытостью.

Проблематика цифрового протекционизма в научных исследованиях получила развитие на стыке международной экономики, цифрового права и информационной безопасности. Исследования цифрового протекционизма за последние годы демонстрируют рост внимания к проблемам регулирования трансграничных потоков данных, цифрового суверенитета и влияния цифровых барьеров на международную торговлю. Значительный вклад в развитие теоретической базы внесли аналитические материалы Организации экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР), Всемирной торговой организации (далее – ВТО), Всемирного банка, где цифровые ограничения рассматриваются как новый тип нетарифных барьеров, формирующих структурные изменения в мировой торговле услугами. В трудах Ааронсон С. обосновывается взаимосвязь между локализацией данных и снижением международной инновационной активности. Автор указывает, что введение жестких правил хранения данных ведёт к росту операционных затрат и препятствует распространению облачных технологий [1]. Рана Сингх, Снехил Радж проводят количественную оценку влияния цифровых барьеров на конкурентоспособность фирм. Их исследования показывают, что жесткие требования к локализации повышают стоимость ведения бизнеса на 7–11% и особенно негативно влияют на малые и средние предприятия, которые не обладают ресурсами для соблюдения сложных требований [2]. Европейский академический дискурс представлен в исследовании ОЭСР, анализирующем влияние валового внутреннего продукта на трансграничные цифровые потоки. Авторы делают вывод, что строгие нормы Европейского Союза (далее – ЕС) фактически экспортируются за пределы Евросоюза, формируя новый тип «регуляторного протекционизма» [3].

Особое место занимают исследования азиатских авторов. Жао Луан и Ли Джонхва рассматривают цифровой протекционизм как центральный элемент китайской модели цифрового суверенитета. Они отмечают, что

Китай выстраивает замкнутую цифровую экосистему, формирующую преимущества для национальных компаний [4–5]. Шарма Р. анализирует последствия блокировки китайских приложений и показывают, что эти меры ускорили развитие собственных платформ [6].

В российской и белорусской литературе феномен цифрового протекционизма освещён ограниченно. В работах Марковой О.А. и Мелешкиной А.И. цифровой протекционизм трактуется преимущественно как совокупность ограничительных мер по защите персональных данных, без развития институциональной типологии инструментов [7]. В исследованиях А.А. Игнатова подчеркивается влияние цифровых барьеров на российский ИТ-сектор, однако недостаточно проработаны сравнительные аспекты международных моделей регулирования [8].

Таким образом, современная литература охватывает широкий спектр вопросов – от локализации данных до цифровых налогов и национальных моделей регулирования, однако носит фрагментарный характер. Исследователи концентрируются преимущественно на отдельных инструментах или отдельных странах, в то время как комплексный подход встречается редко.

Анализ литературы показывает, что:

- отсутствует цельное институциональное сравнение цифровых протекционистских моделей ЕС, США, Китая, Индии и ЕАЭС;
- недостаточно исследовано влияние цифровых барьеров и их доступ к глобальным цифровым рынкам;
- не разработана единая классификация инструментов цифрового протекционизма, учитывающая правовые, технические и фискальные механизмы;
- на сегодняшний день есть мало работ, оценивающих международные последствия цифровой фрагментации для инноваций и глобальных цепочек создания стоимости.

Настоящая статья восполняет этот пробел, предлагая комплексный сравнительный анализ, структурную классификацию инструментов и оценку их экономического воздействия.

Методологической основой исследования является комплексный междисциплинарный подход, объединяющий положения институциональной теории, неомеркантилизма, концепции цифрового суверенитета и прагматического национализма. Для решения поставленных задач применялись сравнительный анализ национальных моделей регулирования цифрового пространства, системный анализ взаимосвязей между инструментами цифрового протекционизма и их макроэкономическими последствиями, экономико-статистические методы – обработка и сопоставление данных ВТО, ОЭСР и национальных регуляторов, контент-анализ нормативных актов и программных документов стран-лидеров в цифровом регулировании.

Цифровая трансформация мировой экономики сопровождается глубинными изменениями в структуре производства, торговли и управления. Основой этих изменений становится стремительный рост объемов создаваемых, передаваемых и обрабатываемых данных. Информация, ранее рассматривавшаяся как вспомогательный элемент бизнес-процессов, приобретает статус самостоятельного экономического ресурса, сопоставимого по значимости с капиталом, трудом и природными ресурсами. Цифровая экономика характеризуется высокой степенью интеграции глобальных ИТ-инфраструктур, повсеместным распространением облачных сервисов, ростом роли платформенных бизнес-моделей и усилением взаимозависимости национальных экономик. В этом контексте трансграничные потоки данных становятся ключевым условием нормального функционирования как частного бизнеса, так и государственных институтов. Они обеспечивают возможность глобального взаимодействия в таких отраслях, как финансы, телекоммуникации, электронная коммерция, медицина, образование, научные исследования и государственное управление [7, с. 28].

Однако по мере нарастания интенсивности глобальных цифровых потоков усиливаются и риски, связанные с их бесконтрольным распространением. В первую очередь, речь идет об угрозах кибербезопасности, конфиденциальности персональных данных, зависимости от иностранных технологических гигантов, а также об ограничениях государственного контроля за важнейшими элементами цифровой инфраструктуры. Эти вызовы актуализируют дискуссию о необходимости защиты цифрового суверенитета как основы национальной безопасности в условиях глобализации.

В ответ на данные вызовы государства по всему миру начали внедрять широкий спектр регулирующих и ограничительных мер, направленных на обеспечение контроля за трансграничными потоками данных. Эти меры получили обобщающее название «цифровой протекционизм». Он охватывает такие инструменты, как обязательная локализация данных, запреты и ограничения на международную передачу информации, введение цифровых налогов, установление национальных стандартов сертификации и безопасности, блокировка цифровых сервисов иностранных компаний и целевая поддержка отечественных разработчиков цифровых решений. Возникает новая парадигма государственного вмешательства в цифровую экономику, которая характеризуется одновременным стремлением к стимулированию инноваций и защите стратегически значимых цифровых активов. Формируется противоречивое пространство, где с одной стороны – декларации о поддержке открытого интернета и глобального обмена данными, а с другой – последовательное выстраивание нормативных барьеров и усиление юрисдикционного контроля. Именно в этой напряженной плоскости находится феномен цифрового протекционизма.

Научная и практическая значимость данной темы обусловлена тем, что в условиях растущей цифровой фрагментации и обострения геоэкономической конкуренции государства вынуждены искать оптимальные регуляторные модели. Эти модели должны учитывать потребность в обеспечении безопасности и конфиденциальности,

необходимость поддержки национальных ИТ-секторов и одновременно избегать чрезмерных барьеров, снижающих эффективность глобального экономического взаимодействия.

Таким образом, исследование цифрового протекционизма как комплексного явления на стыке экономики, международного права и информационной безопасности становится особенно актуальным. Анализ регуляторных подходов различных стран и регионов, выявление их преимуществ и рисков, а также выработка рекомендаций по достижению баланса между интересами суверенитета и свободной торговли представляет собой основную цель настоящего исследования.

Основная часть. В последние два десятилетия понятие «протекционизм» претерпело заметную трансформацию. Если традиционно оно ассоциировалось с тарифными барьерами, квотами и субсидиями в отношении физических товаров, то с развитием цифровой экономики возникла необходимость осмысления иного, более гибкого и технологически обусловленного протекционизма. Цифровой протекционизм – это форма государственной политики, направленная на ограничение трансграничного обмена данными, предоставления цифровых услуг и доступа иностранных компаний к цифровым рынкам через меры правового, технического и организационного характера.

Исторически, первые элементы цифрового протекционизма начали появляться в странах с авторитарными политическими режимами, где контроль над информационными потоками рассматривался как инструмент внутренней стабильности. Однако в условиях роста цифровой зависимости даже демократические государства начали разрабатывать национальные стратегии по защите цифрового суверенитета. Это связано не только с угрозами кибербезопасности, но и с необходимостью создания условий для развития собственных технологических компаний, минимизации зависимости от иностранных платформ, а также защиты интересов граждан.

С усилением цифровой фрагментации глобального пространства возникает риск формирования так называемого «сплинтернета» – множества несвязанных между собой цифровых экосистем, функционирующих по различным стандартам и регулируемым разными юрисдикциями. Этот процесс сопровождается как легитимными стремлениями государств к защите своих стратегических интересов, так и скрытым протекционизмом в пользу национальных компаний. Особенность цифрового протекционизма заключается в его латентной природе. Он редко выражается в явных ограничениях, чаще – в усложнении доступа через комплекс требований к хранению, обработке и передаче данных, сертификации оборудования, соблюдению местных норм и стандартов. В то же время он тесно переплетается с другими глобальными вызовами: торговыми войнами, санкциями, конкуренцией за лидерство в сфере искусственного интеллекта (далее – ИИ) и технологий больших данных.

Термин «цифровой протекционизм» охватывает широкий спектр мер, включая обязательную локализацию данных, ограничение трансграничной передачи информации, налогообложение цифровых гигантов, требования к техстандартам и доступу к рынкам. Теоретически цифровой протекционизм опирается на концепции неомеркантилизма, цифрового суверенитета и прагматического национализма. Возникает дилемма: безопасность против эффективности, приватность против глобализации. Формы цифрового протекционизма являются отражением стратегий, с помощью которых государства стремятся одновременно защитить свои цифровые интересы и сохранить конкурентоспособность в условиях растущей зависимости от информации. Эти формы могут различаться по степени строгости, характеру правового регулирования и целевым эффектам. Основные формы цифрового протекционизма представлены на рисунке 1.

Рисунок 1. – Основные формы цифрового протекционизма

Таким образом, представленные на рисунке 1 основные формы цифрового протекционизма демонстрируют широкий спектр инструментов, применяемых в мировой практике. Каждая из форм направлена на решение определённого круга задач – от защиты персональных данных до поддержки национальных производителей цифровых решений. Для полноценного понимания сущности и значимости этих форм необходимо более подробно рассмотреть механизмы их реализации, особенности правового регулирования, а также последствия, возникающие в результате их применения в различных странах и юрисдикциях.

Локализация данных представляет собой требование к компаниям осуществлять хранение и/или обработку определенных категорий данных исключительно на территории конкретной страны. Как правило, под такие требования попадают персональные данные, медицинская и финансовая информация, а также данные, имеющие стратегическое значение. Наиболее жесткий подход в этом вопросе демонстрирует Китай, где действует прямая обязательность локализации, в том числе для всех операторов критической информационной инфраструктуры. С 2021 г. в Китае действует Закон о защите персональной информации, обязывающий компании, обрабатывающие персональные данные более 1 млн пользователей, проходить обязательную проверку при передаче данных за рубеж. В 2022 г. власти заблокировали зарубежный листинг платформы Didi после того, как выяснилось, что компания экспортировала пользовательские данные без согласования с регуляторами. В России аналогичные нормы зафиксированы в Федеральном законе «О персональных данных», а в Индии в 2023 г. был принят проект закона, требующий локализации чувствительных данных.

Ограничения трансграничной передачи данных дополняют политику локализации и устанавливают условия, при которых передача данных за рубеж возможна. Это может включать необходимость получения разрешения от уполномоченного органа, заключения договоров с иностранными контрагентами, обеспечивающих эквивалентную защиту, или прохождения сертификации. Например, в ЕС передача персональных данных за пределы Европейской экономической зоны регулируется пятой главой «Общего регламента по защите данных» (далее – GDPR), требующей оценки «адекватности» законодательства третьей страны. В 2023 г. компания Meta была оштрафована на 1,2 млрд евро за передачу пользовательских данных из ЕС в США без должной правовой основы. Это крупнейший на данный момент штраф в рамках GDPR и прецедент в области трансграничного регулирования.

Цифровые налоги (Digital Services Taxes, далее – DST) стали одним из инструментов фискального протекционизма. Они направлены на обложение доходов транснациональных цифровых компаний, действующих на национальных рынках без физического присутствия. В 2019 г. Франция первой в ЕС ввела 3%-й налог на доходы крупных цифровых компаний (Google, Amazon, Facebook), полученные на французском рынке. Это вызвало торговый конфликт с США, пригрозившими импортными пошлинами. В 2022 г. соглашение в рамках ОЭСР временно смягчило напряжённость, но вопрос остаётся открытым. В рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) рассматривается возможность введения унифицированного DST как меры бюджетного выравнивания и справедливой конкуренции. Введение цифровых налогов стало одной из ключевых форм фискального протекционизма, направленного на перераспределение доходов глобальных ИТ-компаний. Таблица 1 отражает основные параметры DST в ряде стран.

Таблица 1. – Цифровые налоги в международной практике¹

Страна	Ставка DST, %	Порог применения (выручка)	Год	Особенности / последствия
Франция	3	> €750 млн глобально, > €25 млн во Франции	2019	Под угрозой ответных мер США
Великобритания	2	> £500 млн глобально, > £25 млн в Великобритании	2020	Временно до реализации реформы ОЭСР
Италия	3	> €750 млн глобально	2020	Активное давление США
ЕАЭС	Планируется	Унифицированная ставка обсуждается	–	В стадии координации

Анализ DST-практик показывает, что цифровые налоги становятся важным инструментом налогового выравнивания, но при этом вызывают геоэкономические трения. Инициатива ОЭСР по введению согласованного подхода может сгладить напряженность, но до её полной реализации страны продолжают действовать самостоятельно.

Технические стандарты и сертификация включают нормативные требования к цифровым продуктам и услугам, направленные на обеспечение безопасности, совместимости и прозрачности. В ЕС принят Закон об ИИ, который классифицирует ИИ-системы по уровню риска и вводит жёсткие регуляции. Китай требует обязательной сертификации программного обеспечения, а также импорта ИТ-оборудования согласно национальным стандартам кибербезопасности.

Ограничения доступа к цифровым рынкам охватывают блокировки отдельных платформ, приложений и сервисов. Это может объясняться как обеспечением национальной безопасности, так и стратегией поддержки локальных цифровых компаний. Так, Индия в 2020 г. ограничила доступ к более чем 200 китайским приложениям, включая TikTok, что сопровождалось развитием внутренних альтернативных решений. В Китае действует система фильтрации западных онлайн-сервисов, а в России ограничен доступ к иностранным цифровым платформам в ряде отраслей.

Субсидирование национальных цифровых компаний используется в виде налоговых льгот, грантов, государственных закупок и преференциальных режимов сертификации. Примером служит американский CHIPS Act, предусматривающий поддержку производителей полупроводников, и стратегия ЕС «Цифровой компас», предполагающая развитие локальной цифровой инфраструктуры. Следует отметить, что в большинстве случаев страны применяют не один, а совокупность различных инструментов цифрового регулирования, формируя уникальные модели, основанные на собственных приоритетах. Эти подходы определяют конфигурацию цифровых рынков, уровень конкуренции и перспективы технологического развития.

¹ URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/world_tariff_profiles25_e.pdf

Одним из наиболее распространённых механизмов цифрового протекционизма остаётся требование локализации данных. В таблице 2 показаны различия в подходах к локализации персональной информации в разных странах и интеграционных объединениях.

Таблица 2. – География локализации данных²

Страна	Требование к локализации	Категории охвата	Год введения / последний пересмотр
Китай	Обязательная	Все персональные и критические данные	2017 / 2021
Россия	Обязательная	Персональные данные граждан страны	2006 / 2024
Индия	Частичная	Чувствительные и платежные данные	2023 (законопроект)
ЕС	Косвенная через GDPR	Персональные данные при передаче за рубеж	2018 / 2021
США	Отсутствует на федеральном уровне	–	–
ЕАЭС	Рекомендуемая локализация	Персональные данные	–

Из данных таблицы 2 видно, что наиболее строгие требования к локализации существуют в странах с централизованными моделями регулирования. В США отсутствует единая федеральная норма, тогда как в ЕС действует косвенный механизм через GDPR. Это вызывает сложности для транснациональных компаний, которым необходимо учитывать требования разных юрисдикций.

Национальные модели цифрового регулирования различаются в зависимости от стратегических приоритетов и правовых традиций. Например, Европейский союз продвигает концепцию «регуляторного суверенитета», экспортируя свои стандарты за рубеж. GDPR, вступивший в силу в 2018 году, стал ориентиром для многих стран. ЕС также реализует нормативные пакеты DMA и DSA, направленные на ограничение рыночной власти цифровых платформ. США традиционно отстаивают принцип свободного обращения цифровых потоков. Однако с усилением геополитической конкуренции они усиливают экспортный контроль и формируют элементы стратегического протекционизма. В качестве примера можно привести «CLOUD Act», который позволяет американским властям запрашивать данные, хранящиеся за рубежом, при наличии судебного разрешения. Китай выстраивает модель цифрового суверенитета, предполагающую приоритет внутреннего регулирования и поддержку национальных компаний. Принятые законы о кибербезопасности и защите персональных данных создают замкнутую экосистему с чёткими требованиями к локализации и сертификации цифровых продуктов. В рамках ЕАЭС формируется собственная модель цифровой интеграции, однако она сталкивается с институциональными барьерами и различиями в национальных законодательствах. В результате наблюдается разнородность практик по локализации и защите данных, несмотря на наличие координирующих решений на уровне Евразийской экономической комиссии. Таким образом, понимание различий между этими моделями необходимо для выработки эффективной стратегии цифрового регулирования, обеспечивающей баланс между национальной безопасностью, инновациями и международным сотрудничеством.

Рассмотрим экономические последствия цифрового протекционизма (таблица 3).

Таблица 3. – Матрица воздействия цифрового протекционизма на экономику

Показатель	Локализация	DST	Ограничения	Субсидии
Издержки	Рост транзакционных затрат	Рост налоговых издержек	Задержки в передаче данных	Риски неэффективного распределения ресурсов
Инновации	Замедление прогресса	Замедление цифрового развития	Снижение инвестиционной активности	
Защита данных	Усиление безопасности	–	Повышение конфиденциальности	Торможение конкуренции в инновациях
Конкуренция	Нарушение принципов свободной торговли	Укрепление позиций местных компаний	Создание преимуществ для локальных игроков	
Фрагментация	Создание барьеров	Рост различий в налогообложении	Разделение цифровых экосистем	Регионализация цифрового рынка

Экономические последствия цифрового протекционизма многогранны и затрагивают широкий спектр участников цифровой экономики – от транснациональных корпораций до малых и средних предприятий, от индивидуальных пользователей до государственных структур. Анализ практики разных стран позволяет выделить как негативные, так и условно позитивные эффекты от применения протекционистских мер в цифровой сфере.

Среди наиболее очевидных негативных последствий следует назвать:

1) рост затрат на соответствие требованиям. Для международных компаний, работающих в нескольких юрисдикциях, соблюдение национальных требований по локализации, сертификации и передаче данных приводит

² URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/data_regulation_e.pdf

к существенным административным и юридическим издержкам. По оценкам ОЭСР расходы на соответствие цифровым требованиям в странах с жёсткими регуляциями могут достигать 5–10% от оборота компании в данной стране, особенно это ощутимо для малых и средних предприятий;

2) снижение темпов инноваций. Ограничение трансграничных потоков данных затрудняет международное научное и технологическое сотрудничество, обмен большими данными, разработку и обучение алгоритмов ИИ. Это снижает конкурентоспособность национальных ИТ-компаний и тормозит внедрение новшеств, особенно в странах с узким внутренним рынком;

3) дублирование цифровой инфраструктуры. Введение обязательной локализации данных требует строительства дополнительных центров обработки данных, создания локальных облачных сервисов и разработки собственных цифровых решений. Эти меры увеличивают капитальные и эксплуатационные расходы, что отражается на конечных ценах для потребителей;

4) фрагментация цифрового рынка. Возникает эффект «сплинтернета» – разделения единого глобального пространства на множество несовместимых цифровых экосистем. Это затрудняет масштабирование бизнеса, усиливает регуляторную неопределённость и снижает эффективность глобальных цифровых платформ;

5) угрозы международным экономическим отношениям. Введение цифровых налогов без согласования с международными партнерами вызывает напряженность в торговых отношениях, провоцирует споры в рамках ВТО и может привести к ответным мерам. США, например, в 2021 г. угрожали введением санкций против стран, применивших односторонние DST в отношении американских компаний.

Однако цифровой протекционизм порождает и условно позитивные эффекты, особенно с точки зрения стран-инициаторов:

1) укрепление национального контроля и суверенитета. Государства получают возможность лучше контролировать оборот чувствительной информации, обеспечивать соответствие хранения данных внутреннему законодательству и реагировать на киберугрозы;

2) развитие локальных ИТ-рынков и стимулирование инвестиций. Обязательная локализация и меры поддержки национальных компаний способствуют росту числа дата-центров, появлению локальных облачных провайдеров и повышению ИТ-грамотности среди населения;

3) справедливое налогообложение глобальных платформ. Цифровые налоги позволяют странам перераспределить часть сверхприбыли транснациональных корпораций, получаемой за счёт локального потребления, в пользу национальных бюджетов.

Тем не менее, в долгосрочной перспективе чрезмерная регуляторная жесткость может привести к снижению глобальной конкурентоспособности, оттоку инвестиций и технологическому отставанию. По этой причине вопросы цифрового протекционизма приобретают острое значение не только для экономической политики, но и для стратегического развития. Современный этап развития мировой цифровой экономики характеризуется всё большей дифференциацией национальных подходов к регулированию цифрового пространства. Это, в свою очередь, приводит к росту числа межгосударственных коллизий, юридической фрагментации и снижению доверия между участниками глобальной цифровой экосистемы. В этих условиях становится очевидной необходимость поиска согласованных решений и создания универсальных или хотя бы регионально совместимых стандартов регулирования трансграничных потоков данных.

Один из ключевых вызовов на пути к глобальной гармонизации заключается в противоречии между правом государств на цифровой суверенитет и интересами международной торговли и инвестиций. Как показывает практика, наиболее эффективным механизмом для разрешения таких противоречий являются многосторонние или региональные платформы, обеспечивающие выработку сбалансированных решений. В этом контексте важное значение приобретают усилия международных организаций и инициатив. Примером является концепция «Data Free Flow with Trust» (далее – DFFT), предложенная Японией и поддержанная странами G20. Её идея заключается в обеспечении свободного движения данных между странами при сохранении высокого уровня доверия, основанного на прозрачности, безопасности и защите персональных данных. Несмотря на декларативную поддержку, механизмов имплементации DFFT пока недостаточно, а реальное продвижение ограничено разногласиями между основными геоэкономическими блоками.

Другим перспективным направлением является развитие соглашений нового поколения, таких как «Соглашение о партнерстве в области цифровой экономики» (Digital Economy Partnership Agreement, далее – DEPA), заключённого между Сингапуром, Чили и Новой Зеландией. Одним из первых результатов этого Соглашения стало создание «песочниц» для тестирования трансграничной идентификации и цифровой сертификации без барьеров. Сингапур и Новая Зеландия начали пилотные проекты, позволяющие компаниям обмениваться данными в режиме «доверенного потока», при этом соблюдая стандарты конфиденциальности обеих сторон. DEPA – это первое специализированное цифровое Соглашение, охватывающее не только традиционные аспекты торговли, но и вопросы совместимости регуляторных режимов, доверия к ИИ, цифровой идентификации и межгосударственного обмена данными. DEPA рассматривается как прототип будущих многосторонних соглашений, способных интегрировать принципы DFFT в практику международного регулирования.

Важнейшим игроком в области глобального регулирования остаётся ОЭСР, продвигающая концепцию в международной налоговой реформе, направленную на справедливое распределение доходов цифровых корпораций между странами. Реализация этого механизма может снизить напряженность, вызванную односторонним введением DST, и стать примером многостороннего компромисса.

Всемирная торговая организация также предпринимает усилия по выработке правил для цифровой торговли. С 2019 г. действует инициатива «О совместном заявлении по электронной коммерции», в рамках которой обсуждаются принципы трансграничной передачи данных, мораторий на цифровые таможенные пошлины, электронная идентификация и аутентификация. Однако переговорный процесс идёт медленно из-за расхождения позиций развитых и развивающихся стран. Развивающиеся государства и региональные объединения, такие как ЕАЭС, АСЕАН, Африканский союз, должны активно участвовать в этих процессах, чтобы избежать навязывания стандартов без учёта их специфики и интересов. Для этого важно использовать потенциал региональных институтов и формировать собственные предложения по регулированию цифровых потоков, включая создание доверенных трансграничных зон хранения и обработки данных. Таким образом, перспективы глобального согласования в сфере цифрового протекционизма зависят от способности стран и международных организаций преодолеть институциональные и геополитические барьеры. Основной задачей является разработка согласованных и взаимопризнаваемых стандартов, обеспечивающих баланс между безопасностью, инновациями и справедливой конкуренцией. Успех в этом направлении станет залогом устойчивого и инклюзивного развития глобальной цифровой экономики. Выработка таких решений невозможна без учёта потребностей всех участников цифрового взаимодействия – от крупных экономик до малых государств и отдельных потребителей.

Заключение. Цифровой протекционизм, будучи относительно новым явлением, стремительно трансформируется из реактивной меры отдельных государств в структурный элемент глобальной экономической архитектуры. С одной стороны, он отвечает на растущие вызовы кибербезопасности, цифровой зависимости и технологической уязвимости, а с другой – влечёт за собой рост фрагментации, снижение эффективности международного взаимодействия и риски замедления технологического прогресса. В условиях цифровизации все большего числа сфер жизни и производства, именно трансграничные потоки данных становятся критической инфраструктурой нового типа, и регулирование этой сферы приобретает экзистенциальное значение для государств. Цифровой протекционизм принимает разнообразные формы: от жёсткой локализации и блокировок до гибких механизмов налогообложения и стандартов сертификации. Эти меры позволяют государствам защищать свои интересы, но требуют высокой точности в применении, чтобы избежать избыточных барьеров для инноваций, особенно в малом и среднем бизнесе. Сравнительный анализ регуляторных моделей показал, что ни одна из существующих стратегий не является универсальной: ЕС стремится экспортировать свои правовые нормы, США балансируют между свободой и стратегическим контролем, Китай строит внутренне ориентированную систему, а ЕАЭС делает попытки согласования на фоне институциональной разнородности. Экономический анализ свидетельствует о высоких издержках цифрового протекционизма в долгосрочной перспективе, включая рост транзакционных затрат, снижение эффективности цифровых рынков и потенциальную утрату инновационного темпа. При этом важно отметить, что частичная протекция может быть оправдана в целях развития собственных ИТ-отраслей, защиты приватности граждан и управления критическими данными. Выход из данной дихотомии – в выработке гибких международных механизмов согласования, сочетающих принцип доверия, прозрачности и технологического нейтралитета. Важными шагами в этом направлении могут стать дальнейшее развитие инициатив DFFT и DEPA, а также укрепление роли ВТО и ОЭСР в координации цифровой торговли. Без участия всех акторов – от малых стран до крупнейших экономик – выработка сбалансированных решений невозможна.

Таким образом, цифровой протекционизм следует рассматривать не как временный инструмент, а как долгосрочную стратегическую задачу. Его регуляция требует тонкой настройки, институциональной гибкости и постоянного международного диалога. Лишь при этих условиях можно достичь баланса между цифровым суверенитетом и сохранением глобальной открытости, обеспечив тем самым устойчивость и инклюзивность цифровой экономики будущего. Международные усилия должны быть направлены на выработку сбалансированных решений, учитывающих легитимные интересы всех сторон.

ЛИТЕРАТУРА

1. Aaronson S. Could a Global «Wicked Problems Agency» Incentivize Data Sharing? [Electronic resource]. – URL: https://www.cigionline.org/static/documents/no.273_2r5SkXF.pdf (date of access: 23.10.2025).
2. Rana S., Snehil R. Data Localization And Its Impact On Cross-Border Digital Trade In India: Legal, Economic, And Strategic Implications // Educational Administration: Theory and Practice. – 2024. – № 30(3). – P. 3327-3333.
3. Measuring digital trade [Electronic resource]. – URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2021/10/measuring-digital-trade_bd0df576/48e68967-en.pdf (date of access: 23.10.2025).
4. Zhao L. China's Data Sovereignty Strategy // China Economic Review. – 2023. – № 78. – P. 5–18.
5. Li W. Cybersecurity Regulation and Digital Protectionism in China // Journal of Information Policy. – 2022. – № 12 – P. 45–58.
6. Sharma R. Digital Sovereignty in India: Policy Evolution and Economic Implications // Journal of Asian Public Policy. – 2021. – № 14(3). – P. 310-319.
7. Маркова О.А., Мелешкина А.И. Цифровой протекционизм: миф или реальность? [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-protseksionizm-mif-ili-realnost/viewer> (дата обращения: 23.10.2025).
8. Игнатов А.А. Сравнительное исследование политики по реализации цифрового суверенитета государства странами-членами БРИКС // Вестник международных организаций. – 2025. – Т. 20. № 3. – С. 54–74.

Поступила 13.11.2025

**DIGITAL PROTECTIONISM:
TRENDS IN REGULATING CROSS-BORDER DIGITAL FLOWS****M. MILENIN***(Belarus State Economic University, Minsk)*

In the digital economy era, data has become a strategic asset, and cross-border flows of information are essential to global trade and innovation. Amid rising cybersecurity threats, the dominance of major digital platforms, and intensified geoeconomic rivalry, states have adopted digital protectionist measures to safeguard sovereignty and support national firms. This article offers a comprehensive analysis of digital protectionism practices, identifies core instruments, institutional underpinnings, and economic impacts – especially on SMEs and innovation – and outlines policy recommendations to balance national interests and global digital openness.

Keywords: *protectionism, digital protectionism, cross-border data flows, data localization, digital sovereignty, digital taxes, international trade.*

УДК 339.138:332.122

DOI 10.52928/2070-1632-2025-73-4-50-57

ИНТЕГРАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ БРЕНДА ТЕРРИТОРИИ

О.Ю. ОСТАШКО

(Белорусский государственный технологический университет, Минск)

В условиях глобализации территориальный брендинг становится стратегическим инструментом социально-экономического развития. В статье анализируются существующие зарубежные и отечественные модели оценки бренда территории, выявляются их ограничения, включая недостаточный учет всех целевых групп. Обосновывается подход к разработке авторской интегральной модели, основанной на контактном брендинге. Модель включает классификацию точек контакта с различными стейкхолдерами (жители, туристы, инвесторы, бизнес, власть) и систему метрик: восприятие, взаимодействие, социально-экономические и финансовые показатели. Модель позволяет интегрировать качественные и количественные показатели, оценивать эффективность бренда, выявлять его сильные и слабые стороны и формировать управленческие решения для стратегического развития территории.

Ключевые слова: бренд территории, территориальный брендинг, модель оценки эффективности, интегральная оценка, метрики эффективности, стратегическое развитие региона.

Введение. В условиях глобализации и растущей конкуренции между странами и регионами усиливается значение территориального бренда как инструмента социально-экономического развития. Бренд территории становится важнейшим нематериальным активом, способствующим привлечению инвестиций, повышению качества жизни населения, росту туристических потоков и формированию позитивного имиджа территории. В настоящее время многие авторы в той или иной степени затрагивали вопросы оценки успешности или эффективности бренда территории, предлагая различные подходы к решению этой задачи, что усложняет оценку самого бренда территории и разработку моделей его стратегического развития.

Стоит отметить, что в брендинге территории определить понятие эффекта достаточно сложно, поскольку формирование бренда связано с созданием не только материальных, но и эмоциональных, а также символических ценностей. Поэтому понятие эффекта в брендинге многоаспектно. Вследствие комплексного характера данной категории целесообразно оценивать бренд территории используя набор эффектов брендинга.

Основная часть. Исследование зарубежной практики оценивания бренда территорий позволило выявить, что наиболее часто в этом вопросе применяются многофакторные и мультиатрибутивные модели, основанные на комплексном учете значимости и оценки ключевых характеристик территории. Среди них наиболее известными являются многофакторная модель Фишбеяна и мультиатрибутивная модель «идеальной точки» Блэквуда.

Модель Фишбеяна, предложенная в 1967 г., базируется на предположении, что общее отношение к бренду территории формируется как сумма взвешенных оценок множества атрибутов, таких как безопасность, инфраструктура, культурное наследие, качество сервиса и экологическая обстановка [1]. Важной особенностью модели является двойной учет (1): респонденты оценивают выраженность атрибутов и их субъективную значимость, что позволяет получить более глубокое понимание восприятия территории:

$$A_o = \sum_{i=1}^n b_i e_i, \quad (1)$$

где A_o – установки относительно объекта;

b_i – сила представления о том, что объект обладает атрибутом i ;

e_i – оценка атрибута i ;

n – число значимых атрибутов [2].

Преимуществами этой методики является целостная количественная оценка, возможность выявления ключевых факторов формирования бренда территории и возможность регулярного мониторинга динамики восприятия. Однако модель предполагает стабильность и ясность восприятия каждого атрибута, что в условиях сложной и многослойной природы территориального бренда может представлять ограничение.

Мультиатрибутивная модель «идеальной точки» Р. Д. Блэквуда, предложенная в 1968 г. (2), предлагает оценить привлекательность территории через степень близости её характеристик к эталонным «идеальным» значениям, заданным целевой аудиторией:

$$A_p = \sum_{i=1}^n W_i |I_i - X_i|, \quad (2)$$

где A_p – установки относительно объекта;

W_i – значимость показателя i ;

I_i – «идеальное» значение атрибута i ;

X_i – представление о фактической величине атрибута i ;

n – число значимых атрибутов [1].

Это позволяет визуализировать разрыв между фактическим и желаемым состоянием, что является удобным инструментом для выявления зон риска и потенциала в развитии территории.

Тем не менее, модель сталкивается с рядом методологических сложностей. Во-первых, изначально разработанная для товарных брендов, она плохо адаптируется к сложной и многогранной природе восприятия территорий, где абстрактные и многокомпонентные атрибуты затрудняют корректную оценку. Во-вторых, предположение об универсальности «идеальной точки» не учитывает всё же разнонаправленные ожидания различных целевых групп (например, туристов и инвесторов), что может привести к упрощенным и искаженным выводам. В-третьих, статичный характер модели не учитывает динамическую природу территориальных брендов, меняющихся под влиянием политических, экономических и социокультурных факторов. Кроме того, стремление к усредненному «идеалу» нередко нивелирует уникальность и аутентичность территории, что противоречит современным трендам в бренд-менеджменте, ориентированным на дифференциацию и локальную идентичность.

Таким образом, несмотря на очевидную полезность и наглядность описанных выше моделей, их применение требует осторожности и обязательного дополнения другими аналитическими инструментами, позволяющими учесть комплексность, многогранность и динамичность восприятия территориальных брендов. Это особенно актуально в современных условиях, когда управление брендом территории требует интегрированного подхода, учитывающего разнообразие заинтересованных групп и уникальные особенности каждой территории.

Современные модели оценки бренда территорий характеризуются комплексным подходом к анализу восприятия регионов и городов, учитывая как внешние, так и внутренние факторы. Одной из наиболее известных методологий является концепция «Шестиугольника» С. Анхольта, предложенная в 2006 г., которая выделяет шесть ключевых компонентов восприятия территории: экспорт, правительство, культуру и наследие, людей, туризм, инвестиции и иммиграцию. Универсальность и структурированность модели обеспечивают широкое применение в сравнительном анализе территориальных брендов и разработке стратегий позиционирования. Однако модель ориентирована преимущественно на восприятие внешней аудитории, что ограничивает учет внутренних особенностей и динамику развития территорий. Кроме того, фиксированность оценки во времени снижает прогностическую ценность, а универсальный набор компонентов может не отражать специфику малых региональных образований.

В качестве альтернативы или дополнения к применению концепции была разработана модель оценки имиджа по перспективам Б. Муртага, предложенная им в 2001 г. и ориентированная на многоаспектное социологическое исследование восприятия территории разными группами стейкхолдеров. Оценка имиджа территории проводится по следующим перспективам: общественная интеграция, культура, экономика, общественное развитие и окружающая среда [3]. Подобный подход позволил выделить структурированные блоки восприятия, способствующие более точной диагностике сильных и слабых сторон бренда территории с учетом различных аудиторий. Тем не менее, обобщенность категорий и отсутствие количественных ориентиров делает оценку бренда территории сложным процессом, что усложнило в дальнейшем интеграцию модели в масштабные маркетинговые исследования и стратегическое планирование.

Также были изучены модели, ориентированные на внутренние группы, а именно четырехфакторная модель удовлетворенности жителей, предложенная С. Зенкером, С. Питерсоном и С. Анхольтом в 2013 г., использование которой позволяет проанализировать функциональные, социальные, идентификационные и экономические аспекты восприятия территории местными жителями. В качестве компонент модели использовались городская жизнь и её разнообразие, природа и отдых, возможности трудоустройства, экономичность [4]. Модель лояльности резидентов Netrego А. и соавторов, предложенная в 2015 г., дополняет вышеописанную модель, интегрируя качественные и количественные показатели, однако ограничена применением к территориям с устойчивой идентичностью и требует значительных ресурсов для проведения опросов [5]. Подобные модели позволяют выявлять внутренние драйверы устойчивости бренда территории и ориентироваться на реальные потребности населения. В то же время акцент на внутренней аудитории снижает достоверность оценки восприятия бренда территории извне, а высокая субъективность индикаторов требует регулярных и дорогостоящих исследований.

Кроме того, среди специализированных моделей оценки бренда территории можно выделить концепцию, предложенную Чжан Л. и Чжао С.Х. в 2009 г., где интернационализация, роль культуры и качество жизни являются ключевыми факторами, формирующими бренд территории [6]. В основе концепции заложена модель взаимосвязи между внешним восприятием (интернационализация), внутренними особенностями (культура) и реальным благополучием жителей (качество жизни) при создании успешного территориального бренда. Тем не менее, сложность и ресурсозатратность сбора данных, а также недостаточная детализация методики измерения компонентов ограничивают её прикладное использование для оценки бренда территории.

Событийный подход в оценке бренда территории, включающий модели влияния крупных мероприятий на бренд территории (например, модели, предложенные L. Chalip в 2004 г. и Grix & Houlihan, 2014 г.), демонстрируют высокую эффективность в краткосрочном периоде узнаваемости и привлечении туристов и инвесторов. Однако зависимость от кратковременных эффектов и нестабильность брендированного капитала без системного сопровождения ограничивают долгосрочную устойчивость бренда [7].

Если же говорить о современных направлениях исследования, то наибольший интерес, по нашему мнению, представляют модели «умного города» (Smart City Brand Models), акцентирующие внимание на цифровизации, технологической интеграции и качестве интеллектуальных услуг, отражают урбанистические тенденции и способствуют формированию образа инновационной и устойчивой территории. Необходимо отметить тот факт, что концентрация на технологическом фокусе может привести к игнорированию культурно-социального капитала

и восприятия жителей, а отсутствие единых метрик усложняет сравнимость и управленческие решения. Кроме того, цифровое неравенство и социальные аспекты восприятия инноваций остаются недостаточно изученными.

Из вышесказанного возможно сделать следующий вывод: современный инструментарий оценки бренда территорий представляет собой набор разноплановых моделей с различной методологической базой. При этом стоит отметить, что большинство зарубежных методов оценки эффективности брендинга территорий базируются на предпосылке о необходимости учета психологических и поведенческих мотивов для формирования оценочных показателей. Получаемые результаты таких методов преимущественно отражают имиджевые характеристики конкретной территории, что связано с субъективно-объектным восприятием комплекса ресурсов, влияющих на её привлекательность. То есть значительная часть зарубежных моделей ориентирована именно на анализ имиджа территории, а не непосредственно бренда, поскольку в международной научной практике понятия «имидж» и «бренд» территорий зачастую рассматриваются как синонимы.

Методы оценки эффективности брендинга территорий, разработанные исследователями из постсоветского пространства, в основном базируются на декомпозиции целей и классификации эффективности по направлениям: социальная, коммуникативная и экономическая. Так, метод Г.Ю. Никифоровой включает разработку показателей стратегической эффективности (например, рост числа реальных потребителей, в том числе туристов и инвесторов), коммуникативной (узнаваемость бренда) и экономической (соотношение доходов и расходов) [8]. Эти показатели помогают комплексно оценить, насколько эффективно разработанная стратегия достигает своих целей на разных уровнях – от узнаваемости до прямого финансового результата и стратегического роста.

Метод Т.В. Мещерякова и Н.С. Тихоновой ориентирован на оценку динамики символического бренд-капитала через репутацию бренда, отражаемую в City Brand Index [9]. Данная модель рассматривает бренд территории как нематериальный (символический) капитал. Этот капитал включает в себя ассоциации, репутацию, узнаваемость и общественное восприятие. Модель ориентирована не просто на фиксацию текущего состояния, а на отслеживание изменений этих показателей во времени, что позволяет оценивать эффективность проводимых брендинговых мероприятий. Однако, оценка требует учета различных аспектов восприятия территории.

В свою очередь С.В. Матусяк предлагает подход для оценки бренда территории, основанный на критериях развития территорий, таких как новая экономическая база, передовые управленческие системы, комфорт и привлекательность города, современное обеспечение жизнедеятельности, качественные коммунальные услуги, ориентированность на семейные ценности, уровень здравоохранения и насыщенность культурной жизни [7].

Методология Г.А. Сафаровой, базирующаяся на GAP-анализе, представляет собой инструмент комплексного исследования территории с целью выявления разрывов между текущим состоянием и желаемым образом региона. Этот подход позволяет всесторонне оценить сильные и слабые стороны территории, определить ключевые направления для улучшения имиджа и разработать конкретные инициативы, направленные на повышение конкурентоспособности и привлекательности региона [10]. GAP-анализ помогает не только диагностировать существующие проблемы, но и сформировать стратегические меры для их устранения, что способствует более эффективному позиционированию бренда территории.

Методика оценки бренда территории, предложенная В.Ю. Пашкусом и А.О. Булиной, основана на интегральной оценке силы и эффективности бренда посредством свода различных показателей в единую метрику. В рамках этого метода учитываются уровень узнаваемости, эмоциональные и ассоциативные характеристики бренда, а также экономические и репутационные показатели [11]. Такая комплексная система позволяет получить целостную картину состояния бренда территории, выявить его сильные стороны и проблемные зоны, а также отслеживать динамику изменений. Результаты оценки становятся важным инструментом для принятия управленческих решений и формирования эффективных стратегий развития.

Методология оценки бренда территории А.В. Мазуренко отличается комплексным подходом к оценке эффективности брендинга через призму взаимодействия всех ключевых стейкхолдеров – государственных структур, бизнеса, местного населения, туристов и инвесторов. Учитываются социальные, экономические и культурные аспекты, а также степень вовлеченности различных участников в процесс формирования бренда [12]. Такой подход позволяет не только оценить текущий вклад каждого из них, но и сформировать сбалансированную стратегию развития, основанную на совместных усилиях. Важной составляющей метода является регулярный мониторинг и адаптация стратегий в зависимости от изменения условий, что обеспечивает устойчивое развитие бренда территории.

Стоит отметить, что российские ученые также предложили ряд оригинальных методик оценки бренда территории, ориентированных на специфические социально-экономические и культурные особенности регионов. Например, в работах И.В. Смирнова акцент сделан на комплексном анализе восприятия территории через призму общественного мнения и медиа-пространства, что позволяет выявить истинные драйверы формирования позитивного имиджа и устойчивого бренда. При этом особое внимание уделяется взаимодействию традиционных и цифровых каналов коммуникации, а также роли культурных и исторических факторов в формировании уникальности региона. Следует подчеркнуть, что большинство этих методов представляют собой адаптацию зарубежных подходов, разработанных учеными и консалтинговыми компаниями, с учетом специфики постсоветского региона.

Таким образом, анализ моделей оценки бренда территории показывает, что ни одна из существующих современных моделей не способна всесторонне оценить эффективность бренда территории. Во-первых, рассматриваемые подходы не охватывают полный спектр групп потребителей – включая население, бизнес и органы власти, как резидентов, так и нерезидентов, а также воздействие бренда территории на поведение целевых стейкхолдеров. Во-

вторых, представленные модели не учитывают цели социально-экономического развития региона. Следовательно, возникает необходимость создания комплексной методики оценки эффективности бренда территории.

Ключевая идея авторской модели состоит в том, что бренд территории существует не как абстрактный конструкт, а как сеть точек контакта, каждая из которых соотносится с определенным фактором и целевой аудиторией (жители, туристы, инвесторы и бизнес, власть). Эффективность бренда определяется не столько наличием этих точек, сколько степенью их взаимозависимости и значимости для разных групп стейкхолдеров. Уникальность предлагаемой модели заключается в интеграции в систему оценки бренда территории принципов контактного брендинга, предложенного С. Дэвисом и М. Данном. Выбор контактного брендинга связан с тем, что в нем особое внимание уделяется восприятию территории целевыми аудиториями, а также анализу контактных точек взаимодействия с брендом. При этом под точками контакта понимаются все те способы, пользуясь которыми «имеющиеся и потенциальные потребители вступают в контакт с брендом, и которые могут или уже используются для влияния на нынешние или будущие решения, связанные с брендом» [13].

Представляется, что эффекты в брендинге территории можно разделить на эффекты восприятия, поведенческие и экономические:

- эффекты восприятия связаны с созданием осведомленности о территории, её бренде и формированием позитивного отношения к ней (с помощью различных мероприятий маркетинговых коммуникаций);
- эффекты взаимодействия отражают степень включённости и взаимодействия целевых групп с брендом территории;
- экономические (финансовые и рыночные) эффекты отражают влияние бренда территории на рыночные и социальные процессы.

Рисунок 1 визуализирует ключевую идею авторской модели: бренд территории функционирует как совокупность точек контакта, объединённых в единую систему, а не как абстрактный образ. Каждая из этих точек соответствует определённому фактору территориального развития и определённой целевой аудитории – жителям, туристам, инвесторам и бизнесу, представителям власти.

Рисунок 1. – Колесо точек контакта с брендом территории

Представленное на рисунке колесо точек контакта демонстрирует, что восприятие бренда не формируется по одному каналу, а складывается из множества взаимодействий: от инфраструктуры, сервисов и организации городской среды до информационных материалов, туристических сервисов, имиджевых мероприятий и качества административных услуг. Такое структурирование позволяет увидеть, как разные точки контакта соотносятся друг с другом, формируют взаимозависимости и оказывают различное влияние на восприятие бренда целевыми аудиториями. То есть в основе предложенной модели заложена гипотеза о том, что эффективность контактного брендинга определяется тем, насколько потребитель получает позитивный опыт на всех уровнях взаимодействия с брендом. При этом отрицательное впечатление, возникшее на одном из этапов контакта, способно нивелировать положительные эмоции, сформированные ранее. Иными словами, положительное восприятие бренда в одной точке контакта не компенсирует негативный опыт в другой. Например, неудовлетворительное качество городской инфраструктуры или низкий уровень сервиса может свести на нет усилия по продвижению туристического

или инвестиционного потенциала территории. Следовательно, ключевым условием успешного территориального брендинга становится управление не отдельными точками контакта, а всей совокупностью взаимодействий, формирующих потребительский опыт до, во время и после контакта с брендом территории.

Для того чтобы эта модель работала не только как наглядная схема, но и как инструмент управления, предложено подкрепить ее системой метрик. Они позволяют «оцифровать» субъективный опыт и превратить его в управляемый показатель. Систему метрик, предложенных в модели Дэвиса и Данна, предлагается структурировать не с позиции реализации стратегических и тактических целей, а с позиции взаимообусловленности и взаимоподчиненности. То есть данный подход позволит создать основы для разработки интегральной модели измерения эффективности бренда территории, где каждая из предложенных метрик связана с конкретной категорией точек контакта с брендом:

1. Метрики восприятия, оценивают, как территория воспринимается различными целевыми аудиториями.

2. Метрики взаимодействия отражают степень включенности и взаимодействия целевых групп с брендом территории.

3. Рыночные и социально-экономические метрики фиксируют влияние бренда территории на рыночные и социальные процессы.

4. Финансовые метрики измеряют прямое экономическое воздействие бренда на бюджет территории.

Эти категории метрик обеспечивают комплексный мониторинг результативности брендинга территории, позволяя оценивать ключевые уровни – от восприятия и поведенческих реакций до рыночных и финансовых показателей. Таким образом, становится возможным проследить эффективность использования вложенных ресурсов и инвестиций в формирование и развитие бренда территории.

Структура метрик эффективности брендинга территории представлена в таблице 1.

Таблица 1. – Структура метрик эффективности брендинга территории

Метрика	Показатели эффективности	Описание	Факторы формирования бренда
1	2	3	4
Метрики восприятия	Узнаваемость бренда	Доля целевых аудиторий, знающих о бренде территории	Базовые факторы, маркетинговые факторы
	Привлекательность имиджа	Оценка ассоциативного восприятия территории (аттрактивность)	Базовые факторы, уровень гостеприимства, уникальные составляющие
	Эмоциональное восприятие	Уровень положительных/отрицательных ассоциаций, эмоциональная вовлеченность	Уникальные составляющие, визуальные стандарты территории
	Сравнительная позиция бренда	Позиционирование территории относительно конкурентов (индекс привлекательности)	Маркетинговые факторы
Метрики взаимодействия	Активность в социальных сетях	Упоминания, вовлеченность в социальных сетях	Уровень гостеприимства, визуальные стандарты
	Уровень взаимодействий с цифровыми платформами территории	Посещаемость официальных сайтов, использование мобильных приложений, просмотры видео-контента	Маркетинговые факторы
	Динамика туризма	Количество туристических визитов, структура туристических потоков	Уровень гостеприимства, базовые факторы
	Интерес к культурным мероприятиям	Количество участников фестивалей, конкурсов, культурных событий	Уровень гостеприимства, уникальные составляющие
	Активность в социальных сетях	Упоминания, вовлеченность в социальных сетях	Уровень гостеприимства, визуальные стандарты
Рыночные и социально-экономические метрики	Прирост числа предприятий и инвесторов	Динамика регистрации новых предприятий, инвестиций	Факторы бизнес-потенциала, производственная среда
	Рост туристической отрасли	Доходы от туризма, средний чек туриста	Уровень гостеприимства, базовые факторы
	Изменение миграционной динамики	Приток/отток населения, удержание молодежи	Уровень жизни, уровень человеческого развития
	Качество жизни	Индексы социального благополучия, уровня доходов, инфраструктуры	Уровень жизни, экология, безопасность
	Прирост числа предприятий и инвесторов	Динамика регистрации новых предприятий, инвестиций	Факторы бизнес-потенциала, производственная среда

Окончание таблицы 1.

1	2	3	4
Финансовые метрики	Налоговые поступления от брендозависимых отраслей	Рост налоговых сборов от туризма, креативных индустрий, инвестиций	Факторы бизнес-потенциала, уровень гостеприимства
	Доходы от туристических и культурных мероприятий	Прямые доходы бюджета от событийного туризма и культурных инициатив	Уровень гостеприимства, уникальные составляющие
	Увеличение доходов от экспорта локальных продуктов	Рост экспорта благодаря усилению идентичности бренда	Производственная среда, маркетинговые факторы
	Финансовая эффективность вложений в бренд	ROI от мероприятий по брендингу территории	Все группы факторов (сквозная метрика)
	Налоговые поступления от брендозависимых отраслей	Рост налоговых сборов от туризма, креативных индустрий, инвестиций	Факторы бизнес-потенциала, уровень гостеприимства

Все перечисленные группы метрик, представленные в таблице 1, позволяют оценить эффективность брендинга территории комплексно.

Как отмечают ведущие специалисты в области бренд-менеджмента Т. Муноз и С. Кумар, «ключевая выгода системы оценки брендов состоит в том, что она позволяет связать брендинг и финансовые результаты» [14]. Метрики разных уровней взаимосвязаны: повышение эффективности показателей одной группы способствует улучшению результатов в других.

Интегральная модель оценки эффективности бренда территории представлена на рисунке 2.

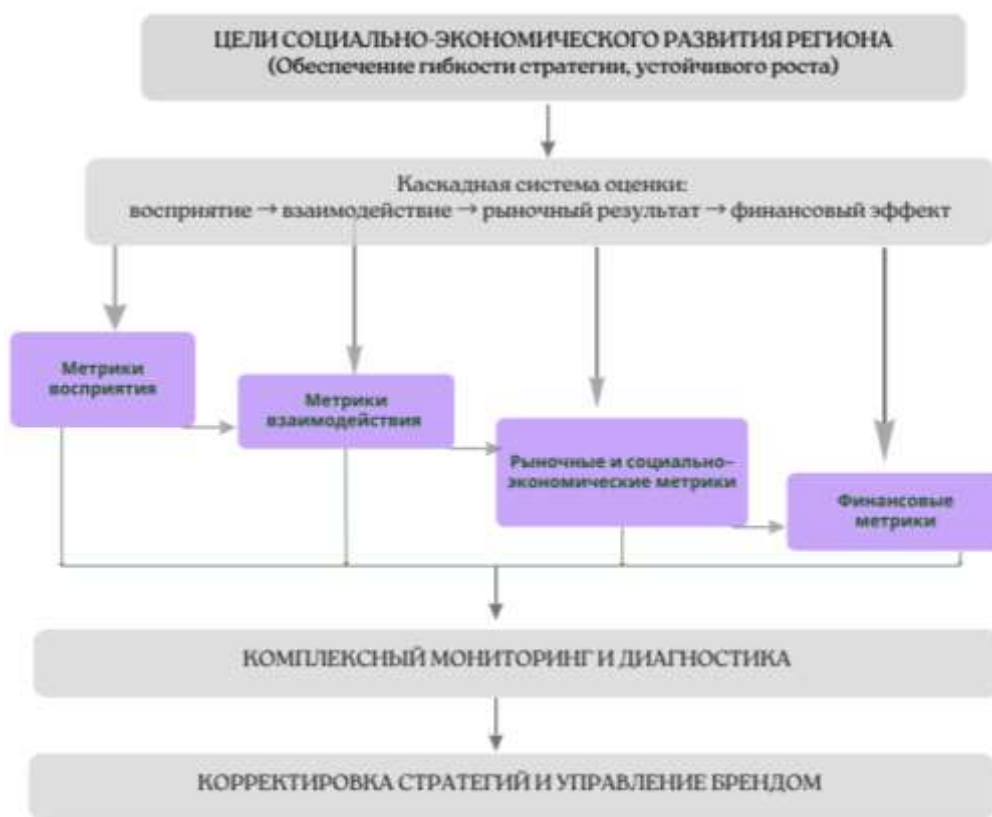

Рисунок 2. – Интегральная модель оценки эффективности бренда территории

Объединение колеса точек контакта и системы метрик бренда территории дает возможность сформировать единую модель, которая позволяет оценить бренд территории не только по его символическому наполнению, но и по реальному воздействию на жизнь, туризм, бизнес и управление. Это переводит территориальный брендинг из сферы имиджевых проектов в плоскость стратегического развития, где бренд – это не логотип, а интегральный показатель качества непосредственно территории.

В модели используется каскадная система оценки, в которой каждый блок метрик логически взаимосвязан: восприятие – взаимодействие – рыночный результат – финансовый эффект. При этом показатели «восприятия»

и «взаимодействия» являются опережающими индикаторами, а рыночные и финансовые метрики – итоговыми индикаторами эффективности. Кроме того, модель позволяет увязать количественные показатели с управляемыми факторами бренда территории, измерять результат, а также проводить диагностику и корректировку стратегий. Выбор тех или иных метрик для оценки эффективности брендинга зависит от конкретных целей развития территории, её программы социально-экономического развития. Без ясного понимания конкретных целей развития территории будут постоянно возникать затруднения в определении приоритетных метрик.

В результате проведенного исследования была разработана формула (3) интегральной оценки бренда территории:

$$E_{\text{бренд}} = W_1P + W_2I + W_3M + W_4F, \quad (3)$$

где $E_{\text{бренд}}$ – интегральная эффективность бренда территории;

P – показатель восприятия;

I – показатель взаимодействия;

M – рыночные и социально-экономические показатели;

F – финансовые показатели;

W_1, W_2, W_3, W_4 – весовые коэффициенты, отражающие приоритет каждой группы метрик для конкретной территории.

Весовые коэффициенты могут определяться с использованием метода экспертных оценок или аналитического ранжирования факторов, что обеспечивает адаптацию модели под специфику каждой территории.

Разработана интегральная модель оценки эффективности бренда территории позволяет комплексно оценивать эффективность бренда с учетом восприятия, поведения и социально-экономических эффектов, увязать качественные и количественные показатели в единую систему метрик, а также адаптировать систему оценки под специфику конкретного региона через варьирование весовых коэффициентов.

Заключение. Таким образом, модель обеспечивает переход от субъективного, имиджевого восприятия бренда к инструментальному и управляемому подходу, позволяющему использовать бренд как элемент стратегического развития территории и оценивать отдачу от брендинговых инвестиций в измеримых категориях. Но стоит сказать, что ключевые факторы, влияющие на восприятие, взаимодействие и лояльность целевых аудиторий, сильно зависят от конкретных целей и задач, стоящих перед регионом/территорией на каждом этапе его развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энджел Дж. Ф., Блэкуэлл Р. Д., Миниард П. У. Поведение потребителей: пер. с англ. – 10-е изд. – СПб.: Питер Ком, 2007. – 944 с.
2. Anholt S. The Anholt-GMI city brands index: How the world sees the world's cities // Place Branding. – 2006. – № 2(1). – P. 18–31.
3. Murtagh B. City visioning and the turn to community: The case of Derry // Londonderry. Planning Practice and Research. – 2001. – № 16(1). – P. 9–19.
4. Zenker S., Petersen S., Aholt A. The citizen satisfaction index (CSI): Evidence for a four basic factor model in a German Sample // Cities. – 2013. – № 30. – P. 156–164.
5. Examining the hierarchy of destination brands and the chain of effects between brand equity dimensions / Á. Herrero [et al.] // Journal of Destination Marketing & Management. – 2014. – URL: https://www.researchgate.net/publication/303445175_Examining_the_hierarchy_of_destination_brands_and_the_chain_of_effects_between_brand_equity_dimensions.
6. Li Zhang, Zhao S. X. City branding and the Olympic effect: A case study of Beijing // Cities. – 2009. – Vol. 26, № 5. – P. 245–254.
7. Чуб А.А., Макаров П.Ю. Теоретические подходы к оценке эффективности регионального бренда: проблемы и перспективы применения // Вестник академии. – 2018. – № 2. – С. 5–10.
8. Никифорова Т.Ю. Оценка эффективности брендинга территорий: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – СПб., 2011. – 20 с.
9. Мещеряков Т.В. Концептуальные положения по управлению территориальным маркетингом: институциональный подход / Препринт. – СПб.: Изд-во СЗГТУ, 2010. – 104 с.
10. Сафарова Л.А. Гар-анализ при оценке бренда региона. Бренд региона как инструмент стратегического развития // Российское предпринимательство. – 2010. – № 5-1. – С. 135–141.
11. Пашкус В.Ю., Булина А.О. Экономика и культура: креативная экономика, государственное регулирование и подходы к оценке бренда территории // Региональная экономика: теория и практика. – 2014. – № 35(362). – С. 39–47.
12. Мазуренко А.В. Формирование ключевых показателей оценки эффективности брендинга территории: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – М., 2014. – 17 с.
13. Davis S., Dunn M. Building the Brand-Driven Business: Operationalize Your Brand to Drive Profitable Growth. San-Francisco: Jossey-Bass, 2002.
14. Munoz T., Kumar S. Brand Metrics: Gauging and Linking Brands with Business Performance // Journal of Brand Management. – 2004. – Vol. 11, № 5. – P. 381–387.
15. Старов С.А., Алканова О.Н. Методология оценки эффективности брендинга // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 8: Менеджмент. – 2009. – № 4. – С. 130–153. – URL: <http://www.vestnikmanagement.spbu.ru/archive/pdf/441.pdf>.
16. Sustainable Urban Branding: Insights from Rasnov's Case Study "Sustainability" / V. Gherheș, C. Coman, A. Buc, N. Gavriluță, M. Dalban // MDPI. – 2025. – Vol. 17(8). – P. 1–20.

Поступила 27.11.2025

INTEGRATED PERFORMANCE ASSESSMENT MODEL THE BRAND OF THE TERRITORY

O. OSTASHKO*(Belarusian State Technological University, Minsk)*

In the context of globalization, territorial branding is becoming a strategic tool for socio-economic development. The article analyzes the existing foreign and domestic models for assessing the brand of a territory, identifies their limitations, including insufficient consideration of all target groups. The approach to the development of the author's integral model based on contact branding is substantiated. The model includes a classification of points of contact with various stakeholders (residents, tourists, investors, business, government) and a system of metrics: perception, interaction, socio-economic and financial indicators. The model allows you to integrate qualitative and quantitative indicators, evaluate the effectiveness of a brand, identify its strengths and weaknesses, and form management decisions for the strategic development of the territory.

Keywords: *brand of the territory, territorial branding, performance assessment model, integrated assessment, performance metrics, strategic development of the region.*

УДК 332.12

DOI 10.52928/2070-1632-2025-73-4-58-67

ОБЗОР АКТУАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «РЕГИОН» В РОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЕ

канд. экон. наук, доц. Ю.Ю. РАССЕКО, д-р экон. наук, проф. Е.М. КАРПЕНКО
(Белорусский государственный университет, Минск)

В статье представлен обзор различных подходов, существующих в российской научной школе, к определению сложной и многозначной категории «регион». В результате сопоставления содержательных характеристик каждого из подходов была предложена авторская классификация. Выявленные основные детерминанты определений региона позволили провести сравнение, обозначив общие черты и различия в трактовке данной категории. На основе анализа позиций российских и белорусских авторов сформулирована сущность определения понятия «регион» в контексте каждого подхода, что в дальнейшем может служить основой для разработки методологии его исследования.

Ключевые слова: определение «регион», критерии, подходы, классификация, обзор, понятие, сущность определения, регионоведение.

Введение. Многолетний опыт становления и развития регионалистики не привёл к формированию единого общепринятого термина «регион». Существующая многогранность трактовок, с одной стороны, свидетельствует о значимости данного направления и его востребованности в самых разных сферах жизни, с другой, – обнажает отсутствие унификации и чёткой взаимосвязи между различными научными подходами.

Белорусская практика исследования «региона» тесно переплетена с традициями российских научных школ. Относительно небольшая территория Беларуси и малая дифференциация в социально-экономическом развитии республики несколько сужают спектр региональных исследований, что, в свою очередь, влияет на глубину разработанности проблемы. Среди видных представителей белорусской школы регионалистики можно выделить В.Ф. Байнева, Н.Г. Берченко, Т.С. Вертинскую, Е.Л. Давыденко, А.В. Данильченко, Е.М. Карпенко, М.М. Ковалева, П.С. Лемещенко, С.Ю. Солодовникова, А.И. Тарасенка, В.С. Фатеева, В.Н. Шимова и др.

Российская школа регионалистики отличается многообразием подходов и охватывает значительные временные периоды смены тенденций в развитии. Существенный вклад в исследования внесли О.М. Барбаков, С.И. Барзилова, Т.В. Васина, В.Г. Введенский, А.Г. Гранберг, А.В. Истомин, Н.Г. Кузнецова, В.Н. Лексин, Т.Г. Морозова, Г.В. Осипова, И.А. Родионова, В.С. Селин, А.И. Татаркин, С.Г. Тяглова, Е.А. Черныш, А.Г. Чернышева, Б.М. Штульберг и др. Анализ российской практики позволяет выделить две основные группы подходов к изучению региона: дисциплинарные и предметные. Первая группа подходов к изучению понятия «регион» сформировалась в связи с необходимостью учёта регионального аспекта в каждой отрасли знаний. Поскольку спектр исследуемых вопросов регионального развития весьма широк, каждая дисциплина стремится выработать собственную трактовку понятия «регион», акцентируя внимание на изучаемой области. Вторая группа содержит подходы, в рамках которых определение термина формируется исходя из предмета исследования. К первой группе относятся конкретно-научные и междисциплинарные подходы, ко второй – моно- и мультипредметные.

Основная часть. Конкретно-научные подходы характеризуются тем, что регион рассматривается строго в рамках конкретной науки (экономики, географии, социологии и т.д.). Для выявления сути определяющих критериев каждого подхода необходимо обратиться к конкретным формулировкам исследователей, работающих в каждом из направлений.

В рамках исторического подхода регион определяют как «исторически сложившееся территориальное сообщество, возникшее на основе этнокультурной идентичности населения, заселившего определенную территорию». Историки во многом указывают на утраченные со временем сущностные характеристики регионов или на какие-то генетические признаки (привязки в прошлом к церкви, муниципалитетам). По мнению И.В. Карандашова «в исторической ретроспективе понятие «регион» трактуется как определенное жизненное пространство, сложившееся в процессе длительного исторического развития» [1]. В целом понятие «регион» соответствует территории, исторически, как правило, составлявшей политическое единство и в силу этого ныне характеризующейся определенными общими чертами в культуре, этнографии, языке и самосознании местного и окружающего населения.

Термин «регион», изначально, по происхождению от латинского regio, regionis относился к определению пространства (окружение, территория, область) в географическом плане. С течением времени, определение понятия «регион» усложнялось и становилось более значимым, учитывая в своем содержании не только различие в географическом положении, но и особенности инфраструктуры. Однако многие авторы в рамках географической трактовки региона ассоциируют его с частью суши, земной поверхностью, местностью, областью, географической единицей, обладающей географическими границами (рубежами). В.С. Бильчаком и В.Ф. Захаровым подчеркивается значимость именно географического фактора [2]. Л.С. Тарасевич дает более общее определение: «Регион – территориальное образование на едином экономическом поле, по своей сути выполняющее посредническую роль между макро- и микроэкономикой, обеспечивая оптимальное функционирование всех систем:

экономических, социальных, политических, национальных в любой части пространства и тем самым в целом на территории федерации» [3]. С.Г. Воронков в своем определении региона также акцентирует внимание на его территориальном аспекте [4]. По определению академика А.Г. Гранберга, регион – это определенная территория, отличающаяся от других территорий по ряду признаков и обладающая некоторой целостностью, взаимосвязанностью составляющих её элементов [5].

Специалисты в области экономической науки более конкретны в формулировках при рассмотрении понятия «регион», однако термин определяется в разных значениях: «территория с существующей на ней совокупностью связей между хозяйствующими субъектами; подсистема всего социально-экономического комплекса и воспроизводственного цикла страны»; «сложный территориально-экономический комплекс со своей структурой связи с внешней и внутренней средой»; «объективное пространственное образование, в основе которого лежит территориальный хозяйственный комплекс соответствующего таксономического ранга». С позиции Н.Н. Некрасова под регионом «понимается крупная территория страны с более или менее однородными природными условиями, характерным направлением развития производительных сил на основе сочетания комплекса природных ресурсов и соответствующей сложившейся и перспективной материально-технической базой, производственной и социальной инфраструктурой» [6]. По мнению В.А. Воротилова, экономический регион представляет собой хозяйственную территорию, в границах которой происходит согласование отраслевого и территориального развития и формируются региональные производственные отношения по созданию совокупного продукта и услуг для удовлетворения потребностей данного региона и народного хозяйства страны в целом [7]. По определению Г.М. Винокурова, «регион – это подсистема народного хозяйства, организованная на основе взаимодействия отраслевого и территориального разделения труда» [8]. Представители экономической науки в регионах видят своего рода миниатюрную модель государства [9]. Также некоторые экономисты под регионом подразумевают в первую очередь производственную базу и особые производственные отношения [10]. Таким образом, в рамках экономического подхода регион рассматривается как территория жизнедеятельности населения, для которой характерна производственная специализация, завершенность воспроизводственного процесса и которую можно отнести к подсистеме национальной экономики [11].

Социологи под регионом понимают отдельную социальную систему со всеми входными и выходными характеристиками, функциями, обеспечивающими его жизнедеятельность. В словаре-справочнике «Социальная структура и социальные процессы», помимо выделения природных различий между регионами, сложившейся специализации производства, определенного уровня развития производительных сил и производственной инфраструктуры, особо подчеркиваются различия в специфике социальной культуры и инфраструктуры, а также образе жизни населения. В социологических исследованиях чаще выделяются следующие черты региона: «Будучи социально-территориальной системой, регион должен обладать социально-пространственной общностью организации проживающего в его рамках населения. Отличаясь своеобразием природных условий, сложившейся специализацией производства, определенным уровнем развития производительных сил, производственной инфраструктуры, регион в то же время характеризуется спецификой культуры и образа жизни населения» [12]. Это территория с относительно целостной организацией экономической и социальной жизни, наличием определенных органов управления, органическое единство природно-территориальных и социально-экономических характеристик, которым свойственны новые качества – целостность и комплексность. В.Я. Белова указывает на то, что регион является относительно обособленной частью более широкой социально-территориальной общности, образуя подсистему хозяйства, народонаселения, культуры, политики и прочих сторон жизни общества на основе принципов функционирования части территории [1].

Юридическая трактовка региона как субгосударственной единицы во многом не совпадает с наиболее применяемыми формулировками данного термина, т.к. само по себе административное районирование нередко носит условный, субъективный характер и зависит от воли государства. Употребление термина «регион» как территории государства может использоваться применительно как к федеративному, так и к унитарному государству. Более того, в настоящее время в праве применительно к Российской Федерации под «регионом» стоит понимать территорию субъекта Российской Федерации, включая территории муниципальных образований как единого территориального пространства [13]. В.Е. Чиркин указывает на тот факт, что «публичная власть муниципального образования ограничена верховенством власти государства, а в федеративных государствах (в тех отношениях, которые выходят за пределы вопросов местного значения) – властью субъекта федерации» [14]. Помимо этого: «законы государства, представляющего все общество, распространяются на все территориальные публичные коллективы, законы субъекта федерации – на муниципальные образования и т.д. С другой стороны, каждый нижестоящий территориальный коллектив обладает самостоятельностью в рамках полномочий, представленных законами государства, своими предметами ведения» [15].

Культурологи придают собственное значение понятию «регион». По мнению В.В. Савельева, он рассматривается как особое социально-пространственное образование, необходимое и достаточное для осуществления и самопроизводства человеческой жизнедеятельности, имеющее культурный аспект. Последний состоит из совокупности взаимодополняемых природно-географических, производственно-технических и коммуникативно-информационных компонентов и в нем происходит ментальная самоидентификация и духовное самоопределение территориального сообщества [16]. В культурном смысле в определении сущности региона главную роль играет социальная, т.е. коллективная психология. Люди живут в определенной области и развивают себя, осознают взаимосвязь и принадлежность, отождествляют себя с интересами региона и выделяют больше материальных и духовных благ, которые выражают эти интересы и чувство принадлежности друг к другу [17].

Представители политической науки регион рассматривают как социально-политическую целостность, упорядоченный политическими средствами общественный организм или социальную систему. Часть исследователей видят в нем территориальную и пространственную составляющую как доминирующее свойство данного явления и пишут следующее по этому поводу: «регион» – это геотория (территория, акватория или совокупность последних)». Другие политологи, как, например, И.М. Бусыгина, считают, что регион – это в первую очередь геополитическая реальность [18]. А.Г. Чернышов трактует регион как «естественно-историческое пространство, в рамках которого осуществляется социально-экономическая и общественная деятельность проживающих в нем людей» [19]. В совместной с С.В. Барзиловым работе он уточняет: «под регионом понимается политологическая квалификация той или иной административно-территориальной единицы, население которой объединено общими производственно-экономическими взаимосвязями, единой социальной инфраструктурой, местными средствами массовой коммуникации, органами власти и местного самоуправления» [20]. В рамках политологии, на взгляд Петрова, регион можно определить следующим образом: «регион – пространственно-территориальная часть территории государства, содержащая в себе сущностные черты, которые позволяют рассматривать её как системное образование» [21].

Экологический регион представляет собой относительно крупный участок суши или акватории, отличающийся относительно однородным биотическим сообществом.

Философия пытается ассоциировать регионы с особым миром, которому соответствует определенный уклад жизни, менталитет, ценностные установки. Философское понимание региона – аналог особого «мира» с присущими только ему менталитетом, образом мышления, традициями, мировоззрением и мироощущением [22].

В педагогике, по мнению А.К. Костина: «...понимание региона как территориальной и социально-культурной общности, представляющей уникальное сочетание природных, экономических, социальных и политических процессов, обеспечивающей социальное воспроизводство в биоэкологическом, экономическом, образовательном, научном, социо-культурном и других аспектах» [23]. И.Г. Металова отмечает, что в педагогике регион – единый целостный образовательный комплекс, интегрирующий в себе весь образовательный потенциал административно-территориальной структуры, его кадровые, научно-методические, материально-технические и прочие составляющие [24].

Демографы в трактовке региона особое внимание уделяют взаимосвязи родства и статистики населения. С позиции демографии регион представляет собой территориальную общность с едиными природными, социально-экономическими, политическими условиями, отражающимися на жизнедеятельности её населения.

Проведенный обзор позволяет выделить детерминанты и сформулировать общую сущность предложенных авторами определений в рамках каждого подхода (таблица 1).

Таблица 1. – Трактовка сущности «региона» в рамках конкретно-научной группы подходов

Подход	Определяющий критерий	Сущность определения
Исторический	единство исторической судьбы	территория, исторически представляющая единство (политическое, этнокультурное и др.)
Географический	географическая единица, обладающая географическими границами (рубежами)	часть суши, земной поверхности, местность, область
Экономический	производственные отношения между хозяйствующими субъектами	территория жизнедеятельности населения, для которой характерна производственная специализация, завершённость воспроизводственного процесса и которую можно отнести к подсистеме национальной экономики
Юридический	власть, юридическое поле	территориальное образование с единством власти, законов и т.д.
Социологический	характеристики образа жизни общества	территория с относительно целостной организацией социальной жизни населения
Культурологический	ментальная самоидентификация и духовное самоопределение	социально-пространственное образование, необходимое и достаточное для осуществления и самопроизводства человеческой жизнедеятельности
Философский	единство ценностных установок	особый «мир» с присущими только ему менталитетом, образом мышления, традициями, мировоззрением и мироощущением
Экологический	биотическое единство	участок суши или акватории, отличающийся относительно однородным биотическим сообществом
Политический	управленческий центр	пространственно-территориальная часть государства с единым управлением
Демографический	демографические различия	территориальная общность на фоне структуры родства
Педагогический	образовательный потенциал	образовательный комплекс административно-территориальной структуры

Таким образом, приведенные выше авторские результаты обзора выявляют уникальные аспекты сущности региона в каждой отдельной дисциплине, отмечают многообразие критериев в определении термина, что свидетельствует о сложности категории и широте её использования, а также об отсутствии единого определения.

Группа междисциплинарных подходов базируется на формировании определения понятия «регион» в рамках двух и более научных направлений.

Так, к примеру, современная физическая география формулирует следующее определение: регион – это обобщенное название единиц физико-географического районирования любого таксономического ранга; значительная по размерам территория, обладающая некоторой общностью природных условий. А.В. Адаев трактует регион как физико-географическое явление: «регион – значительная по размерам территория, часть земной поверхности с определенными физико-географическими параметрами» [25].

Специалисты в области экономической географии, считают, что «термин «регион» вообще используется, чтобы описать группу географически непрерывных полюсов, которые имеют некоторые общие или особые характеристики или которые связаны обширной межрегиональной активностью потоков» [26]. В таком же направлении рассуждают С.Г. Ерохин, А.М. Григорьев. По их мнению, «регион» представляет собой минимальную автономную экономическую систему, создающую приемлемый уровень экономической эффективности для входящих в нее субъектов, способную к воспроизводству экономических связей и условий хозяйствования и имеющей единое управление (самоуправление) [9]. Экономические географы также полагают, что район, регион, пространство являются синонимами и могут быть объединены термином «экономический регион». Так, Г.М. Федоров и В.С. Корневеев пишут следующее по данному поводу: «экономический регион образуют более широкую региональную систему – социально-экономический регион» [27].

Современные представители геополитики, считают, что следует принять за истину тот факт, что в рамках политической науки уже сформировалось отдельное универсальное понятие «геополитический регион». По мнению В.А. Колосова и Н.С. Мироненко, геополитический регион – «крупные подразделения геополитических сфер и приблизительно одинаковых по культурным, экономическим и политическим признакам» [28]. Н.В. Каледин, В.Н. Каледин, Р.А. Гресь считают, что «геополитический регион – это региональная общность субъектов политической деятельности в целях контроля той или иной части геопространства» [29]. Другой представитель науки А.В. Дахин полагает, что реальное региональное политическое пространство – это одновременно сфера активности политических субъектов и неопределенные траектории развития политического процесса применительно к территориальной реальности [30]. Геополитика предлагает оценивать регионы сквозь призму их «помощи» и общности интересов.

Социально-философский подход позволяет интегрировать достижения различных наук, исследующих региональную проблематику и рассмотреть регион комплексно, как пространство, в котором раскрываются существенные закономерности и механизмы связи природы, общества и человека. С точки зрения социальной философии регион предстает как часть территории страны с определенными природными, социальными, экономическими и общественно-политическими условиями, формирующими духовную общность проживающих на этой территории людей, которые определяют его специфику как функционального образования в государственной иерархии, его статус как участника социальных отношений [31].

В рамках историко-этнического подхода определяющими критериями «региона» могут послужить национальный состав населения, общее историческое прошлое, тип языковой семьи и т.п. Б.А. Райзберг делает акцент на национальном составе населения как на отличительной характеристике региона [32].

Ученые и исследователи в области региональной экономики неоднозначно понимают и трактуют термин. Так, Р.М. Шнипер считает: «Регион – это неотъемлемая часть единой системы производительных сил и производственных отношений, он обладает прямыми и обратными производственно-экономическими, ресурсными, научно-техническими, финансово-кредитными и социальными связями с народным хозяйством» [33]. Л.С. Тарасевич дает следующее определение: «Регион – территориальное образование на едином экономическом поле, по своей сути выполняющее посредническую роль между макро- и микроэкономикой, обеспечивая оптимальное функционирование всех систем: экономических, социальных, политических, национальных в любой части пространства и тем самым в целом на территории федерации» [3]. С.Г. Воронков, содержательно определил следующее: «Под регионом необходимо понимать одновременно определенную территориально-пространственную форму организации производства и субъекта, обладающего необходимыми властными полномочиями для перегруппировки ресурсов и выступающего субъектом социально-экономических процессов, владеющего определенной социокультурной инфраструктурой, скрепляющей целостность среды обитания человека на данной территории и дающей устойчивость к изменениям» [4].

В активно развивающихся в настоящее время исследованиях в области регионоведения понятие «регион» рассматривается на трех уровнях: на макроуровне – для обозначения группы близлежащих стран, представляющих собой либо отдельный экономико-географический, либо близкий по национальному составу и культуре, либо по общественно-политическому строю район мира, на мезоуровне – в качестве части страны, выделенной на основании административно-территориального, юридического или экономического критериев, а также на микроуровне, где регион отождествляется с административным районом, городом или небольшим территориально-производственным комплексом [6; 34]. Основные положения региональной политики в Российской Федерации, утвержденные указом Президента РФ в 1996 г., содержат следующие определения региона: «... часть территории Российской Федерации, обладающая общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и иных условий. Регион может совпадать с границами территории субъекта Российской Федерации либо объединять территории нескольких субъектов. В тех случаях, когда регион выступает как субъект права, под ним понимается только субъект Российской Федерации» [35].

Социально-экономический подход к определению понятия регион использовали в своих исследованиях многие авторы. По мнению И.Р. Кормановской, Н.Н. Ренкаса, «регион – открытая сложная функционирующая социо-эколого-экономическая система, на которую влияют внутренние факторы, обусловленные местным самоуправлением, и внешние, обусловленные государственной экономической и социальной политикой» [36]. В.И. Сигов рассматривает регион как экономическую и социальную общность, отмечая, что в регионах складываются территориальные общности, члены которых, помимо экономических отношений, связаны общим отношением к окружающим их условиям жизни – природной и социальной среде [37]. По мнению С.С. Шаталина, «понятие «регион» характеризует определенный социально-экономический организм, структура которого должна обеспечить повышение эффективности использования общественных фондов потребления, развития социальной и производственной инфраструктур» [38].

Результаты изученных подходов представлены в таблице 2.

Таблица 2. – Сущность определения регион в рамках группы междисциплинарных подходов

Подход	Определяющий критерий	Сущность определения
Физико-географический	физические параметры географической единицы	часть территории с особыми физическими параметрами
Экономико-географический	территория автономной экономической системы	географическая единица способная к воспроизводству экономических связей и условий хозяйствования
Геополитический	подразделения геополитических сфер	часть геопространства с общностью субъектов политической деятельности
Социально-философский	духовная общность проживающих на определенной территории людей	пространство, в котором раскрываются существенные связи природы, общества и человека
Социально-экономический	социальные и экономические условия	территориальные общности с единой социальной средой, связанные экономическими отношениями
Историко-этнический	исторически сформированный национальный состав	территория, национальный состав населения которой обусловлен историческим прошлым
Регионально-экономический	система производительных сил и производственных отношений	территориально-пространственное экономическое поле
Регионально-политический	общность политических и иных условий	территория одного или нескольких субъектов страны
Регионоведческий	масштабированная целостность административно-территориальных единиц	совокупность стран, страна, часть страны

Таким образом, представленная выше таблица свидетельствует о возможности формирования общих критериев в определении региона для двух и более научных направлений, иногда существенно удаленных. Выявленная в рамках каждого из подходов сущность определения обобщена наличием пространственно-территориальных границ.

Монопредметные подходы фокусируются на определении понятия регион через призму одноплоскостных детерминант (системный, институциональный, ресурсный, общностный, пространственный и др.).

В рамках системного подхода регион рассматривается как система с характерными для неё структурой, функциями, связями с внешней средой, историей, культурой, условиями жизни населения. Так, А.С. Маршалова, А.С. Новоселова определяют регион как подсистему, являющуюся самостоятельной частью социально-экономической системы страны с законченным производственным циклом и собственными особенностями социально-экономического развития [39]. В.С. Катренко считает, что «регион – это подсистема (территориальная, производственная, экономическая, социальная и др.) народнохозяйственной целостности страны, реализующая свою воспроизводственную функцию на основе использования ограниченного количества ресурсов в соответствии со своими экономическими потребностями и интересами» [40]. Таким образом, можно сделать вывод, что с позиции системного подхода регион есть относительно обособленная воспроизводственная система; относительно обособленная социально-экономическая система; подсистема хозяйственных взаимосвязей с другими регионами.

Административный подход предусматривает рассмотрение региона как территории в административных границах того или иного субъекта федерации: область, край, республика, административный округ. Профессор Т.Г. Морозова и некоторые другие исследователи употребляют в качестве наименования территориальных общностей термин «район», и в их работах отсутствуют различия между понятиями «район» и «регион» [41]. Г.П. Костинский предполагает: «территория есть определенная совокупность мест, получаемая путем их объединения, агрегирования по какому-то единому основанию. Район (регион) же – это то, что обязательно выделяется, вычленяется из целостного объекта. Территория – понятие изначально синтетическое, район – аналитическое» [42]. Так, Ю.Н. Гладкий и А.И. Чистобаев в своих работах более широко трактуют понятие «регион» и фактически считают его синонимом слова «район». По их мнению, под регионами понимают любые территории, не подходящие по своим чертам под уже существующую систему административно-территориального деления [43].

Территориального подхода придерживается А.Г. Гранберг. Он определяет регион как территорию, отличающуюся от других территорий по ряду признаков и обладающую некоторой целостностью, взаимосвязанностью составляющих её элементов [5]. По мнению Э.А. Уткина, «под регионом понимается часть территории, обладающая общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и иных условий» [44].

Э. Маркузен считает: «регион – исторически эволюционирующее, компактное территориальное сообщество, которое содержит в себе физическое окружение, социально-экономическую, политическую и культурную среды, а также пространственную структуру, отличную от других регионов и территориальных единиц, таких как город или нация» [45]. А.В. Пикулькин определяет регион как «ограниченную часть территории Российской Федерации, имеющую собственные природные ресурсы, социально-экономические, национальные и иные условия» [46]. По мнению А. Ускова, И. Козьева и Э. Кузьбожева, «регион – определенная территория, отличающаяся от других территорий по ряду признаков и обладающая некоторой целостностью, взаимосвязанностью составляющих её элементов» [47]. И. Кистонов отмечает, что регион – это целостная территориальная часть хозяйства страны со своей специализацией, особой структурой производства и внутренних связей [48].

Что касается институционального подхода, то, по мнению Д.П. Фролова, «регион – открытая, сложная, гетерогенная институциональная система с нечеткой логикой саморазвития. Регион – локус экономических институций как социально закреплённых за акторами функций, относящихся к различным видам хозяйственной деятельности» [49]. И.В. Митрофанова актуализирует «определение региона с институциональной точки зрения – как минимально необходимого уровня «интервенционистского государства», т.е. минимально необходимой территории, которой могут быть предоставлены полномочия планирования и прогнозирования своего собственного развития» [50]. В свою очередь, федеральный округ, по мнению О.В. Иншакова и А.А. Аникеевой, выступает конкретной «институциональной формой организации социально-экономического пространства макрорегиона» [51].

Ресурсный подход предполагает акцентирование внимания на природных и экономических ресурсах территории. Он фокусируется на уникальных природных условиях, наличии полезных ископаемых, сельскохозяйственных земель, а также на потенциале для развития различных отраслей промышленности. В рамках ресурсного подхода регион – определенная часть народно-хозяйственного комплекса страны, для которой характерны специфические географические условия и природно-ресурсная специализация. По мнению В.Н. Лексина, А.И. Ситниковой, О.Н. Юниной, «регион – часть экономического, социального, природно-ресурсного, экологического, культурно-исторического, собственно пространственного потенциала государства в границах, властно установленных административно-территориальных единиц, имеющих управленческие структуры, призванные обеспечить интересы регионального развития» [52]. Г.В. Осипов определил регион как крупную территорию страны с более или менее однородными природными условиями и характерной направленностью развития производительных сил на основе сочетания комплекса природных ресурсов с соответствующей сложившейся и перспективной материально-технической, производственной и социальной инфраструктурой [53].

Комплексного (общностного) подхода придерживались многие исследователи. Н.П. Кетова утверждает, что регион – «крупная таксономическая единица производственно-территориального устройства страны и форма организации производственно-общественной жизни населения, отличающаяся геоэкономическими, геополитическими, производственно-хозяйственными, культурно-этническими, динамическими характеристиками» [54]. И.М. Айзинова, В.В. Пациорковский считают: «регион – это административно-территориальная общность, которая характеризуется единством и относительно высоким уровнем развития производственной, транспортной и социальной инфраструктуры с хорошо налаженными, постоянными трудовыми и социально-культурными связями населения» [55]. По мнению Г.В. Гутмана, регион – территориальное образование, имеющее четко очерченные административные границы, в пределах которых воспроизводятся социальные и экономические процессы обеспечения жизни населения, обусловленные местом региона в системе территориального и общественного разделения труда [56]. Л.Н. Коган разделял мнение, что «регион – это совокупность областей, краев, республик, составляющих народнохозяйственное целое. «Регион» – это любая самостоятельная в хозяйственно-экономическом и административном отношении территория, начиная от сельской территории и кончая крупными народнохозяйственными территориальными комплексами» [57].

Основоположниками пространственного подхода является М.К. Бадман и учёные его школы, которые разрабатывали концепцию территориально-производственных комплексов [58]. Исследования в области пространственного развития связаны с работами А.Г. Гранберга, С.А. Суспицына, Н.Е. Колесникова, П.А. Минири, В.И. Суслова и др. В.С. Бильчак и В.Ф. Захаров придерживаются пространственного подхода. По их мнению, регион представляется как социально-экономическая пространственная целостность, характеризующаяся структурой производства всех форм собственности, концентрацией населения, рабочих мест, духовной жизни человека из расчета на единицу пространства и времени, имеющая местные органы управления своей территорией (область, край, республика) [2]. По мнению О.М. Барбакова, регион следует рассматривать как единство социального, экономического, культурного, естественно-исторического и политического пространств. Исходя из вышеизложенного, О.М. Барбаков определяет регион как целостную, организованную в пространстве форму жизнедеятельности социума [59]. Н.С. Бабинцева и Н.П. Кузнецова пишут, что «понятие «регион» мы можем уточнить с помощью понятия «воспроизводственный комплекс», определяя регион как территориально-хозяйственное пространство воспроизводственного комплекса и его обособленных частей» [60].

Авторские результаты обзора монопредметных подходов представлены в таблице 3.

Представленная таблица демонстрирует многообразие существующих аспектов прикладного характера категорий, которые сформированы современным спросом индивидуальных формулировок определения, соответствующих задачам конкретных исследований.

Таблица 3. – Сущность определения регион в рамках монопредметной группы подходов

Подход	Определяющий критерий	Сущность определения
Административный	общность административного управления	территория, расположенная в административных границах страны, для которой характерно наличие политико-административных органов управления
Системный	система связей между организациями	обособленная воспроизводственная система/ социально-экономическая система/ подсистема хозяйственных взаимосвязей
Ресурсный	природно-климатические условия и ресурсы	часть народно-хозяйственного комплекса страны с характерной природно-ресурсной специализацией
Территориальный	отличительные особенности пространственной структуры	территориальная целостность взаимосвязанных элементов
Институциональный	институты играют ключевую роль в определении его границ	территория с полномочиями собственного развития
Комплексный	хозяйственно-экономические и административные отношения самостоятельных территорий	территориальное образование, имеющее четко очерченные административные границы, в пределах которых воспроизводятся социальные и экономические процессы обеспечения жизни населения
Пространственный	внутригосударственное пространственное образование	организованная в пространстве форма жизнедеятельности социума

Мультипредметные подходы базируются на формировании определения понятия «регион» с помощью интеграции аспектов изучения двух и более структурных элементов категории.

Административно-территориальный подход используют в определении региона С. Барзилов и А. Чернышев. Они понимают под регионом социологическую квалификацию той или иной административно-территориальной единицы, население которой объединено общими производственно-экономическими взаимосвязями, единой социальной инфраструктурой, местными средствами массовой коммуникации, органами власти и местного самоуправления [20]. Таким образом, с одной стороны, регион – это административно-хозяйственная единица, с другой – экономико-географическое образование, с третьей – группа соседних государств с общими историческими традициями и взаимосвязанной экономикой. М.О. Подпругин рассматривает регион как территорию в административных границах субъекта федерации, характеризующуюся следующими основополагающими чертами: комплексностью, целостностью, специализацией и управляемостью, то есть наличием политико-административных органов управления [61]. В.Г. Игнатов, В.И. Бутов определяют: «регион – территория в административных границах Российской Федерации, характеризующаяся следующими основополагающими чертами: комплексностью, целостностью, специализацией и управляемостью, т.е. наличием политико-административных органов управления» [62]. Некоторые ученые в рамках рассматриваемого подхода используют понятие «регион» в качестве синонимов понятия «субъект Российской Федерации».

Территориально-хозяйственный подход в определении понятия «регион» характерен для трудов В.А. Долятовского. Он считает, что регион в современном понимании – это сложный территориально-экономический комплекс, имеющий ограниченные внутренние ресурсы, свою структуру производства, определенные потребности в связи с внешней средой [63]. И. Арженовский определил регион как часть страны, которая выделилась в результате общественного разделения труда и характеризуется производством определённого вида товаров или услуг, целостью хозяйства и наличием собственных органов управления, которые решают задачи регионального развития территории [64]. У. Изард считает регион открытой экономической единицей в пределах государства, Н.Д. Найденов описывает регион как совокупность различных отраслей, которая определяется отраслевой спецификой территории и разделением труда [65]. По мнению М.В. Степанова, «регион – крупная территория страны с более или менее однородными природными условиями и характерной направленностью развития производственных сил» [66].

В политико-территориальном смысле чаще преобладают толкования региона как отдельного образования с установленными институтами, часть страны. В более широком смысле он понимается как неинституционально ограниченное пространство, которое определяется уникальными характеристиками: экономической, географической и транспортной взаимосвязями и условиями для самостоятельного существования и развития. В политических науках интерпретация региона основана на социальных и политических критериях, которые определяют регион как достаточно большую единицу, организованную различными формами общественной жизни, которые могут быть достаточно политически сильными, своего рода противовесом центральному правительству, но не ставить под угрозу территориальную целостность государства [67].

Одним из наименее разработанных является пространственно-временной подход. Г.Е. Зборовский подчеркивает его особую значимость в сравнении с пространственным подходом, сводимым зачастую к территориальному рассмотрению региона и поэтому ограниченным в своих возможностях. Понятие регионального (макрорегионального) социального пространства-времени несет в себе три принципиальные характеристики региона (макрорегиона): его территориальный, физический, географический аспект; темпоральные характеристики деятельности различных социальных общностей; их взаимодействие в рамках регионального (макрорегионального) хронотопа. Этот хронотоп в социологическом плане представляет собой, прежде всего, определенный социум,

обладающий сложной структурой, включающей в себя целый ряд элементов экономического (хозяйственного), политического, социокультурного, национально-этнического, языкового, религиозного и иного плана [68]. Пространственно-временной подход к определению региона подразумевает анализ географического расположения и временных характеристик, влияющих на формирование и развитие региона. Он рассматривает регион как часть территории, отличающуюся определенными природными, экономическими, социальными и историческими особенностями, которые сложились в результате взаимодействия человека с окружающей средой во времени.

Результаты обзора подходов мультипредметной группы сведены в таблицу 4.

Таблица 4. – Сущность определения региона в рамках группы мультипредметных подходов

Подход	Определяющий критерий	Сущность определения
Административно-территориальный	административно-территориальное деление	территория в административных границах субъекта страны
Территориально-хозяйственный	пространственная организация хозяйства	территориально-экономический комплекс с присущей ему отраслевой спецификой
Политико-территориальный	политические силы территориальных единиц	ограниченное пространство с установленными институтами
Пространственно-временной	географическое расположение и временные характеристики	пространство с особыми условиями, сформированными в результате взаимодействия человека с окружающей средой во времени

Изучение заключительной группы подходов позволяет констатировать доминирование территориального критерия в определении региона и выявляет возможность использования комбинаций детерминант при формировании определения.

Заключение. Исходя из вышеизложенного, можно выделить два четко очерченных направления в определении термина «регион». Первое направление связано с научными дисциплинами, в то время как второе акцентирует внимание на конкретных аспектах изучаемого объекта.

Проведенный обзор существующих подходов к определению региона позволяет утверждать, что в настоящее время не существует единого понимания термина «регион». Идеи некоторых исследователей о необходимости выработки универсального обобщенного определения, которое было бы приемлемо для всех, не находят широкого отклика. Регионы являются объектом изучения на пересечении различных научных дисциплин, о чем свидетельствует наличие большого числа содержательных характеристик определения, поэтому все попытки создать универсальное определение оказываются неудачными из-за их недостаточной практической значимости.

В то же время отсутствие единых стандартов для региональной систематизации приводит к множеству синонимичных критериев, что обусловлено стремлением сформулировать всеобъемлющее определение или подчеркнуть его связь с определенной областью исследования. В этой связи авторы считают необходимым закрепить выделенные обобщенные критерии для определения региона. При этом выбор оснований для определения термина должен основываться на конкретных критериях в рамках исследуемой области и зависеть от особенностей изучаемого аспекта. Это позволит удовлетворить современный спрос на индивидуальные формулировки определения, соответствующие задачам конкретных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карандашов И.В. Понятие «регион» в современном научно-философском дискурсе [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. – 2015. – № 9. – URL: <https://human.snauka.ru/2015/09/12549> (дата обращения: 16.01.2025).
2. Бильчак В.С., Захаров В.Ф. Региональная экономика / под ред. В.С. Бильчака. – Калининград: Янтарная сказка, 1998. – 316 с.
3. Маршалова А.С., Новоселов А.С. Основы теории регионального воспроизводства: курс лекций. – М.: Экономика, 1998. – 192 с.
4. Воронков С.Г. Российские регионы в условиях становления нового типа мировой экономики [Электронный ресурс]. – URL: http://library.by/portalus/modules/philosophy/referat_show_archives.php?subaction=showfull&id=1108806337&archive=0213&startfrom=&ucat=1& (дата обращения 23.12.2024).
5. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: учеб. для вузов. – 4-е изд. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. – 495 с.
6. Некрасов Н.Н. Региональная экономика: теория, проблемы, методы. – 2-е изд. – М., 1978. – 342 с.
7. Воротилов В.А. Эффективность производства в регионе. – Л.: Наука, 1985. – 197 с.
8. Винокуров Г.М., Винокуров С.И., Винокурова М.В. Экономическое развитие отраслевого комплекса региона // Известия БГУ. – 2022. – №4. – С. 711–720. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskoe-razvitiye-otraslevogo-kompleksa-regiona>.
9. Кочеткова Т.С. Цифровизация и развитие региональных экономических систем [Электронный ресурс] // РЭиУ. – 2022. – № 3(71). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-i-razvitiye-regionalnyh-ekonomicheskikh-sistem> (дата обращения: 12.02.2025).
10. Крапивенский С.Э. Социальная философия: учеб. для студентов гуман.-соц. спец-й вузов. – 4. изд., испр. – М.: ВЛАДОС, ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2004. – 416 с.
11. Ритерман Т.П. Социология. Полный курс. – М.: АСТ, Астрель, 2009. – 128 с.
12. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.
13. Плотинский Ю.М. Модели социальных процессов: учеб. пособие для высш. учеб. заведений. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Логос, 2001. – 296 с.

14. Чиркин В.Е. Публично-правовое образование / Ин-т государства и права РАН. – М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2011 – 213с.
15. Лагутин И.Б. К вопросу о понятии «регион» в теории права // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2016. – № 6(69). – С. 213–219.
16. Савельев В.В. Методологические особенности регионального культурного проектирования // Культура региона: состояние, проблемы, перспективы. – М., 1997. – С. 7–11.
17. Селиванов Д.С. Понятие «регион»: в поисках универсального подхода к определению // Вестник Российской нации. – 2012. – № 4-5. – С. 209–217.
18. Бусыгина И.М. Концептуальные основы европейского регионализма // Регионы и регионализм в странах Запада и России. – М.: Полис, 2001. – № 1. – С. 145.
19. Чернышов А.Г. Регион: границы политического пространства // Регион как субъект политики и общественных отношений: материалы семинара. – Саратов: Изд-во Моск. общ. науч. фонд; М., 2000. – С. 125–136.
20. Барзилов С., Чернышев Л. Регион как политическое пространство. – М.: Свободная мысль, 1997. – С. 5–16.
21. Петрова Г.Д. Регион как объект системного исследования / под ред. В.В. Черноуса. – Ростов н/Д.: Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК РГУ и ИСПИ РАН, 2005. – 200 с.
22. Ткаченко А.А. Территориальная общность в региональном развитии и управлении. – Тверь: изд-во Твер. ун-та, 1995. – 155 с.
23. Костин Н.Д. Региональная культурно-информационная политика: вызовы и перспективы [Электронный ресурс] // Журнал Института Наследия. – 2025. – № 2(41). – URL: <https://nasledie-journal.ru/ru/journals/738.html> (дата обращения: 17.08.2025).
24. Короленько А.В. Демографический потенциал сельских территорий Северо-Западного федерального округа // Вопросы территории развития. – 2016. – № 2(32). – С. 1–16.
25. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. – М.: Мысль, 1983. – 350 с.
26. Гусейнов А.Г. Методологические проблемы определения понятия «экономический регион» в контексте выделения региональной экономики как самостоятельного научного направления [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 3. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=13084> (дата посещения: 17.03.2025).
27. Федоров Г.М., Корнеев В.С. Трансграничные регионы в иерархической системе регионов: системный подход [Электронный ресурс] // Балтийские регионы. – 2009. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transgranichnye-regiony-v-ierarhicheskoy-sisteme-regionov-sistemnyy-podhod> (дата обращения: 17.06.2025).
28. Силин Я.П., Анимидца Е.Г. Региональная экономика. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2020. – 417 с.
29. Русинова О.С., Русинов А.Г. Теоретико-методологические подходы к типологии регионов // Вестник института дружбы народов Кавказа (Теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки. – 2016. – № 4(40). – С. 95–104.
30. Толстошеев В.В. Региональное экономическое право России: учеб.-практ. пособие / Ин-т государства и права РАН. – М.: БЕК, 1999. – 392 с.
31. Храпова В.А. Регион как социокультурное пространство // Центр-провинция: историко-психологические проблемы: материалы Всерос. науч. конф. – СПб, 2001. – С. 181–183.
32. Райзберг Б.А. Проблемы методологии оценки эффективности государственного управления // Управленческие науки в современной России. – 2014. – Т. 1. – № 1. – С. 136–138.
33. Шнипер Р.И. Зоны риска и их влияние на устойчивость и надежность регионального воспроизводственного процесса // Закономерности социального развития: ориентиры и критерии моделей будущего: сб. ст. В 2 ч. – Новосибирск, 1994. – Ч. 2. – С. 83–88.
34. Антонова М.А. Теоретико-методологические основы изучения устойчивого развития регионов [Электронный ресурс] // Общество: политика, экономика, право. – 2013. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-osnovy-izucheniya-ustoychivogo-razvitiya-regionov> (дата обращения: 12.04.2025).
35. Постановление Правительства РФ от 23.03.1996 № 327 «Об одобрении и представлении на утверждение Президента Российской Федерации Основных положений региональной политики в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/1548907/> (дата обращения 30.09.2024).
36. Кормановская И.Р., Ренкас Н.Н. Оценка эффективности управления устойчивым развитием региона [Электронный ресурс] // Вестник НовГУ. – 2006. – № 37. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-effektivnosti-upravleniya-ustoychivym-razvitiem-regiona> (дата обращения: 17.08.2025).
37. Сигов И.И. Региональная политика на современном этапе. – Чебоксары: изд-во Чуваш. гос. ун-та, 1999. – 205 с.
38. Шаталин С.С. Функционирование экономики развитого социализма: Теория, методы и проблемы. – М.: Изд-во Мос. ун-та, 1982. – 384 с.
39. Маршалова А.С., Новоселов А.С. Основы теории регионального воспроизводства: курс лекций / Отв. ред. П.В. Шеметов; Новосиб. гос. акад. экономики и упр. – М.: Экономика, 1998. – 192 с.
40. Казаченко Л.Д. Обзор научных подходов к определению категории «регион» [Электронный ресурс] // Вестник экономист. – 2012. – №4. – URL: <http://vseup.ru> (дата обращения 23.01.2025).
41. Региональная экономика: учеб. для вузов / Т.Г. Морозова, М.П. Победина, Г.Б. Поляк и др.; под ред. проф. Т.Г. Морозовой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ, 2001. – 472 с.
42. Костинский Г.Д. Новый этап в географических исследованиях человека // Прикладные социально-географические исследования. – Тарту, 1984. – С. 27–30.
43. Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Основы региональной политики. – СПб., 1998. – С. 10–14.
44. Уткин Н.И. Карельская национальная государственность и безопасность Северо-Запада России (историко-правовой анализ): автореф. ... д-ра юрид. наук. – СПб, 2000. – 52 с.
45. Markusen A. Regions: Economics and politics of territory // Rowman and Littlefield Publishers. – 1987. – P. 304.
46. Пикулькин А.В. Система государственного управления. – М., 2010. – 639 с.
47. Организация управления территориальными и производственно-транспортными комплексами: учеб. / Н.С. Усков и др. – М.: МГУУ, 1999. – 319 с.
48. Кистанов В.В., Копылов Н.В. Региональная экономика России: учеб. – М: Финансы и Статистика, 2002. – 584 с.
49. Фролов Д.П. Институциональный подход в теории и практике региональной экономики [Электронный ресурс] // Региональная экономика: теория и практика. – 2008. – № 25. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnyy-podhod-v-teorii-i-praktike-regionalnoy-ekonomiki> (дата обращения: 14.05.2025).

50. Панасюк М.В. Географическая концепция управления регионом // Теория и модели социально-экономического развития территориальных систем. – Казань, 2001. – С. 33–52.
51. Лексин В., Шевцов А. Региональная политика России: концепции, проблемы, решения // Российский экономический журнал. – 1994. – № 2. – С. 41–51.
52. Названова К.В. Устойчивое развитие региональных хозяйственных систем // Проблемы и перспективы развития региональных социально-экономических систем: материалы междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Р.В. Скуба, Г.А. Трунина; редкол.: А.М. Саралидзе [и др.]. – Владимир: ВООО ВОИ, 2013. – 220 с.
53. Ляпкина Т.Ф. Регион как предмет междисциплинарного анализа // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – № 3. – С. 242–251.
54. Кетова Н.П., Овчинников В.П. Институты развития в многоукладных экономиках периферийных регионов [Электронный ресурс] // Проблемы прогнозирования. – 2014. – № 2(143). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instituty-razvitiya-v-mnogoukladnyh-ekonomikah-periferiynyh-regionov> (дата обращения: 11.08.2025).
55. Айзинова И.М., Папиорковский В.В. Непроизводственная инфраструктура регионального центра // Социологические исследования. – 1981. – № 1. – С. 41–49.
56. Гутман Г.В., Мироедов А.А., Федин С.В. Управление региональной экономикой. – М.: Финансы и статистика, 2001. – 176 с.
57. Абдулаев М.А., Сеферова З.А. Регион как территориально-экономическая система [Электронный ресурс] // УЭПС. – 2017. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/region-kak-territorialno-ekonomicheskaya-sistema> (дата посещения: 17.04.2025).
58. Бадман М.К. Территориально производственные комплексы: теория и практика предплановых исследований. – Новосибирск: Наука, 1980. – 256 с.
59. Барбаков О.М. Регион как объект управления // Социологические исследования. – 2002. – № 7. – С. 96–100.
60. Бабинцева Н.С., Кузнецова Н.П. Региональная экономика: предмет и принципы исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 1996. – С. 211–219.
61. Подпругин М.О. Устойчивое развитие региона: понятие, основные подходы и факторы // Российское предпринимательство. – 2012. – № 24(222). – С. 214–221.
62. Игнатов В.Г., Бутов В.И. Регионоведение (экономика и управление): учеб. пособие. – 3-е изд. перераб. и доп. – М.: ИКЦ «Март», 2004. – 528 с.
63. Долятовский В.А. Зарубежный опыт комплексного развития регионов // Регионоведение. – 1994. – № 2. – С. 149–156.
64. Арженовский И.В. Региональный рынок: воспроизводственный процесс. – Н. Новгород, 1997. – 186 с.
65. Изард У. Методы регионального анализа. Введение в науку о регионах. – М.: Прогресс, 1966. – 660 с.
66. Найденов Н.Д., Найденова Т.А. Обмен между поколениями и его совершенствование // Социально-экономические, политические и исторические аспекты развития северных и арктических регионов России. Материалы Всерос. науч. конф. (с междунар. участием), 17–18 окт. 2018 г., Сыктывкар. В 2 ч. – Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2018. – Ч. 2. – С. 92–94.
67. Папиз Ю.С. Эффективная региональная экономика: факторы развития // Науковий вісник Херсонського державного університету. Сер.: Економічні науки. – 2014. – № 7(4). – С. 89–91.
68. Зборовский Г.Е. Регион в зеркале пространственно-временного подхода // XXI Уральские социологические чтения. Социальное пространство и время региона: проблемы устойчивого развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 15–16 марта 2018 г. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2018. – С. 40–44.

Поступила 27.10.2025

REVIEW OF CURRENT APPROACHES TO DEFINITION OF THE CONCEPT OF "REGION" IN THE RUSSIAN SCIENTIFIC SCHOOL

Y. RASSEKA, E. KARPENKA
(Belarusian State University, Minsk)

The article provides an overview of the various approaches existing in the Russian scientific school to the definition of the complex and ambiguous category "region". As a result of comparing the substantive characteristics of each of the approaches, the author's classification was proposed. The identified main determinants of the definitions of "region" made it possible to compare and identify both common features and differences in the interpretation of this category. Based on the analysis of the positions of Russian and Belarusian authors, the essence of the definition of the concept of "region" in the context of each approach is formulated, which can further serve as the basis for the development of a methodology for its research.

Keywords: definition of "region", criteria, approaches, classification, overview, concept, essence of definition, regional studies.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 342.5

DOI 10.52928/2070-1632-2025-73-4-68-72

О РАЗВИТИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

канд. юрид. наук, доц. М.С. АБЛАМЕЙКО
(Белорусский государственный университет, Минск)
e-mail: m.ablameyko@mail.ru

В статье проводится анализ нормативной правовой базы в сфере научно-технического развития страны. Констатируется необходимость оптимизации подходов к регулированию научно-технической и инновационной сфер, даются предложения по их развитию. Предлагается разработать Закон «О научной, научно-технической и инновационной деятельности», что будет актуальным и своевременным решением, нацеленным на упорядочение, простоту применения и решение всех спорных вопросов, возникающих в действующем законодательстве. Предлагается перечень основных вопросов, которые следует отразить в Законе.

Ключевые слова: научно-техническая деятельность, инновации, закон, структура закона.

Введение. Одним из приоритетных направлений развития большинства развитых государств мира является научная деятельность. Именно научный потенциал становится залогом успеха не только в экономическом развитии государства, но и во всех других сферах. Разработка, внедрение, использование, экспорт наукоемкой продукции во многом определяет место современного государства в мировом сообществе. За последнее время все развитые страны стремительно наращивают научный потенциал путем вложения усилий в образование, науку, наукоемкое производство и т.д. Появление таких технологий, как искусственный интеллект, большие данные, Интернет вещей, способствовало повсеместному повышению внимания к научной сфере.

Несмотря на имеющиеся успехи в данной области в нашей стране (открытие новых производств, модернизация существующих, формирование законодательства по ключевым направлениям инновационной деятельности) по многим параметрам пока не удастся достигнуть запланированного. Наукоемкость ВВП в Республике Беларусь остается в последние годы примерно 0,5%¹, а доля инновационной продукции в экспорте остается недостаточно высокой. В результате деятельности рабочей группы по анализу деятельности Национальной академии наук, созданной по поручению Президента Республики Беларусь в 2024–2025 гг. отмечен ряд недостатков. Не все направления научной деятельности обеспечивают вклад в развитие производства и экспорта². Основной проблемой является разрыв в цепочке от научных исследований к созданию и широкомасштабному внедрению новых высокотехнологичных продуктов. Решение этих вопросов зависит от множества факторов: эффективного управления, финансирования науки, научных кадров и, в том числе, от развитой законодательной базы.

Вопросам совершенствования правового поля уделяется большое внимание. В 2024–2025 гг. в Республике Беларусь проходит масштабная ревизия законодательства с целью его оптимизации и систематизации³. По итогам парламентских слушаний на тему «Развитие цифрового права в Республике Беларусь», прошедших в Палате представителей Национального собрания Республики Беларусь в ноябре 2024 г., Совету Министров Республики Беларусь рекомендовано изучить целесообразность подготовки проекта специального закона по вопросам цифровизации⁴.

Следует отметить, что основные законы в сфере научной и научно-технической деятельности были приняты в 90-х гг. и несмотря на неоднократно вносимые в данные акты изменения, требуют анализа и оптимизации.

Вопросы развития законодательства в данной сфере рассматривались белорусскими учеными. В монографии «Концептуальные основы совершенствования правового обеспечения научной, научно-технической и инновационной деятельности в Республике Беларусь» авторами поднимается вопрос о возможности кодификации отрасли [1]. К вопросам коммерциализации и финансирования научно-технической деятельности обращались Шумилин А.Г., Нечепуренко Ю.В., Косовский А.А., Муха Д.В. и др. К вопросу совершенствования законодательства в данной сфере обращались Н.С. Минько, С.С. Лосев, М.Н. Сатолина, Т.С. Масловская и др.

Таким образом, по нашему мнению, следующим логичным шагом развития законодательства в научной сфере будет подготовка и принятие нового единого Закона «О научной, научно-технической и инновационной деятельности», что будет актуальным и своевременным решением, нацеленным на упорядочение, простоту применения и решение всех спорных вопросов, возникающих в действующем законодательстве.

Основная часть. В результате анализа подходов к регулированию научной деятельности в целом, можно выделить три уровня законодательного регулирования. Международным уровнем реализуется в рамках заключенных соглашений, конвенций и т.д., регулирующих сотрудничество стран-участниц, установление этических

¹ URL: <https://belta.by/society/view/shlychkov-u-belarusi-est-rezervy-dlja-povyshenija-naukoemkosti-vvp-680617-2024/>.

² URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2025/august/89737/>.

³ URL: <https://belta.by/society/view/revizija-zakonodatelstva-provedena-v-belarusi-po-porucheniju-lukashenko-chupris-o-podrobnostyah-689461-2025/>.

⁴ URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H22500141>

принципов и норм, определение прав интеллектуальной собственности на использование результатов научной деятельности. На национальном уровне принимаются законодательные акты, определяющие политику государства в научной сфере, включая приоритетные направления развития, области, требующие особого контроля, вопросы финансирования и поддержки науки, структуру и правила для научного сообщества. Институциональный уровень включает внутренние правила университетов, исследовательских институтов и компаний, которые действуют в рамках национального и международного права.

Можно выделить следующие основные модели законодательного регулирования научно-технической деятельности в мире [2]:

- Децентрализованная и фрагментированная модель присуща США. Основной чертой данной модели является отсутствие единого закона в научной сфере, а регулирование формируется множеством актов, принимаемых Конгрессом по отраслям (энергетика, здравоохранение, оборона и др.).

- Гармонизированная и кооперативная модель применяется в Европейском Союзе. В рамках данного подхода создается единое правовое пространство для исследований и инноваций через Рамочные программы (Horizon Europe) и директивы. Наднациональное регулирование (директивы ЕС) гармонизирует национальные законы стран-членов.

- Централизованная государственно-ориентированная модель (Китайская Народная Республика, Российская Федерация, Республика Беларусь). Основная черта: государственное планирование и финансирование в соответствии с пятилетними планами и национальными стратегиями. Государство выступает главным заказчиком, координатором и исполнителем через Академии наук, университеты и госкорпорации.

- Модель «догоняющего развития», перешедшая к инновационной (Япония и Южная Корея). Данной модели присуща адаптация западных технологий при всесторонней государственной поддержке с ориентацией на фундаментальные исследования и прорывные инновации. Основные стратегические направления определяет государство, а частные корпорации (Samsung, Toyota, Sony) являются основными двигателями.

Таким образом, можно сделать вывод, что подходы к законодательному регулированию науки отличаются. Глобальная картина представляет собой мозаику из национальных юрисдикций, которые постепенно гармонизируются через международные договоры и соглашения (этика, экспортный контроль и др.) и реагируют на общие технологические вызовы (искусственный интеллект, большие данные и др.).

В странах СНГ в 2008 году на тридцатом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ был принят Модельный закон «О научной и научно-технической деятельности» (постановление № 31-15 от 25 ноября 2008 года)⁵, который определяет общие правовые, организационные и финансовые принципы функционирования и развития научно-технической сферы СНГ и направлен на создание таких условий для научной и научно-технической деятельности в каждом из государств-участников, которые позволят обеспечить потребности в научно-техническом развитии отдельных государств и Содружества в целом на основе объединения национальных научных потенциалов и нацеливания их на решение первоочередных экономических, социальных и экологических проблем СНГ.

Отдельно выделим подходы к регулированию научной деятельности в странах – членах Евразийского экономического союза, как наиболее близких партнеров Республики Беларусь.

Главным документом Российской Федерации, координирующим функционирование науки, является Федеральный закон от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике». Законом определены организация и принципы регулирования научной и научно-технической деятельности, формирование и реализация государственной научно-технической политики, субъекты, а также государственная поддержка инновационной деятельности и др. В Республике Казахстан принят Закон от 1 июля 2024 г. № 103-VIII ЗРК «О науке и технологической политике», который заменил собой предыдущий закон 2011 г. Закон вводит совершенно новую модель управления и финансирования науки, ориентированную на тесное взаимодействие науки с бизнесом и производством. Можно отметить, что законодательство и государственная политика Казахстана в области науки направлены на коммерциализацию результатов и ориентацию на прикладные исследования, результаты которых могут быть внедрены в промышленность и экономику. Закон Республики Армения «О научной и научно-технической деятельности», принятый 5 декабря 2000 г., регулирует научную и научно-техническую деятельность, определяет субъектов, основы организации научной деятельности, государственное управление и др. Главным документом Кыргызской Республики является Закон от 8 августа 2023 г. № 170 «О науке», который регулирует общественные отношения в области науки и научно-технической деятельности, определяет правовые, организационные, экономические основы осуществления научной и научно-технической деятельности, основы функционирования системы научно-технической информации.

Государственная политика в области науки во всех приведенных странах определяется стратегическими документами. Также существуют программы развития науки, принимаемые на среднесрочный период, которые конкретизируют приоритеты и механизмы финансирования. Считаем данный подход целесообразным, так как приоритетные направления могут меняться с течением времени, особенно в эпоху развития цифровых технологий.

Анализ основных существующих законодательных актов в Республике Беларусь. Важным актом в научно-технической сфере является Закон Республики Беларусь «Об основах государственной научно-технической политики» от 19 января 1993 г. № 2105-XII, который предусматривает комплекс методов и средств участия

⁵ URL: <https://docs.cntd.ru/document/902157692?marker>.

государства в управлении научной и научно-технической деятельностью. Законом регулируются отношения, возникающие между государственными органами и субъектами научной и научно-технической деятельности в процессе формирования и реализации государственной научно-технической политики. Для реализации государственной политики в научной сфере был принят Закон Республики Беларусь от 21.10.1996 г. № 708-ХІІІ «О научной деятельности», направленный на создание благоприятных условий для осуществления научной деятельности, усиление государственной поддержки науки, как необходимого условия экономического и социального развития Республики Беларусь, повышения интеллектуального и культурного уровня её граждан, укрепления авторитета и независимости государства. Определение правового режима научно-технической информации дано в Законе Республики Беларусь от 05.05.1999 г. № 250-З «О научно-технической информации». Закон устанавливает правовые основы регулирования правоотношений, связанных с созданием, накоплением, поиском, получением, хранением, обработкой, распространением и использованием научно-технической информации в Республике Беларусь. В связи с развитием новых подходов, а именно усилением внимания к новым разработкам был принят Закон Республики Беларусь от 10.07.2012 г. № 425-З «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь», который определяет правовые и организационные основы государственной инновационной политики и инновационной деятельности. 27 мая 2019 г. Президентом Республики Беларусь принят Указ № 197 «О научной, научно-технической и инновационной деятельности». В Указе отмечается, что государственная политика в сферах научной, научно-технической и инновационной деятельности формируется в соответствии с приоритетными направлениями научной, научно-технической и инновационной деятельности, которые определяются Указами Президента на каждую пятилетку.

Анализ данных актов показывает эволюцию развития научной сферы от общего понятия научной деятельности (получение новых знаний и использования их для разработки новых способов применения) к последующему преобразованию в научно-техническую деятельность, подразумевающую проведение прикладных исследований и разработок с целью создания новых или усовершенствования существующих способов и технологий с дальнейшим переходом к инновационной деятельности, т.е. преобразованию новшества в инновацию.

Правовое поле в рассматриваемой области сформировано, однако реалии сегодняшнего дня, а именно ценность информации и последующего интеллектуального продукта на мировом рынке, предопределяют корректировку действующего законодательства и разработку комплексного подхода для создания и экспорта наукоемкой продукции. Недостаточное регулирование инновационной сферы является одним из сдерживающих факторов развития инновационной деятельности. Существенным пробелом в действующем законодательстве является недостаточное внимание инжиниринговым структурам и услугам. Для повышения экономической эффективности, улучшения связи науки и производства, увеличения экспортируемой наукоемкой продукции предлагаем принять единый закон «О научной, научно-технической и инновационной деятельности», который позволит объединить всю научно-техническую и инновационную сферу и упростит его применение на местах.

Предлагаемая структура Закона. В данном Законе должны найти свое отражение следующие вопросы:

1. Общие положения в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности. Сфера действия закона: закон регулирует отношения между субъектами научной, научно-технической и инновационной деятельности, государственными органами и пользователями научной и научно-технической информации и продукции (работ и услуг).

Основные понятия, которые должны найти отражение: научная деятельность; фундаментальные научные исследования, прикладные научные исследования; научно-техническая деятельность; государственная научно-техническая политика; результат научной и (или) научно-технической деятельности; продукт научной и (или) научно-технической деятельности; гранты; коммерциализация результатов научной и (или) научно-технической деятельности; инновация; инновационная деятельность; инновационная инфраструктура; инновационный проект; венчурный проект; подготовка и аттестация научных работников высшей квалификации; научная организация; временный научный коллектив; научный фонд; научно-техническая информация; система научно-технической информации; научно-информационная деятельность; автор научно-технической информации или результата научной и (или) научно-технической деятельности; пользователь (потребитель) научно-технической информации и продукции научной и (или) научно-технической деятельности; разработчик научно-технической информации и продукции научной и (или) научно-технической деятельности, инжиниринг и др.

Правовое регулирование отношений в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности основывается на Конституции Республики Беларусь и осуществляется в соответствии с актами законодательства.

2. Основы государственной научной, научно-технической и инновационной политики.

Целью государственной научной, научно-технической и инновационной политики в Республике Беларусь является обеспечение благоприятных социально-экономических, организационных и правовых условий за счет эффективного использования интеллектуальных ресурсов общества путем совершенствования научного и научно-технического потенциалов, направленных на улучшение качества жизни народа и повышения конкурентоспособности национальной экономики.

Основными принципами формирования и реализации государственной научной, научно-технической и инновационной политики являются:

- государственная поддержка фундаментальных и прикладных исследований;
- сочетание государственного регулирования с творческой инициативой субъектов научной деятельности и свободой научного поиска;

- участие ученых, их общественных организаций и объединений в формировании и реализации государственной научно-технической политики в республике;
- интеграция науки и образования на основе различных форм участия преподавателей в научных исследованиях и разработках;
- обеспечение свободы выбора направлений и методов проведения научной и научно-технической деятельности для всех субъектов, обеспечения правовой защиты результатов научной и научно-технической деятельности;
- повышение престижа научного труда;
- взаимовыгодное сотрудничество с другими государствами, создание условий для привлечения иностранных инвестиций на развитие науки и техники, освоение новейших технологий и новых видов продукции;
- стимулирование инновационной деятельности.

Государственная политика в сфере научной деятельности формируется в соответствии с приоритетными направлениями научной, научно-технической и инновационной деятельности, определяемыми и утверждаемыми в порядке, установленном Президентом Республики Беларусь.

Отдельно предлагаем отразить вопросы финансового обеспечения научной, научно-технической и инновационной деятельности, включая государственные меры стимулирования. В рамках данной главы целесообразно определить порядок организации и проведения экспертиз и, в целом, научно-экспертную деятельность.

3. Государственное регулирование научной, научно-технической и инновационной деятельности в Республике Беларусь. Государственное регулирование научной, научно-технической и инновационной деятельностью в Республике Беларусь осуществляется Президентом Республики Беларусь, Советом Министров Республики Беларусь, Национальной академией наук Беларуси, Государственным комитетом по науке и технологиям, Министерством образования, Высшей аттестационной комиссией и иными государственными органами в соответствии с их компетенцией. Управление научной, научно-технической и инновационной деятельностью осуществляется в пределах, не нарушающих свободу научного творчества. Также следует определить структуру управления научной, научно-технической и инновационной деятельности с определением компетенций.

4. Субъекты научной, научно-технической и инновационной деятельности. К субъектам научной, научно-технической и инновационной деятельности относятся государственные органы и организации, осуществляющие управление и реализацию государственной политики в области научной, научно-технической и инновационной деятельности; юридические и физические лица, осуществляющие научную и научно-техническую и инновационную деятельность; временные научные коллективы; научные организации; учреждения образования. В данной главе следует отразить отношения между субъектами и (или) участниками научной, научно-технической и инновационной деятельности, вопросы подготовки и аттестации научных работников высшей квалификации.

5. Данная глава отражает инфраструктуру научной, научно-технической и инновационной деятельности (технологические платформы, технопарки, государственные информационные системы, научные издания, фонды поддержки научной, научно-технической, инновационной деятельности, технопарки, венчурные организации).

6. Отдельной главой следует отразить правовой режим научно-технической информации, как основополагающей части научно-технической деятельности.

7. Оценка результативности и эффективности в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности.

8. Государственная поддержка инновационной деятельности.

9. Государственно-частное партнерство при реализации научных, научно-технических и инновационных проектов. В эпоху развития рыночной экономики вопрос государственно-частного партнерства стоит достаточно остро. Безусловно финансирование из средств республиканского бюджета не является достаточным для обеспечения развития научно-технической и инновационной деятельности всех сфер. Обращаясь к опыту развитых стран в части финансирования инновационных разработок, государство должно принимать участие наравне с частным сектором. Следует отметить, что на данный момент законодательство Беларуси не содержит каких-либо запретов на частное инвестирование в научно-технические и инновационные проекты, но и не устанавливает соответствующего правового механизма передачи их результатов в производство, что приводит к тому, что вложенные в проекты затраты часто не окупаются.

10. Международное сотрудничество в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности.

Заключение. В настоящий момент правовое поле, регламентирующее отношения в инновационной сфере, развивается достаточно медленно. Имеющейся национальной законодательной базы недостаточно, законы и подзаконные акты не в полной мере отражают разнородность юридических подсистем различных отраслей права. Правовое регулирование должно охватывать не только научную и научно-техническую деятельность, но и работы по созданию новых конкурентных высокотехнологичных продуктов, внедрению результатов исследований и др. Важной составляющей является оценка и продажа инновационных разработок, особенно за пределы Республики Беларусь.

Новый законопроект должен не только обеспечивать реализацию всех стратегических направлений, но и сформировать современное взаимодействие науки и экономики. При разработке нового закона следует учитывать и стратегические документы, в частности принятую на Втором Съезде ученых Республики Беларусь в декабре 2017 года стратегию «Наука и технологии: 2018–2040», разработанную Национальной академией наук Республики Беларусь в которой определены цели, задачи и приоритетные направления развития научно-технологической сферы, основные направления государственной политики в науке и инновационной деятельности, инструменты стимулирования научно-технологического развития национальной экономики. Главной целью нового законопроекта должно стать современное взаимодействие науки и экономики, ускорение создания и внедрения

новых технологий и систем. Разработка принципиально нового закона в научной сфере позволит устранить существующие противоречия и барьеры в действующем законодательстве, усовершенствует систему разграничения функций государственного регулирования, выведет вопросы государственно-частного партнерства в сфере разработки и создания наукоемкой продукции на новый уровень с учетом финансирования и стимулирования данной сферы и повысит конкурентный потенциал Республики Беларусь на международной арене.

Для создания целостной структуры правового регулирования научной, научно-технической и инновационной деятельности в Республике Беларусь потребуются дальнейшая систематизация законодательства, в частности, регламентация создания и функционирования структурных подразделений при научных организациях и университетах, направленных на передачу результатов научной деятельности в производство. По существу, это приводит к необходимости разработки нормативных правовых актов функционирования инжиниринговых структур в данных учреждениях. После (или во время) подготовки предлагаемого Закона необходимо подготовить нормативные правовые акты, направленные на формирование отраслевыми органами государственного управления государственного заказа на научно-исследовательские работы с учетом потребностей соответствующих отраслей экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Концептуальные основы совершенствования правового обеспечения научной, научно-технической и инновационной деятельности в Республике Беларусь / В.И. Бельский [и др.]; под ред. В.И. Бельского, В.К. Ладутько. – Минск: Белорус. наука, 2019. – 342 с.
2. Аничкин Е.С., Серебряков А.А. Модели нормативно-правового обеспечения международного научного и научно-технического сотрудничества и управления результатами совместных исследований [Электронный ресурс] // Российское право: образование, практика, наука. – 2021. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-normativno-pravovogo-obespecheniya-mezhdunarodnogo-nauchnogo-i-nauchno-tehnicheskogo-sotrudnichestva-i-upravleniya> (дата обращения: 14.09.2025).

Поступила 13.10.2025

ON THE DEVELOPMENT OF LEGISLATION IN THE FIELD OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL ACTIVITIES

M. ABLAMEYKO
(Belarusian State University, Minsk)

The article analyzes the regulatory framework in the sphere of scientific and technical development of the country. It states the need to optimize approaches to regulating the scientific, technical and innovative sphere, and provides proposals for its development. It is proposed to develop the Law "On Scientific, Scientific - Technical and Innovative Activities", which will be a relevant and timely solution aimed at streamlining, ease of use and resolving all controversial issues arising in the current legislation. A list of key issues that should be reflected in the Law is proposed.

Keywords: scientific and technical activity, innovation, law, structure of the law.

УДК 342.951

DOI 10.52928/2070-1632-2025-73-4-73-78

**ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ****А.А. БАНЬ***(Белорусский государственный университет, Минск)*ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-7593-2422>e-mail: law.ban@mail.ru

В статье проведен анализ теоретико-правовых основ административной ответственности, включая исследование вопроса административной ответственности в области охраны окружающей среды. Изучена дефиниция термина в трудах отечественных ученых и в работах российских исследователей. Отмечена незначительная академическая база разработок административно-деликтной санкции в природоохранной сфере, в первую очередь, по причине наличия теоретических идей выделения некоторыми авторами «экологической» или «эколого-правовой» ответственности, носящей характер самостоятельной юридической ответственности. На основе научных представлений группы правоведов и прикладной реализации обоснована авторская позиция инверсии «института экологической или эколого-правовой ответственности». Кроме того, обозначена дефиниция термина административной ответственности в области охраны окружающей среды, которая развивается в устоявшемся русле административной ответственности.

Ключевые слова: административная ответственность, юридическая ответственность, охрана окружающей среды, экологическая ответственность, экологическое правонарушение, дефиниция термина.

Введение. Актуальность исследований тематики административной ответственности не вызывает сомнений. Еще более современным видится рассмотрение вопросов административной ответственности в сфере охраны окружающей среды ввиду возрастающей роли влияния экологических аспектов на все области жизнедеятельности человека при его взаимодействии в социуме и во взаимосвязи с компонентами природной среды. Вместе с тем, учитывая определенные теоретико-правовые разработки юридической ответственности природоохранной тематики в доктрине права, возникают сложности в их восприятии в прикладной реализации. Указанные обстоятельства предопределяют цель и задачи исследования, направленные на установление истинной догмы в придании суверенности административной ответственности за нарушения законодательства в области охраны окружающей среды вне рамок существования иных условных теоретических идей по указанному предмету.

Основная часть. Основоположниками изучения сущности, цели, задач и проблематики административной ответственности со времен ее становления с советского периода являются Д.Н. Бахрах [1] и И.А. Галаган [2]. В данном свете соотечественники И.С. Самощенко и М.Х. Фарукшин указывали на то, «что административная ответственность согласно советскому законодательству наступает за нарушение как административноправовых норм, так и норм других отраслей права» [3, с. 192]. Советский юрист С.Н. Братусь утверждал, что «... нормы, определяющие круг и состав административных проступков и административных взысканий за их совершение образуют самостоятельную подотрасль административного права, что и дает основание выделить нормы о проступке в самостоятельный кодекс...» [4, с. 139]. Н.В. Витрук разделял гражданско-правовую, материальную, дисциплинарную, административную и уголовную ответственность, что говорит о том, что указанный автор придавал административной ответственности миссию самостоятельности в системе юрисдикции [5, с. 93].

К одному из важнейших ориентиров на пути выстраивания института административной ответственности свелось формулирование самого определения ответственности.

Забегая вперед, отметим, что действующий с 2021 г. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП Республики Беларусь) не дает легального закрепления понятия административной ответственности, устанавливая лишь тезис о том, что в порицании виновного лица и наложении взыскания как на физическое лицо, так и на юридическое выражается административная ответственность (ч. 1 ст. 4.1). Таким образом, законодатель лишь фиксирует общий принцип, указывающий на совершение лицом противоправного деликта и наступающие негативные последствия такого деяния в виде наложения взыскания.

В юридической литературе существуют различные подходы к дефиниции термина административная ответственность. В советском административном праве административная ответственность рассматривалась как разновидность юридической ответственности, которая во всех случаях есть результат неправомерного поведения лица и выражающаяся в применении к нему полномочными органами (должностными лицами) и в установленном законом порядке соответствующих юридических санкций [6, с. 213]. Схожесть в рассматриваемом термине прослеживается у Д.М. Овсянко [7, с. 54], А.Б. Агапова [8, с. 21], а также у О.С. Рогачевой [9, с. 20].

Кроме того, вопросом определения административной ответственности в своих разработках занимались также Е.В. Додин [10, с. 175], который говорил, что «...административная ответственность состоит в применении к правонарушителю административно-правовой санкции»; И.Л. Бачило отмечала двустороннюю роль административной ответственности, говоря о ней как о чистом виде ответственности, отличной от иных (уголовной,

дисциплинарной) с одной стороны, а с другой – реализацию института административной ответственности видела через призму различных видов ответственности (служебной, уголовной, гражданской) [11, с. 15]; К.С. Бельский, предлагавший в понятие административной ответственности синтезировать две категории: объективную, представляющую реакцию государства на административное правонарушение, и субъективно-личностную категорию, которая показывает её как совокупность правомочий наказанного лица [12, с. 16]; И.В. Тимошенко [13, с. 74–79] определял административную ответственность как обязанность лица претерпевать неблагоприятные последствия в виде негативной оценки государством неправомерного поведения.

Как видим из имеющихся и приведенных взглядов в трудах ученых-правоведов, можно констатировать, что часть из них ориентировалась на определение дефиниции административной ответственности в виде самостоятельного вида юридической ответственности (С.Н. Братусь, Н.В. Витрук, А.П. Алехин и др.), а другая группа – как на результат государственно-властного принуждения посредством различных форм выражения (А.Б. Агапов, И.А. Галаган, Д.М. Овсянко и т.д.).

Вместе с тем в юридической литературе можно встретить обоснованное, прежде всего с практикоориентированной точки зрения, положение о том, что административная ответственность представляет собой совокупность материальных и процессуальных норм. В частности, такой постулат выдвинул Ю.М. Козлов, который утверждал, что важная черта административной ответственности состоит в том, что её можно рассматривать как совокупность материальных и процессуальных правоотношений [14, с. 339]. В связи с чем, согласимся с суждением И.В. Максимова о том, что административная ответственность в научном мире является понятием сложным, многомерным и полифункциональным [15, с. 29].

Приведенные исследования в подавляющем большинстве датированы советским временем, плавно переходящем к российскому периоду. Из белорусских юристов дилемме определения термина административной ответственности уделено незначительная часть научных разработок, из которых, пожалуй, можно выделить лишь некоторых экспертов. Так, например, А.Н. Крамник определял административную ответственность как вид юридической ответственности, которая выражается в наложении административного взыскания на физическое или юридическое лицо за совершённое административное правонарушение [16, с. 24]. Т.В. Телятицкая предлагает под административной ответственностью понимать «вид государственного принуждения, реализуемого в предусмотренной законодательством процессуальной форме и отражающего такое правовое состояние лица, при котором оно претерпевает неблагоприятные последствия морального, личного, имущественного или организационного характера в результате государственного осуждения совершенного им административного правонарушения», которое следует закрепить в главе 4 КоАП Республики Беларусь [17, с. 142]. И.И. Мах, обобщив многообразие рассматриваемого понятия, заключил, что «административная ответственность – это правоотношения, возникающие между государством и правонарушителем в связи с нарушением последним установленных законодательством норм и правил, охраняемых административно-правовыми санкциями, применение которых возлагает на правонарушителя неблагоприятные последствия» [18, с. 382–383]. Л.М. Рябцев и О.И. Чуприс под административной ответственностью понимают «разновидность юридической ответственности (наряду с уголовной, дисциплинарной, материальной), которая выражается в применении полномочными органами и должностными лицами конкретных административно-правовых санкций (административных взысканий) к лицам, совершившим административные правонарушения» [19, с. 66].

Следовательно, вычленив ключевые слова, Т.В. Телятицкая видит административную ответственность через призму «вида государственного принуждения...», И.И. Мах определяет рассматриваемую дефиницию как «правоотношения...», а А.Н. Крамник, Л.М. Рябцев и О.И. Чуприс исходит из термина административной ответственности как вида или разновидности юридической ответственности. Автору исследования близка последняя формулировка группы ученых в определении административной ответственности как вида (разновидности) юридической ответственности по следующим основаниям:

1. Административная ответственность специфична по своей юридической природе проявления, это своеобразное установление последствий за совершение правонарушений, выражающихся в разнородных видах взыскания.

2. Ответственность возникает как следствие или реакция на нарушение нормы права, что отличает её от правоотношений, являющихся, по сути, социальными отношениями, базирующимися на праве. Здесь же можно упомянуть этимологию слова «ответственность», происходящую от существительного с корнем «ответ», что дает основания утверждать о правильности трактовки юридической (административной) ответственности как ответа (результата) на противоправное деяние.

3. По нашему видению, государственное принуждение – более обширное понятие. Оно включает все действия государства и его органов (включая конституционные, гражданские, уголовные и др.), направленные на обеспечение правового порядка, реализующиеся посредством различных процедур и механизмов, в отличие, от юридической (административной) ответственности, которая выражается в строго определенной процессуальной форме.

Таким образом, проблематика дефиниции административной ответственности, как нам представляется, остается открытой как в доктрине права, поскольку используются различные подходы к данному феномену, так и в прикладной реализации, прежде всего ввиду того, что легальное определение рассматриваемого термина не закреплено в административно-деликтном законе.

Еще более сложной и менее изученной, если не сказать и вовсе неосвоенной, является тематика административной ответственности за нарушения законодательства в области охраны окружающей среды.

Ответ на вопрос о возможных причинах нераскрытости исследуемого института в теоретических разработках, по мнению автора, кроется, как минимум, в двух обстоятельствах: во-первых, новации и прогрессивная эволюция общественных отношений в области экологического законодательства, что приводит к постоянному пересмотру исследуемых норм права и, как следствие, ведет к трансформации рассматриваемого нами предмета; во-вторых, выделение некоторыми авторами такой категории, как «эколого-правовая ответственность» и (или) «экологическая ответственность», которая нарушает устоявшийся баланс и уводит в сторону от решения истинно критических нюансов, прежде всего, в прикладной реализации административной ответственности в анализируемой группе правоотношений.

Если с первым основанием все достаточно ясно, поскольку в свете изменяющегося мироустройства, глобальных экологических и политических кризисов не последняя роль отводится и результатам трансформации правоотношений в сфере охраны окружающей среды, которые влекут, в том числе, и эволюцию имеющихся механизмов административно-деликтной санкции, то на второй причине необходимо остановиться более детально.

В трудах теоретиков права и юристов-экологов выделяется и обосновывается такой самостоятельный специфический вид юридической ответственности, как экологическая ответственность либо особая форма юридической санкции – эколого-правовая ответственность. Так, данной проблематике русский правовед В.И. Ивакин посвятил монографию «Теоретические проблемы формирования и развития эколого-правовой ответственности», которая рассматривает собственно эколого-правовую ответственность как новую разновидность санкции, новый правовой институт, предпосылки её формирования, раскрывает понятие, признаки, формы и сущность и даже утверждает модель включения в анализируемую категорию, например, уголовно-правовых норм [20, с. 2, 10, 36]. В одной из недавних своих работ ученый рассуждает о том, что «...административная, уголовная, имущественная и гражданско-правовая разновидности ответственности рассматриваются в виде частных случаев применения ответственности в области охраны окружающей природной среды, тогда как экологическая ответственность есть не только отдельный случай возмещения экологического ущерба, но и особенное понятие, учитывающее все вышеперечисленные виды ответственности и образующее единый институт, направленный на полное возмещение экологического вреда» [21, с. 62].

Одним из первых, кто высказался о наличии особенного института ответственности за нарушения природоохранного законодательства, был В.В. Петров [22, с. 117]. По мнению Н.Т. Разгельдеева, в сфере охраны природы существует собственно природоохранительная ответственность, которая рассматривается как внутриотраслевое понятие и как правоотношение [23, с. 7]. А.А. Странцов [24, с. 6] и М.М. Бринчук [25, с. 303] говорят о юридической ответственности за экологические правонарушения через призму отношений между государством и специально уполномоченными органами в области охраны окружающей среды.

Таким образом, определенная группа авторов приходят к выводу, что с течением времени сформировался новый вид юридической ответственности – экологическая ответственность.

Самостоятельность институту эколого-правовой ответственности придают и белорусские правоведы Д.М. Демичев [26], а также А.Н. Сапогин, который сформулировал свое определение анализируемого термина, под которым подразумевал негативную реакцию государства на совершенное экологическое правонарушение и лицо, его совершившее, выраженную в форме государственного принуждения, в результате которого правонарушитель претерпевает негативные последствия своих действий материального или морального характера, реализуемого в рамках правоотношений между виновным лицом и государственным органом в целях обеспечения общей и частной превенции нарушений экологического законодательства [27, с. 189]. Такие известные юристы в новейшее время, как С.А. Балащенко, Т.И. Макарова и В.Е. Лизгаро находят эколого-правовую ответственность в двух ипостасях: в перспективном плане, как соблюдение норм в области охраны окружающей среды, и ретроспективном – негативную ответственность, заключающуюся в неблагоприятных последствиях для лица в случае нарушения законодательства [28, с. 238]. Кроме того, в юридической литературе встречаются рассуждения ученых о том, что институт эколого-правовой ответственности носит сложный комплексный характер, то есть данные авторы придерживаются промежуточной позиции между существованием такого института, вариативностью его самостоятельности и полным отрицанием указанного правового явления [29, с. 167; 30, с. 44]. И, наконец, третья группа правоведов, отрицает существование нового самостоятельного вида юридической ответственности – экологической и, тем более, правового института эколого-правовой ответственности.

Еще советский ученый Ю.С. Шемшученко, а также поддержавшие его версию В.Л. Мунтян, Б.Г. Розовский констатировали, что эколого-правовая ответственность условна и не может претендовать на роль самостоятельного вида юридической санкции [31, с. 30]. В контексте высказываний М.М. Бринчука о том, что «основным элементом» экологической ответственности как «нового» вида юридической ответственности является возмещение экологического вреда» юрист Л.И. Брославский задавался вопросом «в чем же тогда новизна экологической ответственности и каким законодательным актом она должна предусматриваться?» и резонно парировал, что «возмещение экологического вреда как мера юридической ответственности и правовое средство защиты экологических интересов, как частных, так и публичных, общественных по своей природе, является гражданско-правовым средством воздействия на экологических правонарушителей» [32].

Аналогичный аргумент приводит Г.А. Мисник, говоря о возмещении экологического вреда как о «...специальной разновидности гражданско-правовой ответственности. Такой подход основывается на представлениях об иерархической структуре права» [33, с. 81]. Справедливо подмечал С.М. Зырянов, что «нарушение экологических требований влечет наступление гражданско-правовой, уголовной, административной или дисциплинарной

ответственности либо их сочетания... Поэтому утверждения о существовании отраслевых видов юридической ответственности (экологической, финансовой и т.д.) не имеют смысла» [34, с. 111–120]. Категорична в своих исследованиях О. А. Слепенкова, которая утверждает, что «природоохранное законодательство очень консервативно и в настоящее время в отношении него никаких специальных видов ответственности не предусматривается, а возможно говорить только о юридической ответственности за экологические правонарушения (имущественной, дисциплинарной, административной или уголовной)» [35, с. 188]. О.Р. Саркисов и Э.Е. Сафонов в своих выводах также возражают против возведения в ранг самостоятельной юридической санкции эколого-правовой ответственности, рассуждая о ней, лишь как о разновидности общеюридической ответственности [36, с. 230]. В современных разработках правоведов, в частности Д.Ю. Литвинчук утверждает, что эколого-правовая ответственность является более широким понятием, нежели административная ответственность [37, с. 75].

Проанализировав приведенные высказывания ученых, необходимо обосновать авторскую точку зрения о невозможности существования института эколого-правовой ответственности и экологической ответственности в целом как вида юридической ответственности, не говоря уже о её самостоятельной роли.

Для начала уясним принципиально важный аспект по видению исследователя: автор стоит на позициях необходимости разработки правового регулирования сферы административной ответственности за экологические правонарушения с обязательным учетом правоприменительной практики, ни в коем случае не умоляя теоретическую составляющую любой научной мысли. В этом свете видится красноречивым высказывание Президента Республики Беларусь: «Нормы должны идти от жизни!» [38, с. 6].

Вместе с тем, исходим из парадигмы того явления, что именно человек является первоисточником как теоретических основ, так и прикладной реализации, гармонично соединяя в себе две параллели одной границы. Следовательно, практическая реальность предполагает то обстоятельство, что выделение правового института в виде «эколого-правовой ответственности» является лишь попыткой «перетянуть одеяло» с традиционных видов юридической ответственности (уголовная, административная, гражданская, дисциплинарная), которые сформировались и исторически закрепились в прикладном контексте юриспруденции. Также близким по духу автору исследования приходится постулат профессора С.А. Боголюбова, который является яростным критиком концепции «эколого-правовой ответственности», о том, что «надо лучше использовать то, что уже есть, вместо изобретений, которые лишь изображают движение к цели – обеспечению экологического правопорядка» [39, с. 401]. В связи с чем, согласимся с суждением юриста-ученого насчет недопустимости признания эколого-правовой ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности: «экологическое право, имея свои предмет, методы, подотрасли, институты, субинституты, категории, объединенные в систему, не нуждается в искусственных подпорках – обоснованиях типа самостоятельного вида юридической ответственности. Специфические формы санкций, предлагаемые для обозначения эколого-правовой ответственности, охватываются в большинстве своем административной формой юридической ответственности и, при всех их особенностях, иными правовыми формами наказаний» [40, с. 199].

То есть, экологическое право, являясь самостоятельной отраслью права, хоть и вторичной, по мнению некоторых правоведов, не нуждается в дополнительных системах и категориях для доказывания своей значимости в ранге иных отраслей и системе права в целом ввиду того, что бытие самостоятельно устанавливает и придает ценность тому или иному правовому институту в различные эпохальные отрезки времени, исходя из разноплановости факторов, влияющих на коммуникативное взаимодействие человека с окружающим его социумом.

Возвращаясь к авторским причинам в отказе признавать правовой институт «экологической ответственности» в системе юридической ответственности выделим следующие факторы.

Во-первых, имеющиеся виды юридической ответственности и, в особенности, институт административно-деликтной направленности с лихвой покрывает весь круг общественно значимых и социально-опасных административных правонарушений экологической направленности. Исходя из этого, априори, нет смысла говорить о новом правовом явлении ввиду того, что указанный юридический феномен является условно-собирательной категориальной концепцией в уже имеющейся юридической санкции и сам по себе не устанавливает ничего нового.

Во-вторых, административная, как и любая другая, ответственность реализуется посредством процессуального способа её выражения, категория «эколого-правовая ответственность» остается материальной нормой, поскольку не предусматривает отдельного механизма процесса её интеграции в процедурной составляющей. Иными словами, нарушение экологических требований будет влечь наложение санкции посредством существующих процессуальных кодифицированных актов.

И, в-третьих, что, по сути, является следствием второго базиса, введение «экологической ответственности» как правового института не учитывает механизма исполнения вынесенной в процессуальном порядке санкции, что опять обязывает правоприменителя использовать имеющийся порядок исполнения наказания.

Вследствие указанных причин встает очевидный вопрос к сторонникам «эколого-правовой ответственности»: зачем вводить дополнительную структуру, которая по сути своей контрпродуктивна, поскольку не имеет средств и способов к самостоятельному существованию в практикоприменении? Выражаясь фигурально, недостаточно создать «голову и тело», необходимы инструменты реализации идейной мысли – «руки и ноги».

Заключение. На основании вышеизложенного, выделяя административную ответственность в качестве традиционного и самодостаточного вида юридической ответственности, говоря об административной ответственности за нарушения законодательства об охране окружающей среды, отметим следующее.

По мнению автора, административная ответственность за нарушения законодательства об охране окружающей среды, как с позиции теоретической составляющей, так и в практическом аспекте, развивается в русле устоявшегося вида юридической ответственности – административной ответственности, охватывая определенную группу общественных отношений в сфере экологической направленности, где четко определены цели и задачи такой ответственности. Следовательно, можно сделать вывод о выражении дефиниции термина административной ответственности за нарушения законодательства об охране окружающей среды, которая представляется разновидностью юридической ответственности и выражается в применении уполномоченными органами и их должностными лицами административно-правовых взысканий к лицам, совершившим административные правонарушения в области охраны окружающей среды.

При этом текущее состояние исследованности констатирует отсутствие системного обобщенного целостного и многоаспектного подхода к изучению проблематики административной ответственности за нарушения законодательства в области охраны окружающей среды на территории Республики Беларусь, что, в свою очередь, создает предпосылки формирования теоретических учений относительно наличия особого института «эколого-правовой ответственности», который поглощает анализируемую сферу нашего предмета внимания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахрах Д.Н. Административная ответственность граждан в СССР: учеб. пособие. – Свердловск, 1989. – 204 с.
2. Галаган И.А. Административная ответственность в СССР (государственное и материально-правовое исследование). – Воронеж, 1970. – 252 с.
3. Самошенко И.С., Фарукшин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. – М.: Юрид. лит., 1971. – 240 с.
4. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность: (Очерк теории). – М.: Городец-издат, 2001. – 202, [2] с.
5. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. – М.: РАП, 2008. – 324 с.
6. Советское административное право / И.А. Азовкин., А.П. Алехин, П.Т. Василенков и др. – М.: Юрид. лит., 1978. – 360 с.
7. Овсянко Д.М. Административное право. – М.: Манускрипт, 1994. – 165 с.
8. Агапов А.Б. Административное право: учеб. для бакалавров. – 9-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2014. – 937 с.
9. Рогачева О.С. Административная ответственность: учеб. пособие. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2005. – 192 с.
10. Додин Е.В. Доказательства в административном процессе. – М.: Юрид., лит., 1973. – 192 с.
11. Антонова В.П. Административная ответственность и проблемы административного права (Четвертые «Лазаревские чтения»): К 70-летию Бориса Михайловича Лазарева // Государство и право. – 2000. – № 10. – С. 13–42.
12. Бельский К.С. Административная ответственность: генезис, основные признаки, структура // Государство и право. – 1999. – № 12. – С. 12–18.
13. Тимошенко И.В. Понятие административной ответственности // Северо-кавказский юридический вестник. – 2009. – № 2. – С. 74–79.
14. Козлов Ю.М., Попова Л.Л. Административное право. – М.: Юрист, 2000. – 502 с.
15. Максимов И.В. Концепции позитивной административной ответственности в теории и праве // Государство и право. – 2006. – № 8. – С. 29.
16. Крамник А.Н. Административная ответственность // Белор. юрид. энцикл.: в 4 т. – Т. 1. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2007. – С. 24.
17. Телятицкая Т.В. Генезис дефиниции административной ответственности // Проблеми гісторії дзяржавы і права Беларусі: матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., прысв. 90-годдзю з дня нараджэння І.А. Юхо. Мінск, 18–19 сак. 2011 г. – Мінск, 2011. – С. 140–143.
18. Мах И.И. Административное право Республики Беларусь // Курс лекций. – Минск: ГИУСТ БГУ 2006. – 543 с.
19. Административно-деликтное и процессуально-исполнительное право. В 2 ч. – Ч. 2. Процессуально-исполнительное право: учеб. пособие / Л.М. Рябцев и др.; под общ. ред. Л.М. Рябцева и О.И. Чуприс. – Минск: Выш. шк., 2017. – 239 с.
20. Ивакин В.И. Теоретические проблемы формирования и развития эколого-правовой ответственности. – М.: Изд-во Юрид. ин-та МИИТ, 2017. – 290 с.
21. Ивакин В.И. Идея экологической ответственности в работах профессора А.И. Бобылева и развитие данной категории в современной теории и практике юриспруденции // Традиции и перспективы развития науки экологического, природоресурсного и аграрного права: сб. ст. по материалам круглого стола, приуроченного к юбилею кафедры экологического и аграрного права БГУ, Минск, 20 мая 2021 г. / Белор. гос. ун-т; редкол.: Т.И. Макарова (отв. ред.). – Минск: БГУ, 2021. – С. 61–64.
22. Гусев Р.К., Петров В.В. Правовая охрана природы в СССР: учеб. пособие / Отв. ред. В.В. Петров. – М.: Высш. шк., 1979. – 176 с.
23. Разгельдеев Н.Т. Ответственность по советскому природоохранительному праву / под ред. В.Н. Демьяненко. – Саратов: Саратов. ун-т, 1986. – 200 с.
24. Странцов А.А. Правовые последствия вреда, причиненного экологическим правонарушением: учеб. пособие. – Барнаул, 2016. – 203 с.
25. Бринчук М.М. Экологическое право: учеб. – М.: Городец, 2009. – 448 с.
26. Демичев Д.М. Эколого-правовая ответственность: теория и практика // Право и демократия: сб. науч. тр.: спец. вып. / редкол.: В.Н. Бибило (отв. ред.). – Минск, 2006. – С. 127–142.
27. Сапогин А.Н. О понятии и структуре юридической ответственности в области охраны окружающей среды // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2013. – № 1. – С. 187–191.
28. Балащенко С.А., Макарова Т.И., Лизгаро В.Е. Экологическое право: учеб. – 2-е изд., перераб. – Минск: Выш. шк., 2021. – 399 с.
29. Николаев А.В. Юридическая ответственность за нарушение экологического законодательства // Науч. журн. НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. – 2011. – № 1. – С. 156–166.
30. Гогин А.А. О проблемах юридической ответственности за нарушение экологического законодательства // Вестн. Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. – 2015. – № 2. – С. 44–49.

31. Шемшученко Ю.С., Мунтян В.Л., Розовский Б.Г. Юридическая ответственность в области охраны окружающей среды. – Киев: Наукова думка, 1978. – 279 с.
32. Брославский Л.И. Ответственность хозяйствующего субъекта за причинение экологического вреда // «Хозяйство и право». – 2023. – № 5. – С. 69–96. – DOI: <https://doi.org/10.18572/0134-2398-2023-5-69-96>.
33. Мисник Г.А. Теоретические основы возмещения экологического вреда // Правовое регулирование возмещения экологического вреда: науч.-практ. пособие. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 264 с.
34. Зырянов С.М. Срок давности привлечения к административной ответственности – не рудимент! // Административное право и процесс. – 2019. – № 8. – С. 49–51.
35. Слепенкова О.А. К вопросу об экологической ответственности // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. Сер.: Юрид. науки. – 2010. – № 3. – С. 186–188.
36. Саркисов О.Р., Сафонов Э.Е. Эколого-правовая ответственность: понятие, содержание, особенности // Вестн. экономики, права и социологии. – 2015. – № 4. – С. 230–233.
37. Литвинчук Д.Ю. Административная ответственность за экологические правонарушения и эколого-правовая ответственность: вопросы соотношения // Инновационный потенциал развития юридической науки и практики в современном мире: сб. науч. ст. / редкол.: С.Е. Чебуранова (гл. ред.). – Гродно: Гродн. гос. ун-т им. Янки Купалы, 2023. – С. 72–76.
38. Чуприс О.И. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях 2021 года в разрезе отражения элементов административно-деликтной политики // Право.by. – 2021. – № 5(73). – С. 5–12.
39. Боголюбов С.А. Экологическое право: учеб. – М.: Высш. образование, 2008. – 485 с.
40. Боголюбов С.А. Ответственность в сфере охраны окружающей среды и значение возмещения причиненного ей вреда // Юридическая ответственность: современные вызовы и решения: Мат. для VIII Ежегод. науч. чтений памяти проф. С.Н. Братуся / Отв. ред. Н.Г. Доронина. – М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА М, 2016. – 304 с. – С. 197–209.

Поступила 30.09.2025

THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL PROTECTION

A. BAN

(Belarusian State University, Minsk)

The article analyzes the theoretical and legal foundations of administrative responsibility, including the study of the issue of administrative responsibility in the field of environmental protection. The definition of the term administrative sanction in the works of domestic scientists and in the works of Russian colleagues has been studied. There is an insignificant academic base for the development of administrative and tort sanctions in the environmental sphere, primarily due to the presence of theoretical ideas by some authors of the allocation of «ecological» or «ecological-legal» responsibility, which has the character of independent legal responsibility. Based on the scientific ideas of a group of legal scholars and applied implementation, the author's position of the inversion of the «institute of ecological or ecological-legal responsibility» is substantiated. In addition, the definition of the term administrative responsibility in the field of environmental protection is outlined, which is developing in the well-established trend of administrative sanctions.

Keywords: administrative liability, legal liability, environmental protection, environmental liability, environmental offense, definition of the term.

УДК 343.9

DOI 10.52928/2070-1632-2025-73-4-79-84

**УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ
В СФЕРЕ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ****А.В. БЕЛЯКОВА***(Отдел охраны правопорядка и профилактики ОВД
администрации Центрального района г. Гомеля)**e-mail: belyakova.anna12@gmail.com*

В статье исследуются уголовно-правовые механизмы противодействия преступлениям, совершаемым в сфере семейно-бытовых отношений в Республике Беларусь. На основе анализа действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства обосновывается отсутствие единого нормативного определения понятия «уголовно-правовой контроль», а также выявляются особенности квалификации преступлений, связанных с домашним насилием. Определены основные элементы уголовно-правового контроля, включающие уголовно-правовую оценку деяний, процессуальные механизмы реагирования и применение мер уголовной ответственности. Сформулированы предложения, направленные на уточнение понятийного аппарата и совершенствование правоприменительной практики в сфере противодействия преступлениям в семейно-бытовых отношениях. Реализация указанных подходов способствует повышению эффективности уголовно-правовой защиты личности и укреплению законности.

Ключевые слова: *уголовно-правовой контроль, преступления в сфере семейно-бытовых отношений, противодействие преступности, уголовно-правовая квалификация, уголовно-процессуальные механизмы, правоприменительная практика.*

Введение. Семья как базовый социальный институт занимает особое место в системе охраняемых государством общественных отношений. В Республике Беларусь приоритет защиты брака и семьи закреплён на конституционном и отраслевом уровнях. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 3 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье государство в сфере социальной политики признаёт защиту брака и семьи, охрану материнства, отцовства и детства одной из приоритетных задач. Аналогичный подход закреплён в Указе Президента Республики Беларусь от 21 января 1998 г. № 46 «Об утверждении Основных направлений государственной политики Республики Беларусь», в котором укрепление нравственных основ семьи и повышение её социального престижа определены в качестве ключевых целей государственной семейной политики.

Вместе с тем наличие дисфункциональных семей, а также распространённость насильственных форм внутрисемейного взаимодействия свидетельствуют о серьёзных противоречиях между нормативно декларируемыми ориентирами и реальным состоянием общественных отношений. Особую опасность представляют деяния, совершаемые в сфере семейно-бытовых отношений и достигающие уровня общественной опасности, достаточного для признания их преступлениями и применения мер уголовно-правового воздействия. Несмотря на отсутствие единой открытой официальной статистики, доступные данные и материалы средств массовой информации позволяют констатировать устойчивую распространённость насилия в семейно-бытовой сфере. По различным оценкам, ежегодно в Республике Беларусь фиксируется от 80 до 90 тыс. сообщений о фактах домашнего насилия, значительная часть которых связана с семьями, воспитывающими несовершеннолетних¹. Так, в Гомельской области в 2024 г. зарегистрировано 229 преступлений, связанных с домашним насилием, что на 7,5% превышает показатели предыдущего года²; при этом 10 преступлений были совершены в отношении детей³. Согласно данным Фонда ООН в области народонаселения, 48,9% женщин в Беларуси подвергались психологическому насилию, а 28,4% – физическому, причём в большинстве случаев свидетелями таких деяний становятся несовершеннолетние⁴.

Пострадавшими от преступных посягательств в семейно-бытовой сфере являются не только супруги, но и дети, престарелые родственники, а также иные лица, находящиеся в состоянии социальной или фактической зависимости. По состоянию на 1 июля 2024 г. в Республике Беларусь более 23 тыс. детей из 11 тыс. семей находились в социально опасном положении, что свидетельствует о высокой степени уязвимости несовершеннолетних в условиях внутрисемейных конфликтов⁵. Указанные обстоятельства усиливают общественную опасность соответствующих деяний и обуславливают необходимость применения эффективных уголовно-правовых механизмов защиты личности.

¹ URL: <https://socio.bas-net.by/wp-content/uploads/2022/04/Rezultaty-issledovaniya-o-rasprostranennosti-nasiliya-v-otnoshenii-zhenshhin.pdf>.

² URL: <https://belta.by/regions/view/pochti-230-prestuplenij-v-sfere-domashnego-nasilija-zafiksirovany-v-janvare-mae-v-gomelskoj-oblasti-639214-2024/>.

³ URL: <https://belta.by/regions/view/v-gomelskoj-oblasti-v-etom-godu-10-detej-stali-zhertvami-domashnego-nasilija-639217-2024/>.

⁴ См. сноску № 1.

⁵ URL: <https://minsknews.by/bole-23-tys-detej-v-belarusi-nahodyatsya-v-soczialno-opasnom-polozhenii/>.

Актуальность настоящего исследования обусловлена, во-первых, устойчивым характером преступных проявлений в сфере семейно-бытовых отношений, затрагивающих фундаментальные права и свободы личности. Во-вторых, в национальной юридической науке до настоящего времени недостаточно систематизированы подходы к определению содержания и пределов уголовно-правового контроля преступлений, связанных с домашним насилием, что затрудняет формирование целостной модели уголовно-правового противодействия данным деяниям. Нередко в научных исследованиях и правоприменительной практике происходит смешение уголовно-правовых, административно-правовых и профилактических мер, что снижает эффективность правового регулирования.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные юридические методы познания, включая формально-юридический, системный и сравнительно-правовой анализ. В ходе работы использованы нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь, а также труды отечественных и зарубежных исследователей, посвящённые проблемам уголовно-правовой охраны личности и противодействия преступлениям в семейно-бытовой сфере.

Основная часть. В отечественной юридической науке проблематика уголовно-правового контроля как самостоятельного направления государственного воздействия на преступность до настоящего времени разработана фрагментарно. Научные исследования, как правило, затрагивают отдельные аспекты данного феномена применительно к конкретным видам преступности, не формируя целостной концепции уголовно-правового контроля в сфере семейно-бытовых отношений. Одним из первых к анализу уголовно-правового контроля обратился В.А. Андрухов, рассматривавший его в контексте противодействия молодёжной преступности. Учёный исходил из того, что необходимость применения уголовно-правовых мер свидетельствует о снижении эффективности иных форм социального контроля и дефиците механизмов ранней социализации, что обуславливает переход от предупредительных мер к репрессивному воздействию⁶. Несмотря на иную предметную направленность исследования, выводы автора имеют методологическое значение для понимания пределов и функций уголовно-правового контроля как реакции государства на наиболее опасные формы девиантного поведения. Сходный подход прослеживается в диссертационном исследовании А.М. Бжассо, посвящённом социальному контролю преступности несовершеннолетних. Автор подчёркивал, что уголовно-правовой контроль представляет собой крайний, наиболее жёсткий уровень государственного воздействия, эффективность которого во многом зависит от состояния предшествующих форм контроля, основанных на мерах социального и воспитательного характера⁷. Данный вывод позволяет рассматривать уголовно-правовой контроль не изолированно, а как элемент многоуровневой системы противодействия преступности. Отдельные аспекты уголовно-правовой защиты личности в семейно-бытовой сфере затронуты в работе Л.О. Отобаевой, посвящённой защите прав женщин от насилия в семье. Анализируя законодательство Республики Таджикистан, автор пришла к выводу о необходимости совершенствования механизмов мониторинга и оценки правоприменительной практики в сфере уголовно-правового реагирования на насильственные преступления в семье⁸. Несмотря на сравнительно-правовой характер исследования, обозначенные выводы представляют интерес и для национального правопорядка Республики Беларусь.

Следует подчеркнуть, что в белорусской юридической науке проблема уголовно-правового контроля преступлений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, до настоящего времени не получила системного освещения. Это обуславливает научную новизну настоящего исследования, заключающуюся в попытке определить содержание, границы и элементы уголовно-правового контроля применительно именно к преступлениям, связанным с домашним насилием, а не к совокупности правонарушений в широком смысле.

В современной юридической литературе отсутствует универсальное нормативно закреплённое определение понятия «уголовно-правовой контроль». Научные подходы к его пониманию носят дискуссионный характер и, как правило, ограничиваются анализом отдельных функций уголовного права. Так, А.М. Бжассо рассматривал уголовно-правовой контроль как структурный элемент социального контроля, реализуемый через деятельность государственных органов, наделённых карательными и принудительными полномочиями. При этом автор противопоставлял его конвенциональному контролю, основанному на добровольных и профилактических мерах социального воздействия. По мнению Л.Р. Клебанова, сущность уголовно-правового контроля проявляется в применении государством специальных методов воздействия, направленных на охрану наиболее значимых общественных отношений. Учёный выделял общие методы убеждения и принуждения, а также специальные уголовно-правовые средства, включающие превенцию, пресечение преступлений и реализацию уголовной ответственности [1]. Данный подход позволяет рассматривать уголовно-правовой контроль как целенаправленную деятельность государства по реагированию на преступные посягательства. А.К. Бекряшев, анализируя уголовно-правовой контроль в сфере противодействия экономической преступности, определял его как специализированную форму государственной деятельности, направленную на реализацию уголовной политики посредством совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Особое внимание автор уделял

⁶ Андрухов В.А. Структурные уровни контроля воздействия молодёжной преступности в современной России и регионе: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Краснодар, 2009. – 26 с.

⁷ Бжассо А.М. Социальный контроль преступности несовершеннолетних в современной России: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Красноярск, 2001. – 36 с.

⁸ Отобаева Л.О. Охрана личных прав и свобод женщин в семейно-бытовой сфере: уголовно-правовой и криминологический аспекты: по материалам Республики Таджикистан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – 25 с.

принципу баланса интересов, предполагающему соразмерность уголовно-правового вмешательства, эффективность пресечения преступлений и одновременное обеспечение прав и свобод личности [2]. Указанный принцип имеет фундаментальное значение и для уголовно-правового контроля преступлений в семейно-бытовой сфере, где затрагиваются интересы как потерпевших, так и иных участников семейных отношений.

Обобщение приведённых научных подходов позволяет выделить ключевые признаки уголовно-правового контроля:

- превентивную направленность, выражающуюся в предупреждении совершения преступлений посредством угрозы уголовной ответственности;
- баланс публичных и частных интересов, обеспечивающий соразмерность уголовного преследования и защиту прав личности;
- системность, проявляющуюся во взаимосвязи норм уголовного и уголовно-процессуального права;
- динамичность, обусловленную развитием уголовной политики и адаптацией законодательства к изменяющимся социальным условиям.

Исходя из этого, уголовно-правовой контроль преступлений, связанных с домашним насилием, следует рассматривать как совокупность уголовно-правовых и уголовно-процессуальных средств, направленных на выявление, квалификацию, пресечение и расследование преступных деяний, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, а также привлечение виновных к уголовной ответственности. При этом необходимо чётко определить понятийные границы исследования.

В нормативных правовых актах Республики Беларусь отсутствует легальное определение понятия «преступления в сфере семейно-бытовых отношений». Вместе с тем в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» закреплено определение «домашнего насилия», которое охватывает умышленные противоправные либо аморальные действия физического, психологического или сексуального характера между лицами, находящимися в близких семейных или фактических отношениях. Указанная дефиниция имеет значение, прежде всего, для профилактической и административно-правовой деятельности и не подменяет собой уголовно-правовые категории. В рамках настоящего исследования понятие домашнего насилия используется исключительно как социально-правовой контекст, в пределах которого совершаются конкретные преступления, предусмотренные Уголовным кодексом Республики Беларусь, и в отношении которых реализуются меры уголовно-правового контроля. Несмотря на формальную определённую легальной дефиниции «домашнего насилия», закреплённой в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», указанное понятие носит преимущественно профилактико-административный характер и не предназначено для целей уголовно-правовой квалификации. Законодатель использует данную дефиницию для регламентации мер предупреждения и межведомственного взаимодействия, а не для установления оснований уголовной ответственности. В этой связи следует подчеркнуть, что попытки расширительного толкования понятия «домашнее насилие» путём включения в него экономического, эмоционального либо контролирующего поведения выходят за рамки действующего уголовного законодательства Республики Беларусь. Подобные формы негативного воздействия могут иметь значение лишь постольку, поскольку они образуют способы совершения конкретных преступлений либо учитываются при оценке обстоятельств дела, но не выступают самостоятельными уголовно-правовыми категориями.

В рамках настоящего исследования понятие домашнего насилия используется исключительно как социально-правовой контекст, в пределах которого совершаются преступления, предусмотренные Уголовным кодексом Республики Беларусь. Уголовно-правовой контроль в данной сфере реализуется не через обобщённое понятие насилия, а посредством квалификации конкретных преступных деяний против жизни, здоровья, половой свободы, чести и достоинства личности. При этом профилактическая деятельность, направленная на предупреждение насильственных форм поведения в семье, не относится к числу уголовно-правовых механизмов в строгом смысле слова, однако имеет существенное значение для формирования условий, препятствующих эскалации конфликта до уровня преступления.

Профилактика образует смежный, предкриминальный уровень государственного воздействия и способствует снижению криминогенных рисков в семейно-бытовой сфере. Базовым нормативным актом, регулирующим профилактику домашнего насилия, является Закон Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений». В ст. 17 данного закона определены субъекты профилактической деятельности и механизмы их взаимодействия. В систему профилактики вовлечены органы внутренних дел, исполнительные и распорядительные органы, органы социальной защиты, учреждения образования и здравоохранения, а также иные уполномоченные субъекты. Особое значение в рамках профилактической политики государства придаётся защите прав несовершеннолетних. Соответствующие меры закреплены в Законе Республики Беларусь от 31 мая 2003 г. № 200-З «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Указанный нормативный акт регулирует порядок выявления детей, находящихся в социально опасном положении, а также меры их социально-психологической и педагогической реабилитации. Закреплённая в законе роль учреждений образования обуславливает необходимость подготовки педагогов и школьных психологов к выявлению признаков жестокого обращения и своевременной передаче информации в компетентные органы.

Следующим смежным элементом системы государственного реагирования выступают процедуры фиксации и учёта сообщений о фактах домашнего насилия, регламентированные Алгоритмом взаимодействия по обмену, учёту и использованию информации о фактах домашнего насилия, утверждённым Министерствами

внутренних дел, здравоохранения, образования, труда и социальной защиты Республики Беларусь. Указанный Алгоритм определяет порядок регистрации сообщений, межведомственный обмен информацией и её последующее использование в профилактических и правоприменительных целях. Действующая система учёта направлена на обеспечение оперативности реагирования и защиту пострадавших лиц, однако сама по себе не образует уголовно-правовой контроль, поскольку применяется до возбуждения уголовного дела и не связана с реализацией уголовной ответственности. Вместе с тем анализ практики её применения выявляет ряд проблем, включая недостаточную информированность пострадавших о доступных механизмах защиты, необходимость регулярного обновления алгоритмов взаимодействия и отсутствие единой аналитической базы данных, позволяющей выявлять устойчивые криминогенные тенденции.

К числу досудебных мер защиты относится и институт защитного предписания, предусмотренный ст. 31 Закона Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений». Защитное предписание представляет собой временное ограничение определённых действий лица, допустившего насильственное поведение, и направлено на обеспечение безопасности пострадавшего. Установленные запреты могут включать ограничение контактов, временное выселение либо иные меры, не связанные с уголовным наказанием. Следует подчеркнуть, что защитное предписание не является мерой уголовно-правового характера и применяется независимо от возбуждения уголовного дела. Его значение заключается в предотвращении повторных насильственных действий и создании условий для последующего правового реагирования в случае выявления признаков преступления. Применение защитного предписания осуществляется органами внутренних дел в порядке, установленном Законом Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений». Инициатива вынесения защитного предписания может исходить как от пострадавшего лица, так и от уполномоченных государственных органов в случаях, когда пострадавший по объективным причинам не способен самостоятельно реализовать свои права и законные интересы. Защитное предписание вступает в силу немедленно после его вынесения, а его содержание подлежит обязательному разъяснению лицу, в отношении которого оно применяется. Установленные ограничения действуют в течение 15 календарных дней с возможностью продления в установленном законом порядке. Контроль за исполнением защитного предписания возлагается на органы внутренних дел, а его действие прекращается по истечении срока либо при завершении производства, послужившего основанием для его вынесения.

Таким образом, наряду с межведомственными алгоритмами взаимодействия институт защитного предписания выступает важной мерой досудебной защиты пострадавших от насильственного поведения в семейно-бытовой сфере. Вместе с тем данная мера не относится к уголовно-правовым средствам воздействия и применяется на докриминальной стадии, выполняя функцию временной изоляции сторон конфликта и предупреждения возможной эскалации насилия до уровня преступления.

В зависимости от характера и степени общественной опасности совершённого деяния, следующим этапом государственного реагирования становится реализация уголовного судопроизводства. Уголовно-правовой контроль в строгом смысле слова начинается с момента выявления признаков преступления и осуществляется посредством возбуждения уголовного дела, уголовно-правовой квалификации деяния и рассмотрения дела судом в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь. Судебное разбирательство по уголовным делам, возникающим в сфере семейно-бытовых отношений, осуществляется в общем процессуальном порядке с соблюдением принципов законности, состязательности и обеспечения прав участников процесса. Анализ действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь позволяет выявить ряд проблемных аспектов, затрудняющих эффективную реализацию уголовно-правового контроля преступлений, совершаемых в семейно-бытовой сфере.

Во-первых, отсутствие в уголовном законодательстве специального понятия «преступления в сфере семейно-бытовых отношений» обуславливает необходимость квалификации таких деяний по общим составам преступлений против личности. Данный подход в целом соответствует принципам уголовного права и не требует введения самостоятельной категории преступлений, однако на практике осложняет систематизацию правоприменительной деятельности и статистического учёта.

Во-вторых, отдельные формы противоправного поведения, выражающиеся в систематическом психологическом давлении, угрозах, ограничении свободы поведения потерпевшего, не всегда образуют самостоятельный состав преступления и подлежат уголовно-правовой оценке лишь в совокупности с иными обстоятельствами дела. Это требует от правоприменителя повышенного внимания к установлению фактических признаков деяния и недопущения расширительного толкования уголовного закона, противоречащего принципу законности. В этой связи представляется более обоснованным не механическое расширение уголовно-правовых запретов, а развитие единообразных подходов к квалификации преступлений, совершаемых в семейно-бытовой сфере, включая разъяснение признаков насилия, угроз, принуждения и зависимости в рамках уже существующих составов преступлений Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Особое значение для реализации уголовно-правового контроля имеет корректное применение норм уголовно-процессуального законодательства. Так, ч. 5 ст. 26 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, закрепляющая понятие «иная зависимость потерпевшего от обвиняемого», требует более чёткого толкования в правоприменительной практике. Отсутствие ясных критериев указанной зависимости может затруднять оценку доказательств и принятие процессуальных решений, что особенно актуально для уголовных дел, возникающих из внутрисемейных конфликтов.

Таким образом, совершенствование уголовно-правового контроля преступлений, связанных с домашним насилием, следует связывать не с расширением уголовной репрессии, а с повышением качества правоприменения, обеспечением точности уголовно-правовой квалификации и развитием процессуальных гарантий защиты прав личности:

– *Интеграция принципов добровольности и инклюзивности.* Необходимо обеспечить участие сторон в процедурах примирения на основе принципа добровольности. Участники должны обладать правом самостоятельно принимать решение об участии в восстановительном диалоге с учётом собственных интересов и психологической готовности. Для этого требуется создание безопасной и нейтральной среды, в которой пострадавшие и правонарушители могут выражать свои позиции, оценки и ожидания без риска дополнительной виктимизации. Целесообразным является развитие информационных и просветительских программ, разъясняющих права участников, цели и правовые последствия применения восстановительных процедур.

– *Повышение уровня профессиональной подготовки медиаторов (фасилитаторов).* Лица, осуществляющие проведение восстановительных программ, должны обладать не только юридическими и коммуникативными компетенциями, но и базовыми навыками психологической и эмоциональной чувствительности, необходимыми для работы с конфликтными ситуациями в семейно-бытовой сфере. Это позволяет учитывать индивидуальные особенности участников, минимизировать коммуникативные барьеры и обеспечивать равноправный характер взаимодействия. Подготовка медиаторов может осуществляться в рамках специализированных образовательных и сертификационных программ с участием уполномоченных государственных органов и организаций, реализующих деятельность в сфере защиты прав человека.

– *Расширение общественного информирования о восстановительном правосудии.* Представляется необходимым повышение уровня осведомлённости о восстановительных механизмах не только среди специалистов и представителей правоохранительных органов, но и среди населения в целом. Формирование понимания сущности восстановительного подхода как дополнительного правового инструмента, направленного на разрешение конфликтов и компенсацию причинённого вреда может способствовать более взвешенному отношению к альтернативным формам реагирования на преступления небольшой и средней тяжести. Целесообразно проведение информационных мероприятий, тематических семинаров и обучающих программ, посвящённых вопросам медиации и примирительных процедур в семейно-бытовых конфликтах.

– *Развитие системы поддержки и подотчётности участников восстановительных процедур.* Для обеспечения эффективности восстановительных механизмов необходимо формирование процедур мониторинга исполнения достигнутых соглашений, а также организация психологической и социальной поддержки участников. Особое значение имеет сопровождение потерпевших в процессе восстановления, включая возможность получения консультационной помощи специалистов. В отношении правонарушителей целесообразно использование программ ресоциализации и коррекционного воздействия, направленных на формирование навыков ненасильственного поведения и снижение риска повторных противоправных действий.

– *Создание безопасных пространств для диалога.* Эффективность восстановительных процедур во многом обусловлена обеспечением условий приватности, конфиденциальности и нейтральности места проведения примирительных встреч. Такие условия способствуют снижению эмоционального напряжения и формированию атмосферы, необходимой для конструктивного диалога сторон. Проведение встреч в нейтральных пространствах при участии квалифицированного медиатора создаёт предпосылки для достижения взаимоприемлемых решений и восстановления нарушенных социальных связей.

Таким образом, развитие восстановительных элементов уголовного судопроизводства в Республике Беларусь требует комплексного подхода, предусматривающего совершенствование нормативной базы, повышение уровня профессиональной подготовки специалистов, формирование устойчивых представлений о правовой природе восстановительных процедур, а также создание институциональных условий, обеспечивающих безопасное и добровольное участие сторон. Реализация указанных мер позволит усилить гуманистическую направленность уголовно-правовой системы, повысить эффективность защиты прав потерпевших и создать дополнительные предпосылки для ресоциализации лиц, совершивших преступления.

Заключение. Проведённое исследование уголовно-правового контроля преступлений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений в Республике Беларусь, позволило установить, что действующая правовая система в целом содержит необходимые нормативные предпосылки для защиты личности, однако нуждается в дальнейшем совершенствовании как в нормативном, так и в организационно-практическом аспектах. Несмотря на наличие законодательных основ профилактики правонарушений и мер защиты пострадавших, в правоприменительной практике сохраняются отдельные проблемы, затрудняющие своевременное выявление и эффективное реагирование на преступные проявления в семейно-бытовой сфере.

Установлено, что современное законодательство Республики Беларусь не содержит универсального нормативного определения понятия «уголовно-правовой контроль», а также систематизированного подхода к отражению особенностей преступлений, совершаемых в условиях внутрисемейных отношений. Это обуславливает необходимость дальнейшего теоретического осмысления содержания уголовно-правового контроля и выработки единообразных подходов к квалификации соответствующих деяний в рамках уже существующих составов преступлений, без расширительного толкования уголовного закона.

Особое значение имеет корректное понимание и применение норм, направленных на охрану половой свободы и неприкосновенности личности. Действующее уголовное законодательство Республики Беларусь предусматривает уголовную ответственность за насильственные действия сексуального характера независимо от характера отношений между потерпевшим и виновным. Вместе с тем правоприменение данных норм в семейно-бытовой сфере осложняется высокой латентностью таких преступлений и доказательственными трудностями, что требует повышения качества процессуальной деятельности и соблюдения баланса прав всех участников уголовного процесса.

Важным направлением повышения эффективности уголовно-правового контроля является укрепление превентивного компонента государственного реагирования. Профилактическая деятельность должна основываться на межведомственном взаимодействии органов внутренних дел, прокуратуры, учреждений образования, здравоохранения и социальной защиты, а также иных субъектов, вовлечённых в систему предупреждения правонарушений. Существенную роль при этом играют информационно-просветительские меры, направленные на повышение правовой грамотности населения и формирование ответственного отношения к семейным обязанностям.

Необходимым условием повышения эффективности защиты пострадавших является дальнейшее совершенствование механизмов учёта и реагирования на сообщения о насильственных действиях в семейно-бытовой сфере. Своевременная фиксация информации, межведомственный обмен данными и надлежащий контроль исполнения досудебных мер защиты способствуют снижению риска повторной виктимизации и обеспечению оперативности правового реагирования.

Перспективным направлением развития уголовно-правового контроля является аккуратное использование восстановительных элементов уголовного судопроизводства в пределах, допускаемых действующим законодательством. Применение примирительных процедур и коррекционных программ не подменяет уголовную ответственность, но может дополнять её в целях компенсации причинённого вреда и снижения вероятности повторных правонарушений. Включение таких элементов в правоприменительную практику способствует укреплению доверия к правосудию и формированию культуры ответственности и уважения к личности.

Таким образом, последовательное совершенствование правоприменительной практики, развитие профилактических и восстановительных механизмов, а также повышение координации деятельности государственных органов в сфере противодействия преступлениям в семейно-бытовых отношениях позволяют сформировать более целостную и сбалансированную модель уголовно-правового контроля. Реализация данных подходов будет способствовать укреплению правопорядка, защите конституционных прав граждан и повышению социальной устойчивости общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клебанов Л.Р. Уголовно-правовой контроль за сохранностью памятников истории и культуры // Законность. – 2011. – № 7(921). – С. 23–28.
2. Бекряшев А.К. Уголовно-правовой контроль над экономической преступностью в России [Электронный ресурс]. – URL: http://old.nasledie.ru/fin/6_8/kniga1/article.php?art=71 (дата обращения: 10.12.2024).

Поступила 24.10.2025

CRIMINAL-LAW CONTROL IN THE FIELD OF FAMILY AND DOMESTIC OFFENSES

A. BELYAKOVA

*(The Law Enforcement and Prevention Department of the Internal Affairs
Department of the Central District Administration of Gomel)*

The article examines criminal law mechanisms for counteracting crimes committed in the sphere of family and domestic relations in the Republic of Belarus. Based on an analysis of current criminal and criminal procedural legislation, the absence of a unified statutory definition of the concept of "criminal law control" is substantiated, and specific features of the qualification of crimes related to domestic violence are identified. The main elements of criminal law control are defined, including the criminal law assessment of acts, procedural response mechanisms, and the application of criminal liability measures. Proposals aimed at clarifying the conceptual framework and improving law enforcement practice in counteracting crimes in the family and domestic sphere are formulated. The implementation of these approaches contributes to enhancing the effectiveness of criminal law protection of the individual and strengthening the rule of law.

Keywords: criminal law control, crimes in the sphere of family and domestic relations, crime prevention, criminal law qualification, criminal procedural mechanisms, law enforcement practice.

УДК 342

DOI 10.52928/2070-1632-2025-73-4-85-90

**НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПОСТУПЛЕНИИ
НА СЛУЖБУ И ЕЕ ПРОХОЖДЕНИИ В ОРГАНАХ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ****А.П. ГАСАНОВ***(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск)*

В статье анализируются пробелы и противотечения в законодательстве Республики Беларусь, регулирующем службу в органах прокуратуры Республики Беларусь. Обосновывается необходимость выделения прокурорской службы в отдельный вид государственной службы, отличный от иных. Автор предлагает конкретные направления совершенствования законодательства, включая реформу системы государственных должностей и унификацию понятийного аппарата, которые направлены на повышение эффективности службы в органах прокуратуры Республики Беларусь.

Ключевые слова: *служба в органах прокуратуры, прохождение службы в органах прокуратуры, государственные должности в органах прокуратуры, профессиональное развитие прокуроров.*

Введение. В белорусской юридической науке сохраняется существенный пробел, связанный с отсутствием фундаментальных исследований правовых основ службы в органах прокуратуры. Несмотря на особую роль прокуратуры в обеспечении верховенства закона и защите интересов государства и общества, механизмы правового регулирования прокурорской службы не подвергались системному научному анализу. Существует явный дисбаланс между практической значимостью деятельности прокуроров и уровнем её теоретического осмысления. Восполнение этого пробела путем проведения комплексного исследования позволит не только развить теоретическую базу, но и сформулировать практические предложения по совершенствованию законодательства, от которого напрямую зависит эффективность работы органов прокуратуры.

Непосредственно порядок поступления на службу и её прохождения в органах прокуратуры регламентированы в Законе Республики Беларусь от 08.05.2007 № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь»¹ (далее – Закон о прокуратуре) и в Положении о прохождении службы в органах прокуратуры Республики Беларусь, утвержденном Указом Президента Республики Беларусь от 27.03.2008 № 181² (далее – Положение о прохождении службы в органах прокуратуры). Однако анализ указанных законодательных актов показал их недостаточную систематизированность и наличие устаревших норм, не соответствующих современным вызовам. Представляется, что современное правовое регулирование прокурорской службы в Республике Беларусь должно строиться на научно-обоснованных подходах, что и предполагает актуальность настоящего исследования.

Основная часть. Одной из новелл Закона Республики Беларусь от 1 июня 2022 г. № 175-З «О государственной службе» (далее – Закон о государственной службе) стало закрепление единой системы государственной службы, опирающейся на «единство и целостность государственной власти» [1, с. 17], которая была разделена на 3 самостоятельных вида: государственная гражданская служба, военная служба и служба в военизированных организациях. В этом контексте следует согласиться с С.П. Матвеевым в том, что: «одним из факторов, определяющих видовой характер государственной службы, является наличие сложившейся нормативной базы, регулирующей соответствующий круг правоотношений в сфере управленческой деятельности государственных органов» [2, с. 135]. Следовательно, каждый вид государственной службы должен иметь собственную нормативную правовую базу. Служба в органах прокуратуры отнесена к государственной гражданской службе, под которой в литературе понимается «осуществление служебной деятельности, направленной на обеспечение полномочий органов, выполняющих позитивную государственно-управленческую деятельность для разрешения экономических и социальных задач, а также на реализацию действий и принятие решений обеспечительного характера» [3, с. 43]. Иначе говоря, такая служба предусмотрена для органов исполнительной власти.

Представляется, что служба в органах прокуратуры не может причисляться к государственной гражданской службе, как это определено Законом о государственной службе, поскольку:

во-первых, прокуратура Республики Беларусь реализует особые государственные задачи по обеспечению верховенства права, законности и правопорядка, защите личных, общественных и государственных интересов, значительно отличающиеся от задач, поставленных перед государственной гражданской службой;

во-вторых, данный вид службы присущ органам исполнительной власти, а прокуратура Республики Беларусь имеет уникальный конституционный статус, выполняя функцию надзора за исполнением законов практически во всех сферах общественных отношений, не имея принадлежности ни к одной ветви государственной власти;

в-третьих, административно-правовой статус прокуроров включает элементы, указывающие на его своеобразие и особое положение в системе государственной службы, – это, прежде всего, специфика процедуры поступления, прохождения, продвижения и прекращения службы в органах прокуратуры, а также исключительность делегированных прокурорам полномочий [4, с. 147].

¹ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10700220>.

² URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=p30800181>.

Изложенные обстоятельства свидетельствуют о необходимости расширения системы государственной службы за счет включения в неё иных видов государственной службы, к которым будет относиться и служба в органах прокуратуры. Это позволяет определить службу в органах прокуратуры как вид государственной службы, заключающийся в выполнении прокурорами задач по обеспечению верховенства права, законности и правопорядка, защите прав и законных интересов граждан, организаций, общества и государства путем осуществления надзора за точным единообразным исполнением нормативных правовых актов и выполнения иных функций. В связи с этим считаем целесообразным п. 1 ст. 47 Закона о прокуратуре изложить в новой редакции.

Основополагающим элементом построения не только системы государственной службы, но и всей государственной власти является государственная должность. Именно через дефиницию «государственная должность» определяется понятие «государственная служба» [5, с. 23]. Закон о прокуратуре указывает на две категории государственных должностей в органах прокуратуры: 1) прокурорский работник (прокурор), охватывающий имеющих классные чины прокуроров и стажеров; 2) работник прокуратуры, включающий государственных гражданских служащих.

Нам видится нецелесообразным использование сразу двух терминов, обозначающих одно и то же понятие: «прокурорский работник» и «прокурор». Использование термина «прокурорский работник» при обозначении государственных должностей в органах прокуратуры Республики Беларусь исходит из советского понимания правовой доктрины [6, с. 100], рассматривавшей государственную службу как вид трудовой деятельности, что в настоящее время не является пригодным. Использование данного термина, характерного для трудового права, не в полной мере отражает особый статус прокурорской службы, которая нами определяется как самостоятельный вид государственной службы. Современная трактовка государственной службы как публично-правового института свидетельствует о необходимости исключения из неё частноправовых элементов. Существующее определение анализируемого понятия в настоящее время раскрывается через перечисление должностей, что представляется неэффективным, так как введение новых потребует изменения Закона о прокуратуре (например, это произошло в 2024 г. путем введения новой должности – помощника по особым поручениям³). Сказанное приводит к необходимости закрепления унифицированного понятия «прокурор», который будет основываться на критериальных признаках такой должности: наличие классного чина и выполнение функций органов прокуратуры.

До декабря 2023 г. Закон о прокуратуре выделял должность «стажер прокуратуры», относя его к прокурорским работникам. Хотя сама эта должность была упразднена, обязанность прохождения стажировки для лиц, впервые поступающих на службу, сохранилась. При этом таким лицам фактически присваивается статус прокурора, что представляется недопустимым. Основной целью стажировки является «изучение и оценка профессиональных, деловых и моральных качеств прокурорского работника, проходящего стажировку, а также подтверждение им своих профессиональных знаний, умений и навыков»⁴. На стажера возлагается обязанность изучить специфику службы и приобрести практические умения, необходимые для будущего выполнения прокурорских обязанностей. Таким образом, стажировка представляет собой временный период трудоустройства, направленный на приобретение опыта и адаптацию, в ходе которого решается вопрос о профессиональной пригодности стажера и его возможности в дальнейшем занимать должности в органах прокуратуры. Полагая, что наделение полномочиями прокурора лиц, не обладающих практическим опытом работы в органах прокуратуры, нельзя признать оптимальным, даже при условии их высокой теоретической подготовки. Как справедливо отмечает Т.А. Савчук, «указанным нововведением занижается статус прокурорской службы и миссии, возлагаемой государством на органы прокуратуры» [7, с. 187].

Изложенное позволяет сделать вывод, что исключение должности стажера является необоснованным, поэтому видится целесообразным в ст. 3 Закона о прокуратуре закрепить понятие «стажер прокуратуры», под которым следует понимать лицо, проходящее стажировку в органах прокуратуры. Кроме того, неприемлемым представляется рассматривать стажеров прокуратуры и прокуроров в едином терминологическом ключе, поскольку данные лица обладают разным правовым статусом, исходя из задач, стоящих перед ними.

В 2007 г. Закон о прокуратуре впервые ввел должность «работник прокуратуры». Согласно действующей редакции ст. 3 указанного Закона, к этой категории относятся лица, состоящие в трудовых отношениях с органом прокуратуры и не являющиеся прокурорскими работниками. Подобное определение через отрицание представляется некорректным. Кроме того, данная категория объединяет разнородные группы – как государственных гражданских служащих, так и персонал, осуществляющий техническое обеспечение деятельности органов прокуратуры. По мнению А.А. Данилевича, на таких лиц в полном объеме распространяются нормы законодательства о труде [8, с. 13], что не вполне верно, ведь вопросы прохождения службы государственными гражданскими служащими прокуратуры регулируются главным образом Законом о государственной службе 2022 г., а лицами, осуществляющими техническое обеспечение деятельности органов прокуратуры, – Трудовым кодексом Республики Беларусь⁵. Более того, в ст. 68 Закона о прокуратуре говорится о равномерности служебных и трудовых правовых норм, что в случае с работниками прокуратуры, замещающими государственные должности, по нашему мнению, является недопустимым, на что справедливо указывает и О.И. Чуприс [5, с. 35–36]. Ошибочным

³ URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12400336>.

⁴ Положение о прохождении стажировки в органах прокуратуры : утв. приказом Генерального прокурора Респ. Беларусь от 4 февр. 2021 г. № 11 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 01.10.2025).

⁵ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900296>.

является и указание на регулирование трудовых отношений работников прокуратуры Положением о прохождении службы в органах прокуратуры, поскольку последнее относится только к прокурорам. Поэтому оправданным представляется разделение рассматриваемого понятия на две самостоятельные категории. Термин «работник прокуратуры» в ст. 3 Закона о прокуратуре должен определяться как «лицо, состоящее в трудовых отношениях с органом прокуратуры, осуществляющее обеспечение деятельности и (или) техническое обслуживание органа прокуратуры». Кроме того, ст. 3 Закона о прокуратуре следует дополнить новым понятием «служащий прокуратуры», указав, что это лица, проходящие государственную гражданскую службу в органах прокуратуры. К данной категории будут относиться и работники ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» (далее – НПЦ Генеральной прокуратуры). В этом контексте в ст. 68 Закона о прокуратуре необходимо указать, что порядок прохождения службы служащими прокуратуры регулируются законодательством о государственной гражданской службе, а трудовые отношения работников прокуратуры – законодательством о труде. Такой подход обеспечит четкое разграничение в правовом регулировании, предотвратив смешение норм трудового и служебного права.

Как ранее нами уже указывалось, профессиональное развитие прокуроров представляет собой «комплексную и систематическую деятельность, направленную на совершенствование деловых и личностных компетенций, необходимых для эффективного осуществления прокурорского надзора и иных направлений деятельности, для обеспечения верховенства права, законности и правопорядка, защиты прав и законных интересов граждан и организаций, а также общественных и государственных интересов» [9, с. 87]. Это является обязанностью как самих прокуроров, так и государства, которое создает необходимые условия для их профессионального роста.

Анализ положения ст. 57 Закона о прокуратуре и приказа Генерального прокурора Республики Беларусь от 11 июля 2017 г. № 29 «Об основных направлениях работы с кадрами в органах прокуратуры Республики Беларусь»⁶ позволил выделить следующие элементы профессионального развития прокуроров: 1) повышение квалификации в учреждении образования «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета», Академии управления при Президенте Республики Беларусь и в иных учреждениях образования, в том числе зарубежных; 2) переподготовка в Академии управления при Президенте Республики Беларусь и иных учреждениях образования; 3) получение второго высшего образования, обучение в магистратуре, аспирантуре и докторантуре; 4) стажировка; 5) самообразование прокуроров; 6) профессиональное обучение, включающее в себя производственную практику и наставничество, которые направлены на развитие профессиональных компетенций прокуроров через передачу практического опыта и непосредственного взаимодействия с более опытными коллегами, осуществляемого на базе органа прокуратуры. В этом контексте полагаем целесообразным название ст. 57 Закона о прокуратуре изложить как «Профессиональное развитие прокуроров», поскольку действующее название («Повышение квалификации и переподготовка прокурорских работников») сужает понимание профессионального роста прокуроров, акцентируя внимание только на двух элементах. Необходимо также дополнить п. 1 данной статьи указанием о возможности получения прокурорами углубленного высшего образования, научно-ориентированного образования и возможности профессионального обучения, исключив упоминание о специальном образовании, так как оно направлено на лиц с особенностями психофизического развития.

В настоящее время основания дисциплинарной ответственности прокуроров предусмотрены в ст. 55 Закона о прокуратуре в п. 59 Положения о прохождении службы в органах прокуратуры и включают в себя: «1) нарушение служебной дисциплины, выразившееся в неисполнении или ненадлежащем исполнении по вине прокурорского работника возложенных на него служебных обязанностей (дисциплинарный проступок); 2) превышение должностных полномочий; 3) несоблюдение ограничений, связанных со службой в органах прокуратуры; 4) совершение действий, дискредитирующих звание прокурорского работника и несовместимых со службой в органах прокуратуры; 5) совершение правонарушения, создающего условия для коррупции, или коррупционного правонарушения».

В литературе, в свою очередь, в качестве основания дисциплинарной ответственности государственных служащих, и, в частности, прокуроров называется совершение ими дисциплинарного проступка [10, с. 16; 11, с. 96]. Имеются различные точки зрения по вопросу содержания дисциплинарного проступка государственных служащих: одни авторы связывают его исключительно с нарушением служебных обязанностей, другие расширяют до несоблюдения любых законодательно установленных требований. Ю.В. Носова связывает основание применения мер дисциплинарной ответственности с нарушением государственным служащим должностных обязанностей [12, с. 444], М.В. Добробаба утверждает, что государственный служащий обязан не только добросовестно исполнять свои должностные обязанности, но и выполнять иные государственно-служебные требования, предусмотренные в актах законодательства [13, с. 25]. О.Н. Княгинина утверждает, что совершить дисциплинарный проступок можно как на государственной службе, так и вне её [14, с. 54]. Таким образом, дисциплинарный проступок государственных служащих представляет собой широкое понятие. Как справедливо в этом контексте отмечает Н.Ю. Агафонова, «безответственность, непорядочность служащего, несоблюдение им правил должностного поведения может дискредитировать любые попытки власти повысить свой авторитет» [15, с. 93]. Действительно, дисциплинарный проступок государственного служащего подрывает доверие к власти и дискредитирует

⁶ Об основных направлениях работы с кадрами в органах прокуратуры Республики Беларусь : приказ Генерал. прокурора Респ. Беларусь от 11 июля 2017 г. № 29 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 01.10.2025).

государственную власть в глазах общества. Представляется, что совершение дисциплинарного проступка прокурорами наносит вред не только внутреннему служебному порядку в органах прокуратуры, но и подрывает общественное доверие к системе органов прокуратуры в целом. Непосредственно под дисциплинарным проступком прокурора предлагаем понимать противоправное, виновное нарушение служебной дисциплины, выражающееся в неисполнении или ненадлежащем исполнении служебных обязанностей, дискредитирующее органы прокуратуры. Представленное определение необходимо закрепить в ст. 55 Закона о прокуратуре и п. 59 Положения о прохождении службы в органах прокуратуры.

Кроме дисциплинарного проступка законодательством предусмотрены и иные самостоятельные основания наступления дисциплинарной ответственности. Однако в этом контексте противоречивым является п. 60 Положения о прохождении службы, который приравнивает все указанные деяния к дисциплинарным проступкам. Данный подход основан на Законе о государственной службе. Между тем, до принятия в 2023 г. Указа Президента Республики Беларусь от 29 августа 2023 г. № 271 в качестве основания привлечения прокуроров к дисциплинарной ответственности был установлен только дисциплинарный проступок, который объединял в себе перечисленные деяния⁷.

На наш взгляд, искусственное выделение иных противоправных деяний (превышение должностных полномочий, коррупционные правонарушения либо правонарушения, создающие условия для коррупции, действия, дискредитирующие звание прокурора) нарушает принцип системности правового регулирования и создает неоправданное дублирование норм. В этом контексте целесообразно внесение соответствующих изменений в п. 59 Положения о прохождении службы в органах прокуратуры, закрепляющих понятие дисциплинарного проступка и рассмотрение его как единственного основания дисциплинарной ответственности прокуроров.

Прохождение службы в органах прокуратуры представляет собой «совокупность государственно-служебных отношений по осуществлению прокурором профессиональной служебной деятельности» [16, с. 28]. Данный процесс начинается с момента назначения на должность, включающее в себя издание соответствующего приказа, присвоение классного чина «юрист 3-его класса», принесение присяги, и прекращается при наличии законодательно установленных оснований. Вместе с тем правоотношения, складывающиеся при поступлении на службу, являются самостоятельным видом административных правоотношений, не относящимся к прохождению службы. Поэтому Положение о прохождении службы в органах прокуратуры следует переименовать в Положение о поступлении и прохождении службы в органах прокуратуры, а гл. 2 данного Положения в «Поступление на службу в органы прокуратуры», а также выделить гл. 2–1 «Назначение на должность прокурора».

Заключение. Служба в органах прокуратуры не может причисляться к государственной гражданской службе (как это определено Законом о государственной службе 2022 г.), исходя из уникального конституционно-правового статуса прокуратуры, её функционального назначения и специфики поступления и прохождения службы. Указанные обстоятельства предопределяют расширение системы государственной службы, определенной ст. 2 Закона о государственной службе и предусматривающей, наряду с государственной гражданской службой, военную службу и службу в военизированных организациях, путем включения в нее иных видов государственной службы, к которым будет относиться и служба в органах прокуратуры. Этот подход позволяет определить службу в органах прокуратуры как вид государственной службы, заключающийся в выполнении прокурорами задач по обеспечению верховенства права, законности и правопорядка, защите прав и законных интересов граждан, организаций, общества и государства путем осуществления надзора за точным единообразным исполнением нормативных правовых актов и выполнения иных функций. Соответственно п. 1 ст. 47 Закона о прокуратуре следует изложить в новой редакции, закрепив это определение.

Аргументировано, что система государственных должностей в органах прокуратуры, включающая в себя должности прокурорских работников (прокуроров) и работников прокуратуры, не учитывает специфику служебно-правовых отношений в органах прокуратуры, поэтому видится целесообразным в ст. 3 Закона о прокуратуре:

1) отказаться от понятия «прокурорский работник», оставив термин «прокурор», изложив его в следующей редакции: *«прокурор – должностное лицо, осуществляющее в пределах своей компетенции надзор за точным и единообразным исполнением нормативных правовых актов и выполняющее иные функции, установленные законодательными актами, которому в предусмотренном законом порядке присвоен классный чин»*. Данное определение подчеркивает особый статус должности «прокурор», соответствует её правильному пониманию в контексте служебно-правовых отношений в органах прокуратуры;

2) уточнить термин «работник прокуратуры», под которым предлагаем понимать *«лицо, состоящее в трудовых отношениях с органом прокуратуры, осуществляющее обеспечение деятельности и (или) техническое обслуживание органа прокуратуры»*, чем проводится отграничение названной категории лиц как самостоятельной группы должностей в органах прокуратуры и устраняется некорректная их трактовка как «лиц, не являющихся прокурорскими работниками»;

3) предусмотреть новую дефиницию «служащий прокуратуры», определив, что это *«лицо, проходящее государственную гражданскую службу в органах прокуратуры Республики Беларусь»*, что позволяет выделить в обособленную группу государственных должностей работников НПЦ Генеральной прокуратуры, осуществляющих научное сопровождение деятельности органов прокуратуры, а также сотрудников структурных подразделе-

⁷ URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P32300271>.

лений, не осуществляющих функции органов прокуратуры и являющихся государственными гражданскими служащими. В этом контексте в ст. 68 Закона о прокуратуре необходимо указать, что порядок прохождения службы служащими прокуратуры регулируются законодательством о государственной гражданской службе, а трудовые отношения работников прокуратуры – законодательством о труде;

4) закрепить термин «стажер прокуратуры», указав, что им является лицо, «проходящее стажировку в органах прокуратуры Республики Беларусь». Введение такого термина обусловлено необходимостью разграничения двух разных понятий – «прокурор» и «стажер прокуратуры», которые по действующему Закону о прокуратуре являются идентичными, что недопустимо в виду различных правовых статусов названных лиц и объема их полномочий.

Искусственное выделение в качестве самостоятельных оснований дисциплинарной ответственности различных деяний нарушает принцип системности правового регулирования и создает неоправданное дублирование норм, поэтому единственным основанием наступления дисциплинарной ответственности прокуроров является дисциплинарный проступок, который предлагается определить как противоправное, виновное нарушение служебной дисциплины, выражающееся в неисполнении или ненадлежащем исполнении служебных обязанностей, дискредитирующее органы прокуратуры, что следует отразить в п. 59 Положения о прохождении службы в органах прокуратуры, а также в ст. 55 Закона о прокуратуре. Представленная дефиниция выходит за рамки традиционного понимания дисциплинарного проступка как нарушения служебных обязанностей, подчеркивая его публично-правовую природу.

Представляется обоснованным название ст. 57 Закона о прокуратуре изложить как «Профессиональное развитие прокуроров», поскольку действующее название («Повышение квалификации и переподготовка прокурорских работников») сужает понимание профессионального роста прокуроров, акцентируя внимание только на двух элементах. Необходимо также дополнить п. 1 данной статьи указанием о возможности получения прокурорами углубленного высшего образования, научно-ориентированного образования и возможности профессионального обучения, включающее в себя производственную практику и наставничество, исключив упоминание о специальном образовании, так как оно направлено на лиц с особенностями психофизического развития

Правоотношения, складывающиеся при поступлении на службу, являются самостоятельным видом административных правоотношений, связанных с рассмотрением кандидатуры потенциального прокурора и прохождением им конкурсных испытаний, что не относится к процессу прохождения службы. Вследствие этого Положение о прохождении службы в органах прокуратуры следует переименовать в Положение о поступлении и прохождении службы в органах прокуратуры, а гл. 2 данного Положения в «Поступление на службу в органы прокуратуры», а также выделить гл. 2–1 «Назначение на должность прокурора». Это позволит более точно регулировать соответствующие правоотношения, избегая правовой неопределенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чуприс О.И. Национальная правовая идентичность государственной службы Республики Беларусь // Научные труды Академии управления при Президенте Республики Беларусь. – Минск, 2025. – Вып. 26. – С. 8–26.
2. Матвеев С.П. Система государственной службы: проблемы развития и совершенствования // Вестник Воронежского института МВД России. – 2016. – № 1. – С. 131–137.
3. Стариков Ю.Н. Государственная служба в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14 / Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 1996. – 478 л.
4. Гасанов А.П., Савчук Т.А. Служба в органах прокуратуры Республики Беларусь: понятие и место в системе государственной службы // Проблемы управления. – 2024. – № 2. – С. 140–145.
5. Чуприс О.И. Теоретико-правовые проблемы государственной службы Республики Беларусь. – Минск: Право и экономика, 2009. – 310 с.
6. Козбаненко В.А. Иные виды государственной службы – правоохранительная служба: закон и доктрина // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 9(94). – С. 92–101.
7. Савчук Т.А. Законодательные новеллы о порядке отбора на службу в органы прокуратуры Республики Беларусь // Новеллы права, образования, экономики и управления 2023: сб. науч. тр. по материалам IX Междунар. науч.-практ. конф., Гатчина, 24 нояб. 2023 г. : в 2 т / Гос. ин-т экономики, финансов, права и технологий; отв. ред. О.В. Заборовская. – Гатчина, 2024. – Т. 1. – С. 185–188.
8. Комментарий к Закону «О прокуратуре Республики Беларусь» / Л.Г. Букато [и др.]; под общ. ред. А.В. Конюка. – Минск: Амалфея, 2012. – 264 с.
9. Гасанов А.П. Профессиональное развитие прокуроров в Республике Беларусь // Проблемы управления. – 2023. – № 4. – С. 82–88.
10. Пресняков М.В. Противоправность дисциплинарного проступка на государственной службе и принцип «nulla poena sine lege» // Вестник Поволжского института управления. – 2022. – № 6. – С. 16–23.
11. Кардашова И.Б. О дисциплинарной ответственности прокурорских работников // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. – 2023. – № 1. – С. 94–103.
12. Общее административное право / под ред. Ю.Н. Старилова. – 2-е изд., пересм. и доп. – Воронеж: Изд. д. ВГУ, 2016. – 759 с.
13. Добробаба М.Б. Дисциплинарная ответственность в системе государственно-служебных правоотношений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Саратов. гос. юрид. акад. – Саратов, 2018. – 49 с.
14. Княгинина О.Н. Дисциплинарная ответственность государственных гражданских служащих Российской Федерации: проблемы административной теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Рос. акад. гос. службы Рос. Фед. – М., 2010. – 208 л.

15. Агафонова Н.Ю. Дисциплинарные взыскания в контексте ответственности государственных гражданских служащих // Вестник Поволжского института управления. – 2011. – № 1. – С. 89–93.
16. Гасанов А.П. Прохождение службы в органах прокуратуры Республики Беларусь: понятие и этапы // Юстиция Беларусь. – 2024. – № 1. – С. 26–29.

Поступила 10.11.2025

**DIRECTIONS FOR IMPROVING LEGISLATION ON ADMISSION TO AND SERVICE
IN THE PROSECUTOR'S OFFICES OF THE REPUBLIC OF BELARUS**

A. GASANOV

(Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk)

This article analyzes gaps and contradictions in the legislation of the Republic of Belarus regulating service in the prosecutor's office of the Republic of Belarus. The need to distinguish the prosecutor's office as a separate type of civil service, distinct from other types, is substantiated. The author proposes specific areas for legislative improvement, including reform of the system of civil service positions and unification of conceptual frameworks, aimed at increasing the effectiveness of service in the prosecutor's office of the Republic of Belarus.

Keywords: *service in the prosecutor's office, service in the prosecutor's office, civil service positions in the prosecutor's office, professional development of prosecutors.*

УДК 341/342.7

DOI 10.52928/2070-1632-2025-73-4-91-98

**МОДЕЛЬ ИНСТИТУТА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ РЕБЕНКА
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ****В.В. ДОРИНА***(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)*ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1874-2435>

Статья посвящена вопросам реформирования национальной системы защиты прав детей. Автор анализирует существующие в Республике Беларусь механизмы защиты прав детей, на основе чего делается вывод о необходимости совершенствования институтов, отвечающих за реализацию и защиту прав детей, обеспечение наилучшего интереса ребенка. Опираясь на опыт зарубежных стран, а также международные стандарты в области защиты прав и интересов ребенка, представляется модель развития института Уполномоченного по правам ребенка Республики Беларусь. Автор предлагает модель института Уполномоченного по правам ребенка, отвечающую современным стандартам национального правозащитного учреждения, учитывая национальные особенности развития системы защиты прав ребенка в Республике Беларусь. Делается вывод о необходимости замены Национальной комиссии по правам ребенка на институт Уполномоченного по правам ребенка Республики Беларусь, как более современного механизма защиты прав детей.

Ключевые слова: права ребенка, наилучший интерес ребенка, уполномоченный по правам ребенка, национальные институты защиты прав детей.

Введение. Защита прав ребенка является одним из приоритетов развития современного правового государства и показателем зрелости гражданского общества. Дети, в силу возрастных и психологических особенностей, относятся к наиболее уязвимой категории населения: эмоциональная незрелость не всегда позволяет ребенку оценить опасность той или иной ситуации, а также найти возможные пути защиты нарушенных прав. Современные вызовы требуют современных подходов к защите прав детей, а также трансформации имеющихся институтов. Целью данной статьи является анализ текущего состояния национальных механизмов защиты прав детей в Республике Беларусь и разработка на его основе концептуальной модели института Уполномоченного по правам ребенка. В связи с чем критически оценивается деятельность Национальной комиссии по правам ребенка, обобщается международный опыт и стандарты в области создания детских омбудсменов, формулируются принципы, функции и полномочия института Уполномоченного по правам ребенка, предлагаются конкретные организационные и процедурные механизмы его функционирования, обеспечивающие независимость, доступность и прямую коммуникацию с детьми.

К вопросу о необходимости реформирования национальной системы защиты прав человека в целом и детей в частности не раз обращались белорусские ученые-юристы. Следует отметить концепцию развития института уполномоченного по правам человека, предложенную профессором Г.А. Василевичем [1], исследования в области защиты прав детей О.М. Старовойтова¹. Заслуживают внимания работы российских ученых О.В. Федоровой², А.В. Колосова³ и др. Отдельно следует отметить рекомендации международных контрольных органов, в частности, Комитета по правам ребенка, а также международных организаций, непосредственно связанных с вопросами реализации прав детей, таких как Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), ЮНЕСКО.

Основная часть. В Республике Беларусь вопросу обеспечения и защиты прав детей всегда уделялось особое внимание. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 25 июля 2022 г. № 490 утвержден Национальный план действий по улучшению положения детей и охране их прав на 2022–2026 годы. Основной целью Национального плана является реализация положений Конвенции о правах ребенка 1989 г. (вступила в силу для Республики Беларусь 31 октября 1990 г.), создание условий для защиты прав и законных интересов детей, а также свободного и эффективного участия детей и молодежи в политическом, социальном, экономическом и культурном развитии государства и общества. Тенденция к участию молодежи в принятии решений, касающихся их самих, не может не радовать. Однако современное международное право требует и совершенствования механизмов защиты прав ребенка на национальном уровне, смещение акцента с «ребенка – объекта защиты», на «ребенка – субъекта права». В связи с этим, опираясь на опыт других государств, следует пересмотреть национальные механизмы защиты прав и интересов детей в Республике Беларусь.

Являясь участником Конвенции по правам ребенка 1989 г. Беларусь взяла на себя ряд обязательств по исполнению её положений. Статья 4 Конвенции обязывает государства-участники «принимать все необходимые

¹ Старовойтов О.М. Международно-правовая защита прав ребенка: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. – Минск, 2004. – 123 л.

² Федорова О.В. Уполномоченный по правам ребенка: конституционно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. – Омск., 2017. – 198 л.

³ Колосов А.В. Институт Уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. – Иркутск., 2015. – 199 л.

законодательные, административные и другие меры для осуществления прав, признанных настоящей Конвенцией». По мнению Комитета по правам ребенка, осуществляющего мониторинг выполнения государствами-участниками положений Конвенции о правах ребенка и факультативных протоколов к ней, такие меры могут включать «реформы законодательства, создание правительственных и независимых координирующих наблюдательных органов, сбор всеобъемлющих данных, повышение уровня информированности и повышение уровня профессиональной подготовки, разработка стратегий, предложение услуг и реализация программ»⁴.

В Республике Беларусь функционирует система государственных органов, которая непосредственно занимается вопросами защиты прав и интересов детей. Согласно ст. 3 Закона Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570-ХІІ «О правах ребенка» защита прав и законных интересов ребенка обеспечивается комиссиями по делам несовершеннолетних, органами опеки и попечительства, прокуратурой и судом, а также иными организациями, уполномоченными на то законодательством, которые в своей деятельности руководствуются приоритетом защиты прав и законных интересов детей. Данные государственные органы, несомненно, играют важную роль в вопросах защиты и реализации прав детей. Тем не менее, долгие годы в Республике Беларусь идет дискуссия о необходимости внедрения в национальный механизм защиты прав детей независимого института по правам ребенка.

Постепенное реформирование системы защиты прав детей в Республике Беларусь, которое наблюдается в последнее время, не может не радовать. Наиболее значимым событием в этой области стала работа над изменением законодательства, связанного с вопросами реализации прав детей. 7 февраля 2025 г. в первом чтении Парламентом был принят проект Закона Республики Беларусь «Об изменении законов по вопросам обеспечения прав детей», который касается внесения изменений в Закон Республики Беларусь о правах ребенка 1993 г., Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г., Закон Республики Беларусь от 21 декабря 2005 г. № 73-З «О гарантиях по социальной защите детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», Кодекс Республики Беларусь об образовании от 13 января 2011 г., Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 125-З «О физической культуре и спорте». Основные изменения коснулись информационной безопасности детей, вопросов правовых гарантий для детей-сирот, недопущение к педагогической деятельности лиц, не прошедших психологическое собеседование, а также лиц, совершивших преступления экстремистской направленности и преступления, связанные с оборотом наркотиков.

Однако, на наш взгляд, изменения не коснулись качественного преобразования национальных институтов защиты прав детей.

В пользу создания специальных независимых правозащитных институтов не раз высказывался Комитет по правам ребенка. В своем Замечании общего порядка № 2⁵, посвященном роли независимых национальных правозащитных учреждений в деле поощрения и защиты прав ребенка, Комитет назвал одним из важных элементов реформирования системы защиты прав ребенка создание Независимых национальных правозащитных учреждений (далее – ННПУ), что согласуется с обязательствами в рамках Конвенции по правам ребенка, а именно «обеспечить осуществление Конвенции и способствовать всеобщей реализации прав детей».

Наиболее известным специальным институтом, призванным обеспечивать защиту прав на национальном уровне, является институт Уполномоченного по правам человека или омбудсмен. Данный институт известен с начала XIX в., впервые появившись в Швеции, на сегодняшний день около 100 стран имеют должность омбудсмана. Институт может быть представлен в виде омбудсмана по защите прав человека в целом, а также по отдельным категориям прав, например, по правам ребенка, по охране здоровья, предпринимательства, гражданским правам, по контролю цен, охране природы и другие. Первый омбудсмен по правам ребенка был назначен в Норвегии в марте 1981 г. в соответствии с Актом о детском омбудсмене. В то же время появились и другие модели деятельности уполномоченного по правам ребенка, что стало свидетельством его востребованности и признания в мировом сообществе.

С начала 90-х гг. XX в. на международном уровне активно продвигалась идея создания подобных национальных институтов. В октябре 1991 г. с подачи Комиссии по правам человека резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН были приняты «Принципы, касающиеся статуса национальных комиссий и их вспомогательной роли» («Парижские принципы»)⁶. Данные национальные учреждения должны обеспечивать защиту прав человека на национальном уровне посредством просвещения, мониторинга, научных исследований, правозащитной деятельности. После распада СССР, на постсоветском пространстве стали активно внедряться институты по защите прав человека. Обретя независимость бывшие советские республики активно встали на путь создания национальных институтов по защите прав человека. В разных странах они носят разное название, однако в целом, придерживаясь Парижских принципов и рекомендаций международных конвенционных и институциональных органов по

⁴ Замечание общего порядка № 5: общие меры по осуществлению Конвенции о правах ребенка (стст. 4, 42 и п. 6 ст. 44 Конвенции о правах ребенка), 27 ноября 2003 г.: Комитет по правам ребенка. – URL: <https://www.refworld.org/ru/legal/general/crc/2003/ru/36435> (дата обращения: 04.06.2025).

⁵ Замечания общего порядка № 2: Роль независимых национальных правозащитных учреждений в деле поощрения и защиты прав ребенка, 2002 г.: Комитет по правам ребенка. – URL: <https://hrlib.kz/document/366790> (дата обращения 04.06.2025).

⁶ Принципы, касающиеся статуса национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека [Парижские принципы]: Приложение к резолюции 48/134 Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 1993 года. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/paris.shtml.

защите прав человека, имеют схожие функции и полномочия. Институт омбудсмана на постсоветском пространстве представлен в виде следующих органов: Уполномоченный Олий Мажлиса по правам человека в Республике Узбекистан, Комиссар по правам человека Азербайджанской Республики, Акыйкатчы (омбудсмен) Киргизской Республики, Народный защитник Грузии, Защитник прав человека в Армении, Уполномоченный по правам человека в Республике Таджикистан, Уполномоченный по правам человека Республики Казахстан, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации. Следует отметить, что в 90-е гг. и в Республике Беларусь вносились предложения по внесению изменений в Закон о защите прав ребенка. В 1998 г. совместно с ЮНИСЕФ в Республике Беларусь были организованы различные научно-практические мероприятия, посвященные проблемам реализации прав детей, в ходе которых был подготовлен проект изменений в закон о правах ребенка с включением в него вопроса о необходимости внедрения института Уполномоченного по правам ребенка в Республике Беларусь, далее следовало определить статус, порядок формирования и прочие вопросы функционирования данного института, однако до сих пор проект реализован не был [2, с. 58].

Помимо институтов так называемых «общих» Уполномоченных по правам человека в целом, существуют институты специальных Уполномоченных: по защите прав предпринимателей в России, а также по правам потребителей финансовых услуг; по правам ребенка Российской Федерации, по правам ребенка Кыргызской Республики, Уполномоченный Олий Мажлиса Республики Узбекистан по правам ребенка, Уполномоченного по правам ребёнка в Республике Казахстан, заместитель Уполномоченного по правам человека в Республике Таджикистан – Уполномоченный по правам ребёнка в Республике Таджикистан. В Республике Беларусь на данный момент институт омбудсмана как общий, так и специальный, отсутствует. Однако видится целесообразным введение подобного института в правовую систему Беларуси.

Одну из концепций развития института омбудсмана в Республике Беларусь в 2013 г. предложил профессор Г.А. Василевич. На его взгляд, для наиболее эффективного функционирования Национального учреждения по правам человека необходимо учреждение поста Уполномоченного по правам человека с широким спектром полномочий, осуществляющего свою деятельность независимо от других государственных органов и должностных лиц [1, с. 7]. Главной же задачей Национального учреждения является формирование в обществе понимания высокой ценности прав и свобод, взаимной заинтересованности государства, общества, граждан в росте правовой культуры.

Несомненно, введение института Уполномоченного по правам человека повысит международный престиж Республики Беларусь и выведет систему защиты прав человека на новый, более качественный, уровень. Однако, на наш взгляд, на сегодняшний день наиболее перспективным в Республике Беларусь видится создание Уполномоченного по правам ребенка или детского омбудсмана. Это будет отвечать международным стандартам защиты прав детей, позволит обеспечить наилучший интерес ребенка, повысит уровень доверия граждан к государственным органам, упростит порядок обращения за защитой прав детьми, которые не всегда имеют возможность, а зачастую и не понимают, куда обратиться за защитой своих прав. Используя накопленную научную базу, труды выдающихся белорусских ученых-юристов, опираясь на опыт стран-участниц СНГ, а также на рекомендации международных органов по защите прав человека в целом и ребенка в частности, в Беларуси возможно разработать свою уникальную современную модель детского омбудсмана, отвечающую всем международным стандартам и требованиям, соответствующую условиям развития общества.

Нельзя не согласиться со словами директора исследовательского отдела ЮНИСЕФ «Инноченти» А. Гордон, что независимые учреждения – это окно, сквозь которое видны не только особенности детства в отдельно взятой стране, но и то, как взрослые и разрабатываемая ими политика в действительности относятся к детству и насколько они его уважают⁷. Видится целесообразным рассмотреть имеющиеся институты, напоминающие НПЗУ, в Республике Беларусь и предпринять попытку предложить модель института Уполномоченного по правам ребенка в Республике Беларусь.

Стоит отметить, что на сегодняшний день в Республике Беларусь действует Национальная комиссия по правам ребенка, созданная Указом Президента Республики Беларусь в 1996 г. для осуществления и совершенствования государственной политики по обеспечению защиты прав и законных интересов детей. Указом Президента Республики Беларусь от 16 ноября 2006 г. № 675 «О Национальной комиссии по правам ребенка» значительно расширены состав, полномочия и функции комиссии. Основной задачей Комиссии обозначен контроль за соблюдением прав и законных интересов детей, закрепленных в Конвенции о правах ребенка, Законе Республики Беларусь «О правах ребенка» 1993 г. и иных нормативных правовых актах. Деятельность Комиссии по правам ребенка должна быть направлена на минимизацию рисков, связанных с социально опасным положением детей, проведение мониторингов и анализа положения детей. На первый взгляд Национальная комиссия является органом, подобным омбудсмену, однако не является таковым.

Деятельность Национальной комиссии часто подвергается критике и оценивается как неэффективная, акцентирующая внимание лишь на профилактике правонарушений среди несовершеннолетних, а не на реализации ими своих прав и защите интересов в полной мере. Большое количество государственных органов и служб в Республике Беларусь, относящихся к защите прав детей, зачастую имеют идентичные задачи и фактически дублируют деятельность

⁷ Защита и поддержка прав детей. Глобальное исследование независимых учреждений по защите прав детей: Детский фонд Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ), октябрь 2012 г. – URL: <https://www.refworld.org/ru/reference/handbook/unicef/2012/ru/137546> (дата обращения: 10.05.2025).

друг друга. Следует согласиться с белорусским ученым О.М. Старовойтовым, что такое учреждение более правильным было бы называть квазиомбудсменами или исполнительными омбудсменами, так как они лишены основной черты омбудсмана – независимости в своей деятельности от государственных органов [3, с. 10].

В состав Национальной комиссии входят заместители министров, заместители председателей облисполкомов, судьи и другие представители государственных структур. В составе Комиссии представлены лишь четыре общественных объединения, имеющие непосредственное отношение к работе с детьми, а также несколько представителей педагогических ВУЗов. Можно сделать вывод, что большинство членов комиссии являются представителями высших органов власти, совмещая основную деятельность с членством в Комиссии, защита прав ребенка и его интересов не реализуется в должной мере, о чем свидетельствуют малочисленные заседания Комиссии (раз в полгода). Работа в аппарате Уполномоченного не может и не должна быть совмещена с другой деятельностью, кроме научной. Во-первых, потому что большая нагрузка на сотрудников такого учреждения не может быть выполнена в полном объеме при совмещении её с другой деятельностью. Во-вторых, занятие параллельно других должностей, а, тем более, в исполнительной власти, полностью перечеркивает независимость деятельности национального правозащитного учреждения.

Следующим параметром, по которому Комиссия не соответствует критериям Национального правозащитного учреждения с точки зрения Комитета по правам ребенка, является транспарентность деятельности учреждения. Огромные объемы информации находятся в доступе для любого пользователя. Практически любой государственный орган, а также государственные служащие, депутаты имеют страницы в социальных сетях, где делятся информацией о своей деятельности. Это, в первую очередь, повышает доверие граждан к деятельности государственных органов и чиновников, в силу открытости и доступности информации. Каждый гражданин понимает, как работает тот или иной механизм, какие инициативы претворились в жизнь и так далее. Особенно остро необходимость доступа к информации через интернет испытывают дети, которые основным объемом информации получают из сети. Именно поэтому важно, чтобы орган, который непосредственно связан с защитой их прав, был доступен в цифровом пространстве. Информацию о количестве обращений, заседаниях комиссии, темах обсуждений найти в открытых источниках сложно. Национальная комиссия по правам ребенка не имеет отдельного портала, где бы можно было найти статистические данные, нормативную правовую базу деятельности Комиссии, а также оставить жалобу или обращение.

Можем предположить, что граждане охотнее бы обращались в специальный институт, функцией которого непосредственно являлась защита прав ребенка. Комиссия же ассоциируется с органом, выдающим заключения, консультации, но не восстановлением нарушенных прав.

Предложим следующую модель Института Уполномоченного по правам ребенка в Республике Беларусь.

На наш взгляд, институт Уполномоченного по правам ребенка в Республике Беларусь должен опираться на опыт стран, в которых уже успешно функционируют подобные учреждения, а также иметь свои уникальные черты, исходя из национальных особенностей. Для начала определим основные характеристики, которые должен иметь институт Уполномоченного. Опираясь на определение «омбудсмана», данное белорусским исследователем О.И. Старовойтовым, которое звучит так «омбудсмен – это ведомство, создаваемое для отстаивания прав и интересов детей, имеющее статус независимого органа, и учреждаемое законодательным путем или неправительственными организациями, которые прямо определяют свою задачу как выполнение функций уполномоченного по правам ребенка» [3, с.10]. Можно сделать вывод, что основной чертой данного института является независимость. Основываясь на опыте государств, в которых успешно функционирует институт омбудсмана, следует определить наиболее оптимальный способ назначения Уполномоченного по правам ребенка. Например, в Узбекистане Уполномоченного назначает Парламент по предложению Главы государства, что, таким образом, ограничивает влияние на него исполнительной власти. Уполномоченный по правам ребенка Республики Таджикистан назначается на должность Президентом Республики Таджикистан с согласия Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан. В Российской Федерации и Кыргызской Республике уполномоченный назначается Президентом. Для Республики Беларусь более оптимальным вариантом будет назначение Уполномоченного по правам ребенка Президентом Республики Беларусь, а также подотчетность Главе государства, что исключит возможное давление на деятельность Уполномоченного со стороны, так как Президент Республики Беларусь не входит ни в одну ветвь власти. Исходя из этого предлагаем назвать институт «Уполномоченный при Президенте Республики Беларусь по правам ребенка».

С точки зрения централизации, можно выделить несколько вариантов омбудсмана. Первый вариант представляет собой наличие центрального офиса (Ямайка, Маврикий), что актуально для унитарных государств небольшого размера. Другой вариант – центральный офис и отделения по стране. Такая структура часто встречается в странах Латинской Америки. Третий вариант характерный для Федеративных государств, например, Российской Федерации, Индии, Италии, представляет собой центральный офис и субнациональные офисы в субъектах федерации, иными словами, – автономные независимые учреждения на региональном уровне. Такая модель присуща США, Канаде, Великобритании, однако часто подвергается критике, ввиду отсутствия центрального аппарата, что затрудняет принятие совместных решений на общенациональном уровне. Для Республики Беларусь наиболее актуальным представляется второй, так называемый «латиноамериканский» вариант организации с центральным офисом и отделениями по стране.

Аппарат Уполномоченного по правам ребенка в Республике Беларусь может состоять из Уполномоченного, заместителя уполномоченного, секретариата, и нескольких отделов, специализирующихся на определенных направлениях. Например, отдел по защите прав детей с инвалидностью, отдел по вопросам психологической помощи и консультациям, отдел по вопросам образования и развития, а также отдел, специализирующийся на вопросах здравоохранения и социальной работе. Для более широкого охвата и большей доступности учреждения следует, помимо центрального аппарата, создать сеть представителей Уполномоченного по правам ребенка в областных центрах и городе Минске. Это обеспечит большую доступность для детей и их представителей, упростит работу уполномоченного и его представителей с детьми в регионах.

На должность Уполномоченным следует назначать гражданина Республики Беларусь, постоянно проживающего на территории Беларуси, владеющего белорусским и русским языками, не моложе 35 лет, имеющего высшее юридическое образование, опыт работы с детьми и молодежью, обладающего высокими моральными, нравственными качествами и безупречной репутацией. Кандидат на должность Уполномоченного не может быть членом политической партии или иного общественного объединения, преследующего политические цели, заниматься другой оплачиваемой деятельностью, за исключением преподавательской, научной и иной творческой деятельности.

Институт Уполномоченного по правам ребенка в Республике Беларусь может осуществлять следующие функции:

- защита прав и интересов конкретного ребенка и/или группы детей;
- учет и анализ обращений граждан по вопросам защиты прав и законных интересов ребенка;
- обеспечение наилучшего интереса ребенка при принятии решений, касающихся детей;
- контроль за исполнением решений, принятых в отношении детей;
- контроль за соответствием законодательства в отношении детей Конституции Республики Беларусь, а также международным актам, касающимся детей;
- внесение предложений по изменению законодательства в отношении детей;
- правовое просвещение детей, а также информационно-просветительская работа с родителями, лицами, их заменяющими, а также с лицами, непосредственно работающими с детьми;
- работа по улучшению компетенций специалистов, работающих с детьми;
- развитие международного сотрудничества по вопросам обеспечения наилучшего интереса ребенка, прав и свобод детей.

Уполномоченный по правам ребенка обладает следующими полномочиями:

- Рассмотрение обращений и восстановление нарушенных прав в отношении детей.
- Осуществление проверки по фактам нарушения прав ребенка.
- Право осуществлять запросы и получать необходимые документы и информацию от государственных органов и иных организаций.
- Посещать государственные органы и организации, в том числе учреждения образования, здравоохранения и социального обслуживания.
- Обращаться в суд с заявлениями в защиту прав и интересов ребенка.
- Вносить предложения о привлечении к ответственности должностных лиц, виновных в нарушении прав ребенка.
- Организация и проведение информационно-просветительской работы с детьми, а также лицами, обеспечивающими защиту прав, интересов детей, работниками учреждений образования, родителями и лицами их заменяющими.
- Участие в разработке проектов законов и проектов законов об изменении законодательства в отношении детей.
- Содействие участию детей в политическом, экономическом, культурном развитии государства и общества.
- Тесное сотрудничество со школьными и молодежными парламентами, молодежными общественными объединениями.
- Уполномоченный может выступать инициатором проведения научных и просветительских мероприятий, посвященным вопросам реализации прав и обеспечения наилучшего интереса ребенка.
- Воспитание активной гражданской позиции молодежи и ознакомление с легальными способами защиты своих прав.
- Контроль за реализацией прав детей, отбывающих наказание в местах лишения свободы.
- Привлечение узких специалистов для дачи экспертных оценок в области защиты прав и обеспечения наилучшего интереса ребенка.
- Работа по привлечению научного сообщества для разработки рекомендаций по обеспечению наилучшего интереса ребенка.
- Публикация ежегодного доклада о деятельности института Уполномоченного и состоянии защиты прав ребенка в Республике Беларусь.
- Предоставление отчетов о проделанной работе и о состоянии системы защиты прав и интересов детей в Республике Беларусь Президенту.
- Подготовка и представление отчетов о состоянии защиты прав ребенка в Республике Беларусь в Комитет по правам ребенка и другие международные контрольные органы.

Полномочия и функции Уполномоченного по правам ребенка в целом должны соответствовать рамкам, установленным международными актами, Парижским принципам, рекомендациям Комитета по правам человека, ЮНИСЕФ, но допускается иметь свои национальные уникальные особенности. В Республике Беларусь этой особенностью может быть тесное взаимодействие с молодежными движениями и органами молодежного самоуправления, активное использование социальных сетей для продвижения идей по реализации прав детей и обеспечению их наилучшего интереса. Также отметим, что деятельность Уполномоченного ни в коем случае не должна заменять деятельность других органов, обеспечивающих защиту прав и интересов ребенка (инспекции по делам несовершеннолетних, суды, прокуратура и иные правоохранительные органы), она лишь призвана обеспечить новый, более качественный уровень обеспечения прав и интересов ребенка. Институт Уполномоченного следует внедрить в национальную систему защиты прав ребенка в Республике Беларусь, заменив деятельность Национальной комиссии по правам ребенка, которая не отвечает требованиям, предъявляемым к национальному правозащитному учреждению.

В целом основные составляющие института Уполномоченного по правам ребенка – это независимость, доступность и контакт с детьми. И если независимость обеспечивается, главным образом, организационной формой института Уполномоченного, то доступность должна быть обеспечена несколькими способами.

ЮНИСЕФ предлагает несколько форм доступности⁸, в первую очередь, через *осведомленность*. До каждого ребенка должна быть донесена информация о функционировании института Уполномоченного. В доступной форме следует объяснить, что это за институт, его цели, функции, как и по каким вопросам ребенок может обратиться в данный институт, на нарушение каких прав может пожаловаться. Отдельное внимание следует уделять детям из числа наиболее маргинализированных групп (дети из малообеспеченных семей, находящиеся в социально-опасном положении, стоящие на учете в инспекции по делам несовершеннолетних, имеющие административные и иные взыскания, а также лица, отбывающие наказание в местах лишения свободы, дети из числа беженцев).

Следующая составляющая – *физическая доступность*. Каждому ребенку, проживающему в государстве, должно быть физически доступно обратиться в представительство Уполномоченного. Для этого целесообразно создать такую структуру института Уполномоченного, которая бы соответствовала этому требованию. В Республике Беларусь физической доступности будет способствовать предложенная структура института в виде центрального аппарата Уполномоченного в г. Минске (так называемая штаб-квартира) и представительств в каждом областном центре, а также филиалов в крупных городах (например, на базе центра правовой информации). Отдельное внимание следует уделить разработке механизма подачи жалобы в электронном виде. В таком случае физическая доступность будет осуществима даже из населенных пунктов, в которых нет физического представительства. Порядок обращения или подачи жалобы должен быть максимально доступен и понятен не только представителям детей, но и непосредственно ребенку. Подача жалобы может осуществляться через интернет портал Уполномоченного, по почте, по телефону, либо лично, в приемной представительства уполномоченного по правам ребенка в областных центрах, г. Минске, либо в центрах правовой информации.

Для подачи электронного обращения следует обратить особое внимание на структуру сайта Уполномоченного. Интерфейс должен быть понятным, и интуитивно простым, работающим не только с персональных компьютеров, но и с портативных устройств (планшетов, смартфонов). В поле «Обращение» следует расположить меню с опциями выбора нужного действия. Например, подсказки выбора региона, города, учреждения образования, а также перечня прав, которые могут быть нарушены.

В рамках работы института Уполномоченного по правам ребенка следует организовать работу колл-центра с круглосуточной возможностью обратиться с жалобой по телефону доверия. Также телефон доверия может использоваться как телефон экстренной службы. В рамках информационно-просветительской работы дети должны быть ознакомлены с возможностью обратиться в службу экстренной помощи Уполномоченного по правам ребенка. Номер должен быть коротким и легко запоминающимся, по примеру номера телефона скорой помощи, милиции, МЧС.

В отличие от общепринятых правил рассмотрения обращений уполномоченными по правам человека в других странах, Уполномоченный по правам ребенка может принимать к рассмотрению жалобы, по которым уже вынесено решение государственным органом, либо первичные, до рассмотрения государственными органами, а также те, что находятся на рассмотрении в суде. В таком случае Уполномоченный может выступать в суде с целью защиты нарушенных прав, контролировать ход судебного процесса.

Анонимные жалобы к рассмотрению не принимаются, здесь действуют правила Закона Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц». Однако в силу того, что некоторые случаи нарушенных прав детей требуют безотлагательного реагирования (случаи нарушения права половой неприкосновенности, права на жизнь, здоровье, безопасность жилища и др.), следует сократить сроки рассмотрения обращений. Общие сроки рассмотрения электронных обращений (15 дней) могут иметь непоправимые последствия. В виду этого следует внести изменение в п. 3 ст. 17 Закона Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц» дополнить ч. 3: «в случае обращения к Уполномоченному

⁸ Защита и поддержка прав детей. Глобальное исследование независимых учреждений по защите прав детей: Детский фонд Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ), октябрь 2012 г. – URL: <https://www.refworld.org/ru/reference/handbook/unicef/2012/ru/137546> (дата обращения: 10.05.2025).

по правам ребенка о нарушенных правах, требующих быстрого реагирования, срок рассмотрения обращения ограничивается 5 днями со дня подачи обращения». Для своевременного реагирования на жалобы необходимо разработать механизм классификации дел. Следует определить критерии, по которым дела будут ранжироваться. Ни одно обращение не должно остаться без внимания, но следует определять порядок реагирования, так как некоторые дела могут требовать незамедлительного разрешения.

Обращение к уполномоченному должно быть бесплатным, госпошлина не уплачивается как при обращении непосредственно детьми (до 18 лет), так и совершеннолетними, действующими в интересах детей. Таким образом доступность и недискриминационность в деятельности уполномоченного будут обеспечены в должной степени.

Следующей составляющей доступности является *недискриминация*. Недискриминация является одним из общих принципов Конвенции о правах ребенка, одним из наиболее важных принципов международного права и права в целом. Недискриминация в контексте доступности института Уполномоченного по правам ребенка подразумевает возможность обратиться за помощью и восстановлением нарушенных прав абсолютно любому ребенку, проживающему в Республике Беларусь, независимо от пола, возраста (до 18 лет), расовой, религиозной, национальной принадлежности. Обратиться за защитой прав и обеспечения интересов могут не только граждане Республики Беларусь, но и иностранные граждане постоянно проживающие на территории Республики Беларусь, а также лица без гражданства и беженцы. Дети из числа беженцев являются одной из наиболее уязвимых категорий и часто нуждаются в большей поддержке, нежели дети из числа граждан.

Одним из важных факторов деятельности института Уполномоченного является непосредственный *постоянный контакт с детьми*. В настоящее время иметь широкий охват детской аудитории позволяют информационно-коммуникационные технологии. Современные дети с ранних лет являются активными пользователями сети Интернет. Именно с ее помощью можно сделать институт Уполномоченного доступным. Контакт с детьми, их информирование, а также просветительскую деятельность следует осуществлять через социальные сети ВКонтакте, Инстаграм, Тик Ток. Это повысит доверие детей к данному институту, так как для них этот источник является понятным, значимым и актуальным. Уполномоченный по правам ребенка через свою страницу в социальных сетях сможет донести информацию до большего количества детей. Важным для поддержания контакта с детьми является работа с молодежными и школьными парламентами. Непосредственный контакт с активом из молодежной среды поможет быстрее донести проблему до «взрослых», сформировать круг вопросов, которые требуют корректировки, выработать предложения для совершенствования законодательства в отношении детей исходя из их потребностей. Контакт с детьми поможет наладить и такие инициативы, как «посол в школу», «ребенок – ребенку», службы правовой помощи университетов, волонтерские движения, *street law* и другие.

Реализация всех составляющих факторов поможет более качественно осуществлять деятельность Уполномоченного в деле защиты и охраны прав и интересов ребенка.

Заключение. Подводя итог, следует отметить, что создание института Уполномоченного не несет цели ликвидировать другие государственные органы, занимающиеся вопросами защиты прав и интересов детей. Основная задача данного учреждения – акцентировать внимание государственных органов на имеющихся проблемах, направить в нужное русло законотворческую деятельность, а также скорректировать, где это необходимо, действия исполнительной власти. В основе создания института Уполномоченного лежит идея совместной скоординированной работы всех органов власти, внимание на обеспечении наилучших интересов ребенка, а не ограничение деятельности лишь профилактикой правонарушений и преступности среди детей. Уполномоченный по правам ребенка должен быть связующим звеном между государством и ребенком и/или его законными представителями, координировать действия государственных органов и общественных объединений с целью эффективной реализации прав и интересов ребенка. Институт Уполномоченного по правам ребенка придаст национальной системе защиты прав человека большую гибкость, что позволит своевременно реагировать на изменения в обществе, нарушения прав ребенка и более эффективно обеспечивать их восстановление и защиту.

Уполномоченный по правам ребенка должен восприниматься детьми и общественностью как защитник, в то время как правоохранительные органы могут вызывать страх у детей, ассоциируясь с системой наказаний.

Деятельность Уполномоченного по правам ребенка должна быть независима и будет направлена лишь на защиту прав и интересов детей, что обеспечит ее эффективность. Помимо самого Уполномоченного, к работе его аппарата следует привлекать узких специалистов различной направленности, в том числе юристов, психологов и социальных педагогов, что повысит уровень доверия к такому институту не только со стороны детей, но и общества в целом.

Отметим, что Республика Беларусь выполняет взятые на себя обязательства по исполнению положений Конвенции о правах ребенка, проводит политику, дружественную детям. Совершенствование механизмов защиты прав и интересов детей лишь в очередной раз докажет приверженность Республики Беларусь международным стандартам в области защиты прав ребенка. Следует согласиться с российским исследователем в области прав человека О.В. Федоровой, которая отметила, что при появлении таких институтов, как институт Уполномоченного по правам, отношения между властью и обществом перемещаются из спектра «беспрекословное подчинение власти» в «подчинение власти, основанное на сотрудничестве и конструктивном диалоге»⁹. Являясь связующим звеном между человеком и государством деятельность Уполномоченного по правам ребенка будет

⁹ Фёдорова О.В. Уполномоченный по правам ребенка: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Новосиб. гос. ун-т экономики и управления «НИНХ». – Омск., 2017. – 21 с. – С. 3.

содействовать снижению нагрузки на суды и одновременно увеличит степень доверия граждан к государству, повысит эффективность работы национальных механизмов защиты прав и интересов детей, поможет наладить обратную связь государства с гражданским обществом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василевич Г.А. Концепция Национального учреждения по правам человека в Беларуси: концепция предполагаемого проекта Закона об Уполномоченном по правам человека в Беларуси. – Электрон. текст. дан. – Минск: БГУ, 2013. – 29 с. – URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/38595>.
2. Старовойтов О.М. Становление и развитие международной защиты прав ребёнка // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 1998. – № 5: Спец. вып. к 50-летию Всеобщей декларации прав человека. – С. 51–58. – URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/30501>.
3. Старовойтов О.М. Механизмы защиты прав ребенка // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2001. – № 3. – С. 3–13.

Поступила 05.11.2025

MODEL OF THE INSTITUTE OF THE COMMISSIONER FOR CHILDREN'S RIGHTS IN THE REPUBLIC OF BELARUS

V. DORINA

(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

This article explores reforming the national system for protecting children's rights. The author analyzes existing mechanisms for protecting children's rights in the Republic of Belarus, drawing conclusions about the need to improve institutions responsible for implementing and protecting children's rights and ensuring the best interests of the child. Drawing on the experience of foreign countries and international standards for protecting children's rights and interests, the article presents a concept for developing the institution of the Children's Rights Commissioner of the Republic of Belarus. The author proposes a model for the institution of the Children's Rights Commissioner that meets modern standards for a national human rights institution, taking into account the national specifics of developing the children's rights protection system in the Republic of Belarus. It concludes that it is necessary to replace the National Commission on Children's Rights with the institution of the Children's Rights Commissioner of the Republic of Belarus as a more modern mechanism for protecting children's rights.

Keywords: *rights of the child, best interest of the child, the Children's Rights Commissioner, national institutions for the protection of children's rights.*

УДК 347.9

DOI 10.52928/2070-1632-2025-73-4-99-102

**О ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕМ ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛАМ
ОБ УРЕГУЛИРОВАНИИ НЕПЛАТЕЖЕСПОСОБНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ***канд. юрид. наук, доц. Т.А. КОРЕНЬ**(Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова)*ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1520-7342>

В статье исследуется структура законодательства, регламентирующего производство по делам об урегулировании неплатежеспособности в Республике Беларусь, с учетом специализации процессуальных норм и обновления белорусского гражданского процессуального законодательства в рамках проводимой судебной реформы. Автором на основе анализа соответствующих процессуальных норм сформулированы особенности этой структуры и определена иерархия процессуальных норм. В статье акцентируется внимание на прикладном значении проведенного исследования и анализируются некоторые судебные ошибки в применении специальных процессуальных норм по делам о банкротстве. Автором выявлены недостатки (дефекты) специализации процессуальных норм и сформулировано предложение по их устранению.

Ключевые слова: производство по делам о несостоятельности и банкротстве, специализация, процессуальные нормы.

Введение. Многочисленные особенности порядка рассмотрения и разрешения экономическими судами дел о несостоятельности и банкротстве, именуемых далее общим термином «дела об урегулировании неплатежеспособности», объем нормативного материала, принятие в Республике Беларусь закона «Об урегулировании неплатежеспособности» от 13.12.2022 г. № 227-З (далее – Закон), Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь от 11 марта 2024 г. № 359-З (далее – КГС), вступающего в силу 01.01.2026 г., представляющего собой единый кодекс, объединивший правила рассмотрения гражданских дел и экономических споров, определили тему настоящей публикации. Цель исследования заключается в определении структуры законодательства, регламентирующего производство по делам об урегулировании неплатежеспособности в Республике Беларусь, выявлении её особенностей, определении иерархии процессуальных норм. Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся при реализации процессуальных норм в сфере урегулирования неплатежеспособности, а также механизм регулирования процессуальных отношений в указанной сфере. Предметом исследования выступают нормы гражданского процессуального права в сфере урегулирования неплатежеспособности, правоприменительная практика.

Анализ структуры законодательства, регламентирующего конкурсный процесс в России и зарубежных странах, встречается в работах известных дореволюционных юристов А.Х. Гольмстена, К.И. Малышева, Г.Ф. Шершеневича и др. [1–4], современного зарубежного законодательства о несостоятельности (банкротстве) – в научных трудах О.М. Свириденко [5], современного российского законодательства – в публикациях Ю.Д. Подольского, Е.В. Слепченко, В.В. Яркова и др. [6–8]. В свою очередь специальным процессуальным нормам посвящены работы О.В. Баулина [9], Е.Г. Потапенко [10] и др.; рассмотрение дифференциации и единства гражданского судопроизводства осуществлялось Н.А. Громошиной [11]. Отдельным аспектам регулирования особенностей порядка рассмотрения и разрешения судами дел о несостоятельности и банкротстве в Республике Беларусь посвящены работы В.С. Каменкова [12], публикации Ю.В. Кобеца, В.Ф. Шильченка. Между тем отсутствуют отдельные исследования структуры законодательства, регламентирующего производство по делам об урегулировании неплатежеспособности, с учетом специализации процессуальных норм и обновления белорусского гражданского процессуального законодательства в рамках проводимой судебной реформы.

Основная часть. Институт несостоятельности и банкротства по определению является институтом гражданского права. Материально-правовые нормы законодательства о банкротстве, в отличие от других норм гражданского права, могут быть реализованы только в рамках процессуальной формы: в судебных делах о несостоятельности или банкротстве. В силу наличия множества особенностей, мировой практикой выработан подход к регулированию банкротства путем принятия специального закона (Российская Федерация, Казахстан, Армения, Киргизия, Федеративная Республика Германия, Великобритания, Южно-Африканская Республика, Израиль и др.).

Современный период развития законодательства о банкротстве в Республике Беларусь характеризуется последовательным принятием ряда специальных законов, сменяющих друг друга:

– закона «Об экономической несостоятельности и банкротстве» от 30 мая 1991 г. № 826-ХІІ, состоящего из 46 статей и содержащего минимальное количество специальных процессуальных норм;

– двух одноименных законов «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» от 22 июня 2000 г. № 423-З и от 13 июля 2012 г. № 415-З, значительно больших по количеству статей (261 и 242 статьи, соответственно), содержащих развернутые раздел и главу, соответственно, об особенностях рассмотрения дел об экономической несостоятельности (банкротстве) и процессуальные нормы в иных главах;

– закона «Об урегулировании неплатежеспособности» от 13.12.2022 г. № 227-З, вступившего в силу 01.10.2023 г., в основу которого положен принципиально иной подход к рассмотрению и разрешению рассматриваемой категории споров, введен ряд процессуальных новелл, связанных прежде всего с разделением дел на

две категории: дела о несостоятельности и дела о банкротстве, а также введением понятия «дела по спорам, связанным с несостоятельностью или банкротством». Действующий закон характеризуется большим количеством процессуальных норм, изложенных в ряде статей, достаточно объемных по содержанию.

К процессуальным отношениям, регулируемым действующим Законом, нормы Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК), с 01.01.2026 г. – нормы КГС (далее с учетом принятия КГС ХПК не будет упоминаться) применяются субсидиарно. В целом в Законе содержится много особенностей, связанных со всеми стадиями производства по делам о несостоятельности и о банкротстве: от возбуждения производства до исполнения решения. Иерархию процессуальных норм представляется возможным изложить в виде нескольких уровней, которые соотносятся между собой как общие и специальные.

К первому уровню предлагается отнести нормы раздела I КГС, отражающие общее функциональное назначение гражданского процесса, цели, задачи, принципы гражданского судопроизводства, обладающие повышенной абстрактностью, декларативностью, значительной самостоятельностью. Это так называемые «общие единичные (непарные) нормы» согласно классификации общих норм, разработанной Е.Г. Потапенко¹.

Ко второму уровню относятся процессуальные нормы, отражающие сущность предмета судебной деятельности в гражданском (исковом) судопроизводстве, по правилам которого с учетом определенных изъятий, рассматриваются иные гражданские дела, в том числе, о несостоятельности и о банкротстве. Это нормы, занимающие центральное место в процессуально-правовом комплексе, содержащие генеральное процессуальное правило (предписание), которое может изменяться специальной нормой. К этому уровню по существу следует отнести нормы КГС, за исключением раздела I и разделов, глав, отражающих специфику процесса по иным категориям дел.

Третий уровень норм – это специальные нормы о порядке рассмотрения и разрешения дел рассматриваемой категории: основных дел о несостоятельности и банкротстве и споров, связанных с ними. К ним относятся нормы главы 40 КГС «Производство по делам о несостоятельности или банкротстве и по спорам, связанным с несостоятельностью или банкротством» в подразделе «Иные виды производства», в которой установлены правила подсудности дел о несостоятельности и банкротстве, правило об обязательном составлении мотивированного решения по делам о несостоятельности и банкротстве, содержится отсылка к специальным законодательным актам; а также ряд норм КГС (п. 6 ст. 91, пп. 11–14 ст. 301, пп. 3–7 ст. 319 и др.). К этому уровню относятся также процессуальные нормы Закона.

Непосредственной причиной специализации процессуальных норм одни ученые видят материальное право (Ю.В. Ефимов, Е.Е. Уксусова), другие (Е.Г. Потапенко) основанием считают эффективность судебной деятельности и судебной защиты². На наш взгляд, обе позиции вполне обоснованы. Нам представляется также, что в контексте рассматриваемой категории дел специализация норм обусловлена специализацией в судостроительстве – рассмотрением и разрешением дел об урегулировании неплатежеспособности экономическими судами, имеющими статус специализированных судов в Республике Беларусь. В качестве признаков специальной нормы выступают объем её действия, которые уже по отношению к общей норме, и содержание, нетождественное основному правилу регулирования данного общественного отношения. Как показал анализ рассматриваемых норм, Закон содержит дополняющие и исключаящие специальные нормы.

Этот уровень процессуальных норм, в свою очередь, подразделяется на общие и специальные нормы, что обусловлено существованием ряда особых процессуальных правил. Следовательно, имеют место нормы вторичной специализации, изменяющие содержание других специальных норм³.

Из смысла ст. 149 Закона следует, что к регулируемым в особом порядке общественным отношениям, связанным с несостоятельностью и банкротством градообразующих или приравненных к ним организаций, сельскохозяйственных организаций, банков, страховых организаций, страховых брокеров, а также иных субъектов гражданского права, применяются специальные положения раздела IV Закона; правила Закона, регулирующие несостоятельность и банкротство должников – юридических лиц, применяются к ним субсидиарно. Таким образом, мы имеем дело с нормами вторичной специализации, регулирующими порядок рассмотрения и разрешения: дел о несостоятельности; дел о банкротстве; дел о банкротстве отдельных категорий должников (например, банков, индивидуальных предпринимателей); дел в упрощенной процедуре банкротства в отношении ликвидируемых и отсутствующих должников. Примерами норм-изъятий являются нормы п. 4 ст. 220 Закона, норм-изменений – пп. 1–4 ст. 215 Закона, дополняющих норм – стст. 204, 208, 210, 217, пп. 2–3 ст. 218 Закона.

Изложенное выше подлежит учету экономическим судом в ходе рассмотрения соответствующей категории дел. Неверное применение процессуальных норм может привести к нарушению конституционного права на судебную защиту и доступ к правосудию, снижению качества правосудия. Так, в ходе обобщения судебной практики Верховным Судом Республики Беларусь установлена неправильная практика применения специальных процессуальных норм: суд возбудил производство по делу о банкротстве в отношении индивидуального предпринимателя, находящегося в процессе прекращения деятельности, на основании подп. 4.1 п. 1 ст. 213 Закона (размещена в главе 23 «Особенности банкротства индивидуального предпринимателя») с учетом того, что сумма задолженности перед кредитором-заявителем Фондом социальной защиты населения составляла более 50 базовых

¹ Потапенко Е.Г. Специализация и унификация цивилистического процессуального права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2023. – С. 29.

² Там же. – С. 28.

³ Там же. – С. 25.

величин⁴. В то время, как в тех случаях, когда заявление подается в отношении ликвидируемого юридического лица или индивидуального предпринимателя, находящегося в процессе прекращения деятельности, следует применять положения ст. 220 Закона (размещена в главе 24 «Особенности банкротства ликвидируемого должника») и возбуждать дело о банкротстве независимо от размера кредиторской задолженности. Основанием для применения в рассматриваемом кейсе ст. 220 Закона является следующая норма: «К отношениям, связанным с банкротством должника – индивидуального предпринимателя, применяются положения, содержащиеся в разделах I–III и главе 24 настоящего Закона, если иное не установлено настоящей главой» (ст. 212 главы 23 Закона).

В другом случае неприменение специальных процессуальных норм повлекло отмену судом апелляционной инстанции определений о возбуждении производства по делу. Так, в одном случае суд первой инстанции не учел, что должник является организацией с долей государственной собственности и, в нарушение требований подп. 1.1 п. 1 ст. 46 Закона, не затребовал представления на назначение управляющего от государственного органа, который осуществляет управление принадлежащими административно-территориальной единице акциями (долями) в уставном фонде должника, назначил управляющего из числа кандидатур, представленных кредитором. При этом суд апелляционной инстанции не принял во внимание согласие райисполкома на назначение управляющего, оформленное после возбуждения производства по делу. В другом случае суд принял к производству заявление должника в отсутствие в нем сведений о том, является ли должник организацией с долей государства (п. 2 ст. 23, п. 2 ст. 21 Закона), не выяснил в судебном заседании, что должник является организацией с долей государственной собственности и, в нарушение требований подп. 1.6 п. 1 ст. 35 Закона, не привлек к участию в деле государственный орган, в подчинении которого находится должник (райисполком), в нарушение п. 4 ст. 32 Закона не известил о судебном заседании государственный орган⁵.

Как разъяснено в ч. 3 п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О судебной практике применения законодательства об урегулировании неплатежеспособности» № 8 от 26.12.2024 г., объединение заявлений, поданных раздельно в отношении одного и того же должника, законом не предусмотрено, т.е. общая норма ст. 165 ХПК Республики Беларусь об объединении судом дел применению не подлежит. Так, суды верно отказали в удовлетворении ходатайств об объединении рассмотрения заявлений кредиторов, поданных раздельно, в одном случае, и заявлений кредитора и должника – в другом случае⁶.

Также отметим, что сложность для суда и правоприменителей представляет установление правила о применении норм Закона 2012 г. «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» по незавершенным делам об экономической несостоятельности (банкротстве), возбужденным до 01.10.2023 г. (до даты вступления в силу нового Закона) (п. 2 ст. 228 Закона). Процессуальные нормы Закона 2012 г. должны применяться до наступления юридического факта – завершения указанных выше дел путем вынесения экономическим судом определения о прекращении производства по делу либо о завершении ликвидационного производства. На 01.10.2025 г. в производстве экономических судов Беларуси находится 36 дел об экономической несостоятельности (банкротстве), сроки санации либо ликвидации по которым установлены до 2026 – 2029 гг.⁷ Таким образом, имеет и будет иметь место применение специальных норм Закона 2012 г. по ограниченному количеству дел.

В контексте третьего уровня норм обратим внимание на такое возможное негативное последствие специализации, как усложнение гражданского процессуального права за счет увеличения количества нормативного материала. Примерами дефектов являются дублирование следующих правил в КГС и Законе: нормы о немедленном исполнении ряда определений по делам об урегулировании неплатежеспособности (пп. 3–7 ст. 319 КГС и ч. 1 п. 8 ст. 32 Закона) и решений по ним (пп. 11–14 ст. 301 КГС и ч. 1 п. 5 ст. 18 Закона), о добросовестном пользовании процессуальными правами (п. 5 ст. 57 КГС и п. 2 ст. 36 Закона); примерами излишней конкретизации являются нормы пп. 12–13 ст. 66 Закона и пп. 3–4 ст. 73 Закона о содержании заявления и приложениях к заявлению о признании недействительным решения собрания кредиторов и заявлению о требовании, соответственно. Предлагается устранить выявленные дефекты путем внесения изменений в Закон. Также в связи с вступлением в силу КГС с 01.01.2026 г. представляется необходимым привести Закон в соответствие с КГС.

Заключение. Обобщая вышесказанное, мы приходим к выводу о том, что структура законодательства, регламентирующего гражданское судопроизводство по делам об урегулировании неплатежеспособности, является сложной и многоуровневой. Установление структуры имеет важное прикладное и теоретическое значение. Представляется возможным выделить три уровня рассматриваемых процессуальных норм:

- 1) общие нормы, отражающие функциональное назначение гражданского процесса, цели, задачи, принципы гражданского судопроизводства;
- 2) специальные процессуальные нормы, отражающие сущность предмета судебной деятельности гражданского (искового) судопроизводства;
- 3) специальные нормы о порядке рассмотрения и разрешения основных дел о несостоятельности и банкротстве и споров, связанных с ними. При этом дифференциация специальных норм имеет несколько порядков.

⁴ О практике рассмотрения экономическими судами дел об урегулировании неплатежеспособности (по материалам обзора) // Судовы веснік. – 2025. – № 1. – С. 17–39. – С. 21.

⁵ Там же. – С. 24, 30.

⁶ Там же. – С. 23.

⁷ Справка по делам об урегулировании неплатежеспособности, находящимся в производстве экономических судов в период с 01.08.2025 по 01.09.2025. – URL: <https://court.gov.by/ru/spravochnaya/informaciya/e4394369e7e04ad5.html>

К нормам вторичной специализации относятся процессуальные нормы, регулирующие порядок рассмотрения и разрешения: дел о несостоятельности; дел о банкротстве; дел о банкротстве отдельных категорий должников; дел, рассматриваемых в упрощенной процедуре банкротства, в отношении ликвидируемых и отсутствующих должников.

Изложенная структура законодательства, регламентирующего производство по делам об урегулировании неплатежеспособности, подлежит учету экономическим судом в ходе рассмотрения соответствующей категории дел.

В заключение подчеркнем, что основанием специализации процессуальных норм является потребность в эффективной судебной деятельности. При этом стабильное развитие гражданского процессуального законодательства и эффективность судебной деятельности обеспечивается оптимальным уровнем специализации, балансом общего и особенного в процессуально-правовом регулировании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гольмстен А.Х. Исторический очерк русского конкурсного процесса / под ред. А. Г. Смирных. – 2-е изд. – М.: «Издание книг ком», 2019. – 288 с.
2. Малышев К.И. Исторический очерк конкурсного процесса. – СПб.: Тип. И.И. Глазунова, 1871. – 176 с.
3. Малышев К.И. Избранные труды по конкурсному процессу и иным институтам торгового права. – М.: Статут, 2007. – 795 с.
4. Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс. – 3-е изд. – М.: Статут, 2021. – 471 с.
5. Свириденко О.М. Развитие института несостоятельности в странах Западной Европы (в период до начала XX века) // Право и государство: теория и практика. – 2005. – № 8. – С. 35–48.
6. Подольский Ю.Д. Обособленные споры в банкротстве. – М.: Статут, 2020. – 171 с.
7. Слепченко Е.В. Производство по делам о банкротстве в арбитражном суде. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. – 346 с.
8. Конкурсное производство: учеб.-практ. курс / Под ред. В.В. Яркова. – СПб.: ИД СПб. гос. ун-та – Изд-во УрГЮА, 2006. – 352 с.
9. Баулин О.В. Специальные нормы в гражданском процессуальном праве. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1997. – 101 с. – С. 94–100.
10. Потапенко Е.Г. Теоретико-историческое исследование специализации и унификации российского цивилистического процессуального права. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2019. – 176 с.
11. Громошина Н.А. Дифференциация, унификация и упрощение в гражданском судопроизводстве. – М.: Изд-во Проспект, 2010. – 264 с.
12. Каменков В.С. Понятие законодательства о банкротстве, его основные термины, цели и задачи // Вестник Высшего Хозяйственного Суда. – 2009. – № 11. – С. 80–93.

Поступила 17.10.2025

ON LEGISLATION GOVERNING INSOLVENCY PROCEEDINGS IN THE REPUBLIC OF BELARUS

T. KOREN

(Mogilev State A. Kuleshov University)

This article examines the structure of legislation governing insolvency proceedings in the Republic of Belarus, taking into account the specialization of procedural rules and the updating of Belarusian civil procedural legislation as part of the ongoing judicial reform. Based on an analysis of the relevant procedural rules, the author formulates the specific features of this structure and defines a hierarchy of procedural rules. The article emphasizes the practical significance of the study and analyzes certain judicial errors in the application of special procedural rules in bankruptcy cases. The author identifies shortcomings (defects) in the specialization of procedural rules and formulates proposals for their elimination.

Keywords: *insolvency and bankruptcy proceedings, specialization, procedural rules.*

УДК 349.6

DOI 10.52928/2070-1632-2025-73-4-103-108

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ БИЗНЕСА

*канд. юрид. наук М.П. КУРИЛОВИЧ**(Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск)*ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1067-1310>*канд. юрид. наук А.И. МИХАЙЛОВА**(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)*ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3788-2089>

В статье обосновано выделение эколого-правовой культуры бизнеса в качестве самостоятельной правовой категории в силу существующих особенностей эколого-правового положения хозяйствующих субъектов и учета неотвратимости воздействия на окружающую среду осуществляемой ими хозяйственной деятельности. В рамках проводимого анализа, авторами исследуются вопросы выполнения субъектами экономической деятельности природоохранных требований, осуществления мер по минимизации экологических рисков, внедрения научно-технических методов, развития государственно-частного партнерства и др. Результатом проведенного исследования стало определение содержания понятия «эколого-правовая культура бизнеса», выработка критериев, лежащих в основе её становления, а также установление элементов такой культуры, что вносит ясность в понимание исследуемой дефиниции и способствует развитию доктрины экологического права.

Ключевые слова: экологическая культура, эколого-правовая культура, требования в области охраны окружающей среды, экологический комплаенс, цели устойчивого развития, субъекты хозяйствования.

Введение. Интенсивное развитие экономики в современном мире порождает многочисленные барьеры для установления рационального соотношения экономических и экологических интересов, ставя под угрозу обеспечение благоприятного состояния окружающей среды. Экологическая культура является одним из важнейших факторов, позволяющих обеспечить благоприятное состояние окружающей среды, к тому же от уровня экологического правосознания во многом зависит эффективная реализация законодательства в области охраны окружающей среды. В доктрине экологического права отмечается, что «общеобязательность экологических требований проявляется в их обеспечении принудительной силой государства. В то же время правосознание, воплощая экологические идеи, взгляды, требования, служит идейным источником формирования норм экологического права, которое, в свою очередь, выступает регулятором экологически значимого поведения» [1, с. 358]. Любое общественное объединение, коллектив предприятия, государство либо единоличный субъект могут осуществлять результативно свою деятельность лишь при наличии определенной парадигмы, формирующей экологически значимое поведение субъекта. Например, бесспорно, граждане, осуществляющие сортировку мусора, общественные объединения, выступающие за улучшение городской экологической обстановки, демонстрируют высокий уровень экологической культуры.

Таким образом представляется необходимым определить особенности формирования эколого-правовой культуры субъектов, чья деятельность оказывает наибольшее воздействие на состояние окружающей среды. Речь пойдет о субъектах бизнеса (юридических лицах и индивидуальных предпринимателях). Предметом данного исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе формирования эколого-правовой культуры бизнеса.

Основная часть. Национальные приоритеты в контексте достижения глобальных целей устойчивого развития, реализация которых возможна лишь при использовании особых правовых регуляторов, к которым относятся и правовые инструменты идеологического содержания, выстраиваются на уровне документов программного и стратегического характера. В Концепции правовой политики Республики Беларусь¹ обращено внимание на обеспечение экологического благополучия граждан как одного из приоритетных направлений современной государственной политики (п. 18), формирование высокого уровня правосознания, правовой культуры в обществе (п. 37). Повышению правовой культуры в контексте обеспечения национальной безопасности уделено внимание и в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь², в которой также среди важнейших направлений защиты от внешних угроз отмечается необходимость адаптации секторов экономики к изменениям окружающей среды. Положения названных документов наглядно демонстрируют значимость экологической составляющей национальной безопасности, достигаемой, в том числе, и путем формирования уровня правосознания отдельных субъектов.

Прежде чем определить концептуальные основы формирования эколого-правовой культуры бизнеса следует разобраться с содержанием понятия «правовая культура», для определения которого обратимся к дефиниции, сформулированной С.Г. Дробязко: «правовая культура – система воспроизводства правовых ценностей, выражающихся в реальном устойчивом прогрессивном правовом сознании, истинном восприятии и развитии

¹ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32300196>.

² URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005>.

правовых принципов и основанных на них систематизированных юридических актов, устанавливаемых и реализуемых в соответствии с устоями правовой законности и правового порядка» [2]. Анализируя подходы некоторых других ученых к определению правовой культуры, отметим, что многие авторы прямо или косвенно определяют её через категорию «ценность» [3; 4]. В данном контексте согласимся с утверждением, что «правовая культура должна представлять не те или иные правовые ценности, а самих членов правового общества, как конкретную личность, так и коллектив» [5, с. 31]. Для целей нашего исследования следует обозначить, что процесс становления правовой культуры актуален не только в отношении граждан, коллегиальные субъекты также обладают особой правовой культурой, которая на данном этапе комплексно не исследована.

Исходя из вышеизложенного к функциям правовой культуры можно отнести: определение направления необходимого воздействия на объективную правовую реальность; определение потребности социально-правового развития общества; осуществление непосредственного процесса правового воздействия на объективную правовую действительность; отражение черт динамического и статического регулирования общественных отношений через умения и навыки использования правового инструментария [4]. Перечисленные функции, в свою очередь, демонстрируют содержание понятия «правовая культура».

На данном этапе развития экологических отношений вопрос об экологическом правосознании бизнес-сообществ в юридической литературе комплексно не рассматривался, хотя, как нам представляется, он имеет очень сложную проблематику. В правовой доктрине отсутствует целостный подход к пониманию эколого-правовой культуры, как и единство в выделении элементов, её составляющих. Например, к ним относят состояние эколого-правового сознания (знание эколого-правовых норм, их понимание, осознание необходимости их соблюдения), состояние природоохранного законодательства (его содержание и форма, отсутствие пробелов, экологическая обоснованность, справедливость, адекватность регулируемым общественным отношениям), состояние законности, правопорядка в сфере охраны окружающей среды (реальное исполнение требований эколого-правовых норм), состояние правоприменительной деятельности государственных органов (знание, применение ими экологического законодательства, неотвратимость ответственности за экологические правонарушения, последовательность уровней эколого-правового воспитания и образования) [6]. В то же время В.В. Петров отмечает, что данное понятие должно включать только два признака: «знание, уважение, правильное применение законов об охране природы; понимание, правильное использование социально-экологических закономерностей во взаимодействии общества и природной среды» [7; 8, с. 109–110]. Говоря о субъектах экономической деятельности, вопрос определения элементов, составляющих их эколого-правовую культуру, должен базироваться на особенностях правового положения данных субъектов в системе экологических отношений и специфике осуществляемой ими деятельности.

Таким образом, применительно к отношениям, ставшим предметом настоящего исследования в контексте формирования эколого-правовой культуры бизнеса, верным с точки зрения характеристики его правосубъектности, экологических требований, предъявляемых к деятельности, оказывающей воздействие на окружающую среду, специальных мер эколого-правового характера и др., видится использование конструкции «эколого-правовое положение бизнеса». В.В. Петров отмечал, что роль экологического права заключается в «нахождении наиболее благоприятного для хозяйства и человека сочетания экологических интересов в благоприятной для жизни природной среде с экономическими интересами общественного прогресса» [7]. В связи с чем вопросы эколого-правового положения субъектов хозяйствования, оценки экологических рисков при осуществлении субъектами хозяйствования своей деятельности и управления ими, а также природопользованием и охраной окружающей среды имеют особое значение для достижения баланса экологических и экономических интересов, обеспечения благоприятного состояния окружающей среды.

Выполнение субъектами бизнеса экологического императива напрямую зависит от уровня экологического правосознания руководителя и иных сотрудников юридического лица, наделенных должностными полномочиями, поскольку именно данные субъекты принимают решения, влияющие в последующем на конечный результат экономической деятельности, воздействующей на окружающую среду. В качестве примера следует привести ситуацию, когда должностное лицо принимает решение о внедрении в производство ресурсосберегающих технологий, снижающих вредное воздействие на окружающую среду. В то же время такое решение может быть не принято в связи с существенными затратами, которые не являются обязательными для производства и будут экономически не выгодными, по мнению должностного лица. Ключевое значение занимает волеизъявление должностного лица в принятии (либо не принятии) экологически значимых решений. А.П. Анисимов, говоря об эколого-правовой культуре, отмечает, что в условиях современной экологической ситуации возникает необходимость в модернизации системы образования с целью формирования новой общественной системы ценностей, знаний и умений [9], ученый приходит к выводу, что «наряду с соблюдением экологических требований граждан, обладающий высоким уровнем эколого-правовой культуры, должен уметь использовать знания в области права для судебной или административной защиты окружающей среды или её компонентов, а также индивидуальных и коллективных экологических интересов. И тогда это уже будет понимание эколого-правовой культуры в динамике» [10]. Поддерживая вышесказанное, следует определить, что для формирования высокого уровня эколого-правовой культуры руководящих кадров необходимо непрерывное получение образования в области охраны окружающей среды, в том числе, получение дополнительного образования. Таким образом, в качестве важного элемента, влияющего на становление эколого-правовой культуры бизнеса, следует рассматривать правосознание бизнес-сообществ, которое проявляется посредством формирования правосознания и уровня экологического образования руководителя (должностного лица) субъекта хозяйствования.

Согласно общетеоретическому подходу правовую культуру принято рассматривать в двух аспектах: как индивидуальную и групповую, что оказывает влияние и на становление такого ее вида, как эколого-правовая культура. Говоря о деятельности юридических лиц, необходимо учитывать, что субъектами этих отношений являются все те же физические лица (их группы). В этом смысле эколого-правовая культура хозяйствующих субъектов основывается на сформированной эколого-правовой культуре отдельно взятых единоличных субъектов – физических лицах, входящих в состав коллегиального субъекта, из чего следует, что ключевое значение в процессе формирования эколого-правовой культуры бизнеса имеет соответствующий уровень эколого-правового сознания человека, который характеризуется наличием определенных взглядов, ценностей, экологических знаний о взаимодействии общества и природы, признания необходимости должного выполнения экологических требований. Одновременно значение имеет и принципиальное различие прав и обязанностей носителей этой правовой культуры (юридических и физических лиц), среди которых можно выделить:

1) наделение законодателем названных субъектов принципиально разными правами и обязанностями, в частности, право на благоприятную окружающую среду принадлежит гражданам (ст. 46 Конституции Республики Беларусь 1994 г. (ред. от 04.03.2022), ст. 14 Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ (в ред. от 17.07.2023) «Об охране окружающей среды» (далее – Закон «Об охране окружающей среды»³)), юридические лица данным правом не наделены;

2) гарантии осуществления права общего природопользования физическими лицами для удовлетворения своих потребностей (ст. 29 Закона «Об охране окружающей среды»), в свою очередь юридические лица, как правило, являются субъекты права специального пользования;

3) возможность привлечения к ответственности юридических лиц за вред, причиненный правомерной деятельностью (т.н. «позитивная юридическая ответственность»);

4) сложность и комплексность юридических лиц как субъектов исследуемых отношений, в связи с чем и перечень их обязанностей шире: соблюдать природоохранные требования при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, в том числе, обеспечивать разработку и проведение мероприятий по охране окружающей среды, рациональному (устойчивому) использованию природных ресурсов, применению наилучших доступных технических методов, малоотходных (безотходных), энерго- и ресурсосберегающих технологий, обеспечению экологической безопасности, предотвращению вредного воздействия на окружающую среду (например, посредством проведения экологических мероприятий, развития экологического комплаенса, государственно-частного партнерства и т.д.) и ликвидации последствий такой деятельности.

Понятие «эколого-правовая культура» представляет собой «такое состояние индивидуального и общественного сознания, которое характеризуется соответствием любой экологически значимой деятельности правовым нормам»⁴. Определения дефиниции «экологически значимая деятельность» в белорусском законодательстве не содержится. Вместе с тем, к такой деятельности можно относить любую деятельность, которая оказывает воздействие на окружающую среду и (или) связана с использованием природных ресурсов. В контексте сказанного отметим, что законодатель в редакции Закона «Об охране окружающей среды» от 17 июля 2023 г. в ст. 1 ввел понятие «экологически значимые решения» как раз рассматривая таковые с позиции оказываемого ими влияния на окружающую среду. С учетом сказанного, при понимании, что такая деятельность может осуществляться гражданами не только как физическими лицами, но и как представителями определенных субъектов экономической деятельности, отметим, следующее: *нацеленность* субъектов экономической деятельности на *получение прибыли*, пусть даже при учете современных тенденций по внедрению экологически чистых технологий, на первый взгляд, создает впечатление что термин «эколого-правовая культура» в большей степени относится к обществу и его отдельным гражданам, но никоим образом не к бизнесу. Однако в тех случаях, когда субъекты, имеющие статус юридического лица, участвуют в отношениях публично-правового характера, их функционально-целевая установка несколько меняется и они действуют уже не как субъекты экономической деятельности, а как налогоплательщики, субъекты административной ответственности, участники судопроизводства и т.д.

Так, мы не можем говорить лишь об экономической составляющей бизнеса, не учитывая того факта, что возглавляют юридические лица и осуществляют непосредственную работу люди. Это приводит нас к пониманию необходимости разработки самостоятельного понятия «эколого-правовая культура бизнеса» и его содержания, поскольку отсутствие учета данного обстоятельства препятствует и формированию эколого-правовой культуры бизнеса. Представляется, что под эколого-правовой культурой бизнеса следует понимать позицию субъектов экономической деятельности, при которой они добровольно соблюдают совокупность установленных в законодательстве обязанностей по обеспечению охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, в частности, природоохранные требования, с учетом установленных гарантий осуществления их экологических прав, а также осознанно относятся к ответственности за нарушение законодательства об охране окружающей среды и рационального использования природных ресурсов.

Экологическое мышление и эколого-ориентированное поведение хозяйствующих субъектов определяют направление развития их основной деятельности – экономической. И в том случае, когда мышление приобретает

³ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=v19201982>.

⁴ Буркин Д.О. Правовое образование в механизме формирования эколого-правовой культуры: дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2014. – 242 л.

экологическую направленность, следует рассуждать об осуществлении эколого-значимой деятельности, ориентированной на сохранение окружающей среды. Субъекты бизнеса могут быть экологически осознанными и в случаях применения мер экономического стимулирования в отношении их экологически значимой деятельности. Закон «Об охране окружающей среды» в ст. 43 предусматривает установление льгот при внедрении юридическими и физическими лицами, в том числе индивидуальными предпринимателями, наилучших доступных технических методов, малоотходных, энерго- и ресурсосберегающих технологий, специального оборудования, снижающего вредное воздействие на окружающую среду, использовании отходов в качестве вторичных материальных ресурсов и осуществлении иной природоохранной деятельности. В юридической литературе отмечается, что «специфика инновационной деятельности экологического содержания, формы ее стимулирования, льготы и преференции инвесторов, реализующих экологически значимые проекты, также не находят правового закрепления. Недостаточное развитие правовой основы служит в результате одним из факторов, сдерживающих распространение инноваций экологического содержания на практике» [11, с. 289].

Основными документами, регулирующими переход субъектов хозяйствования на использование наилучших доступных технологий, технических методов, а также в целом «озеленение» их деятельности, являются следующие программные документы: Национальный план действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь на 2021–2025 годы⁵ и Национальная стратегия развития экономики замкнутого цикла (циркулярной экономики) Республики Беларусь на период до 2035 года, которая предполагает внедрение циркулярных бизнес-моделей в зависимости от уровней реализации (от бизнес-моделей отдельных субъектов хозяйствования до механизмов регулирования эколого-экономического состояния урбанизированных территорий и регионов) и провозглашает содействие устойчивому развитию эффективного использования природных ресурсов путем более эффективного использования материальных ресурсов на всех этапах жизненного цикла товаров и услуг. Положения, обеспечивающие развитие «зеленой» экономики в Республике Беларусь включены и в ст. 47 Закона «Об охране окружающей среды» в редакции от 17 июля 2023 г., однако при положительности отражения данного понятия в законе, все же требуется некоторая детализация механизмов её построения.

В силу комплексности сфер деятельности, которые экономика замкнутого цикла охватывает, важным элементом её развития становится партнерство в широком его виде – инициативы крупных компаний, международные соглашения, создающие значительные возможности для формирования новых рынков и партнерских связей. Так, важной составляющей эколого-правовой культуры выступает и умение сформировать необходимые пути сотрудничества для реализации эколого-значимых целей. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года, одобренная протоколом заседания Президиума Совета Министров Республики Беларусь от 2 мая 2017 г. № 10, как и аналогичная стратегия на период до 2035 года⁶, указывают на необходимость экологической направленности развития бизнеса, однако не используют понятие «эколого-правовая культура». В рамках анализа названных документов прослеживается сближение и взаимопроникновение экономического и экологического эффектов: экономический эффект от внедрения циркулярной экономики заключается в «снижении выбросов загрязняющих веществ, сокращении площадей объектов хранения и захоронения отходов, уменьшении потребления дефицитных и ограниченных ресурсов». Нельзя исключать и социальную составляющую при развитии таких отношений, которая зачастую выражается в повышении уровня социальной ответственности за бережное использование материальных ресурсов, обеспечении экологически дружественного отношения к использованным товарам, увеличении числа рабочих мест за счет формирования новых и преобразования традиционных секторов циркулярной экономики и др.

Научный взгляд на идею внедрения экологических инноваций в контексте исследования позволяет прийти к выводу, что использование научно-технических разработок в экономической деятельности сопряжено с наличием у субъекта определенного уровня эколого-правового сознания. Субъекты хозяйствования, выполняющие обязательные требования законодательства в области охраны окружающей среды, безусловно, прямо не преследуют природоохранные цели, придерживаясь основного назначения своей деятельности – извлечения прибыли. Однако, в том случае, когда деятельность хозяйствующих субъектов сопряжена с выполнением требований экологического законодательства и внедрением инновационных решений, дающих экологический эффект, можно рассуждать о том, что одним из факторов, побуждающих их к такому поведению, является высокий уровень эколого-правовой культуры. Учитывая сказанное, представляется, что одним из критериев, способствующих становлению эколого-правовой культуры бизнеса следует рассматривать *инновационность природоохранной деятельности*.

Как уже было обозначено ранее, особое место в структуре эколого-правового положения субъектов бизнеса занимают требования в области охраны окружающей среды. Представляется, что их выполнение (либо невыполнение) на практике позволяет судить о соответствующем уровне экологического правосознания субъектов бизнеса. Правовую основу для регулирования данных общественных отношений составляют нормы, содержащиеся в главе 13 Закона «Об охране окружающей среды» (стст. 56–74). Указанные требования в области охраны окружающей среды изложены законодателем в разрезе отраслей экономики (строительство; энергетика, в том числе использование атомной энергии; сельскохозяйственная деятельность, иные объекты воздействия на окружающую среду). В научной литературе отмечается недостаточность правового регулирования экологических требований, закрепленных

⁵ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100710>.

⁶ URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/ObsugdaemNPA/NSUR-2035-1.pdf>.

в главе 13 Закона, поскольку они не отражают основные виды воздействия на окружающую среду [12]. Следует отметить, что специальное законодательство (законодательство, регулирующее экономическую (хозяйственную) деятельность), также содержит природоохранные требования, при этом простое их выполнение не составляет эколого-правовую культуру бизнеса, а является лишь одним из элементов, её формирующих.

Когда речь идет о субъектах бизнеса, деятельность которых оказывает воздействие на окружающую среду, то цели экологического законодательства сводятся к минимизации такого вредного воздействия посредством использования общеустановленных инструментов правового механизма охраны окружающей среды, включающих экологический аудит, локальный мониторинг, производственные экологические наблюдения, экономическую оценку экосистемных услуг и другие правовые средства. Однако в правовой доктрине отмечается необходимость внедрения инновационных моделей охраны окружающей среды, использование которых позволит минимизировать экологические риски и улучшить качество осуществляемой природоохранной деятельности, в качестве примера таких новшеств следует рассмотреть возможность внедрения системы экологического комплаенса в природоохранную деятельность субъектов бизнеса [13; 14; 15].

В юридической науке экологический комплаенс рассматривается в качестве *программы, которая включает в себя оптимальный набор природоохранных мер, необходимых в определенном случае, при данном виде хозяйственной деятельности, с целью реализации природоохранной политики конкретного субъекта* [13, с. 99]. То есть внедрение комплаенс-программы в деятельность хозяйствующего субъекта позволяет сформировать комплекс эколого-правовых средств, выполнение которых позволит достичь экологически значимый результат в конкретной производственной сфере. Следует отметить, что круг экологических инструментов должен быть персонализирован и сформулирован исходя из специфики деятельности конкретного субъекта экономической деятельности [15]. Надо также учитывать и то, что «такая программа должна включать, наряду с перечнем подлежащих использованию природоохранных инструментов, анализ потенциальных экологических возможностей и рисков в целях информирования о вероятных направлениях совершенствования хозяйственной деятельности (например, возможность применения наилучших доступных технологий), существующих и неиспользуемых мерах охраны окружающей среды и рисках их неиспользования, экономических инструментах охраны окружающей среды и финансовых потерях от их неиспользования, возможностях и обязанностях взаимодействия с общественностью и репутационных издержках их игнорирования» [13, с. 98–99].

При реализации комплаенс-программы субъекты хозяйствования берут на себя повышенные обязательства в экологической сфере, осуществляют учет эколого-правовых рисков, разработку системы эколого-правовых средств с учетом особенностей хозяйственной деятельности субъекта, научно-техническое сопровождение производственной и иной деятельности, что позволяет рассуждать о серьезных финансовых вложениях и заинтересованности в осуществлении экологически значимой деятельности. Вышеуказанное позволяет рассматривать внедрение экологической комплаенс-программы в природоохранную деятельность субъектов бизнеса как инновационное средство достижения целей законодательства в области охраны окружающей среды, способствующее снижению воздействия, оказываемого такими субъектами на окружающую среду.

Заключение. В результате проведенного исследования теоретических основ эколого-правовой культуры авторами обоснована необходимость разграничения подходов к формированию эколого-правовой культуры граждан и эколого-правовой культуры бизнеса, а также выделения последней в качестве самостоятельной правовой категории, поскольку установлено, что юридические лица и индивидуальные предприниматели, обладающие соответствующим уровнем экологического правосознания, осуществляют более результативно свою природоохранную деятельность в отличие от тех, кто руководствуется исключительно обязательностью выполнения экологических требований. В рамках чего определено содержание понятия «эколого-правовая культура бизнеса», разработаны критерии, лежащие в основе её становления, а также элементы такой культуры, что вносит ясность в понимание исследуемой дефиниции и способствует развитию доктрины экологического права:

- под *эколого-правовой культурой бизнеса* предлагается понимать такую позицию субъектов экономической деятельности, при которой они добровольно соблюдают совокупность установленных в законодательстве обязанностей по обеспечению охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, в частности природоохранные требования, с учетом установленных гарантий осуществления их экологических прав, а также осознанно относятся к ответственности за нарушение законодательства об охране окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, осознают важность внедрения природоохранных инноваций;

- становлению эколого-правовой культуры бизнеса способствует: выполнение природоохранных требований с возможным применением инновационных инструментов охраны окружающей среды, способствующих минимизации экологических рисков (например, разработка и внедрение системы экологического комплаенса, реализация проектов в сотрудничестве с государством); наличие юридически обеспеченной возможности бизнеса выступать полноценным партнером по проектам, оказывающим воздействие на окружающую среду (в том числе, развитие государственно-частного партнерства в исследуемой сфере) при учете мнения заинтересованной общественности по этим проектам; со стороны государства – умелое использование позитивного и негативного стимулирования бизнеса к экологически ориентированному поведению;

- в качестве *элементов эколого-правовой культуры бизнеса* выделены следующие: высокий уровень экологического правосознания должностных лиц, участвующих в принятии экологически значимых решений конкретного

предприятия; правомерность деятельности юридических лиц, ее осуществление в соответствии с требованиями в области охраны окружающей среды; внедрение наилучших доступных технологий деятельностью субъекта хозяйствования с целью снижения влияния, оказываемого на окружающую среду; неотвратимость ответственности за нарушение законодательства в об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шеяфетдинова Н.А. Специфика эколого-правового сознания как фактора, способствующего решению экологической проблемы // Общество и право, – 2003. – № 1. – С. 353–365.
2. Дробязко С.Г. Понятие правовой культуры и основные направления повышения ее уровня в условиях формирования социального правового государства и правового гражданского общества // Проблемы формирования и развития правовой культуры белорусского общества: материалы круглого стола, 3-5 февраля 2005 г. – Минск : МИТСО, 2005. – С. 10–15.
3. Карташов В.Н., Баумова М.Г. Правовая культура: понятие, структура, функции / редкол.: В.Н. Карташов (гл. ред.). – Ярославль: Ярославский гос. ун-т, 2008. – С. 8.
4. Славова Н.А. Правовая культура: понятие и функции // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2020. – № 3, Т. 1. – С. 48–55.
5. Алексеев С.С. Общая теория права: курс в 2-х т. – М.: Юрид. лит., 1981. – Т. 1. – С. 21.
6. Кравченко С.Н. Социально-психологические аспекты правовой охраны окружающей среды. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23530283_50389535.pdf (дата обращения: 10.09.2025).
7. Петров В.В. Становление и развитие эколого-правовых исследований // Правовые проблемы экологии. – Сб. – М., 1980. – С. 35–79.
8. Ганичев И.В. Актуальность эколого-правовой культуры // Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 4. – С. 108–110.
9. Anisimov A.P. New purposes and goals of ecological and legal culture development in Russia // Ethics in Science and Environmental Politics. – 2019. – Т. 19. – С. 13–19.
10. Экологическое право России: учебник для бакалавров / А.П. Анисимов, А.Я. Рыженков, С.А. Чаркин. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2013. – 495 с.
11. Шахрай И.С. Экологические аспекты инновационной деятельности: некоторые проблемы правового регулирования в Республике Беларусь // Вестник СГЮА. – 2023. – № 3 (152). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskie-aspekty-innovatsionnoy-deyatelnosti-nekotorye-problemy-pravovogo-regulirovaniya-v-respublike-belarus> (дата обращения: 23.10.2025).
12. Михайлова А.И. Экологические требования как основа хозяйственной деятельности, оказывающей воздействие на окружающую среду // Журнал Юстиция Беларуси. – 2021. – № 7. – С. 73–76.
13. Кванина В.В., Макарова Т.И. Экологический комплаенс в системе правовой охраны окружающей среды // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2020. – № 1. – С. 95–101.
14. Кванина В.В., Макарова Т.И. Публичные и частноправовые средства минимизации экологических рисков: теоретико-инструментальный анализ // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2020. – № 36. – С. 174–188.
15. Михайлова А.И. Роль экологического комплаенса в природоохранной деятельности юридического лица: правовой аспект (на примере нефтеперерабатывающего предприятия ОАО «Нафтан») // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. – 2022. – № 5. – С. 120–125.

Поступила 13.11.2025

CONCEPTUAL BASIS FOR THE FORMATION OF AN ECOLOGICAL AND LEGAL BUSINESS CULTURE

M. KURILOVICH

(Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk)

A. MIKHAILOVA

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

This article substantiates the identification of environmental and legal business culture as an independent legal category based on the existing specifics of the environmental and legal status of economic entities and the inevitability of the environmental impact of their business activities. As part of the analysis, the authors examine issues related to economic entities' compliance with environmental requirements, the implementation of measures to minimize environmental risks, the introduction of scientific and technical methods, the development of public-private partnerships, and other aspects. The study defined the concept of "environmental and legal business culture," developed criteria underlying its development, and identified the elements of such a culture. This clarifies the understanding of the definition and contributes to the development of environmental law doctrine.

Keywords: *environmental culture, environmental and legal culture, environmental protection requirements, environmental compliance, sustainable development goals, economic entities.*

УДК 342

DOI 10.52928/2070-1632-2025-73-4-109-114

**ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ
ПОД ВЛИЯНИЕМ ПРОЦЕССА ЦИФРОВИЗАЦИИ
(Часть 1)**

С.С. ОЛЕСЬКО

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

Изучаются понятие, природа, сущность и ключевые особенности ценностного переосмысления. Иллюстрируется междисциплинарная этимология категории. Выводятся и подробно рассматриваются концептуальные направления и основные аспекты в её понимании: социальное явление, общественный процесс, искомая цель и определённое состояние. Выясняются и объясняются факторы формирования, изменения и утраты ценностей в парадигме отдельного человека как личности и всего общества как социального организма. Выделяется индивидуализация как критерий в усвоении ценностей. На примерах в планетарном масштабе показывается механика и процесс осмысления и переосмысления ценностей. Обнаруживается их корреляция с изменением за счёт виртуализации формы социальной коммуникации. Вводится категория «трендирование ценностей», отражающая их актуализирование. На презумпции невиновности выдвигается и аргументируется тезис о недопустимости переосмысления отдельных конституционных ценностей. Отмечаются роль субъектов и значение целенаправленного управляемого контролируемого переосмысления. Предлагаются формы его осуществления – правовой мониторинг и публичное обсуждение. Выявляются проблемы правового регулирования, правоприменительной практики Республики Беларусь; вносятся предложения по совершенствованию последних.

Ключевые слова: ценности, конституционные ценности, трендирование ценностей, осмысление, переосмысление, общественные отношения, цифровизация, презумпция невиновности, конституция, основной закон, право, публичное обсуждение, правовой мониторинг.

Введение. Под воздействием цифровизации общественные отношения закономерно претерпевают не столько содержательную трансформацию, сколько обусловленную возможностью их возникновения, изменения (преобразования) и прекращения одновременно в реальной и виртуальной параллелях жизни личности, общества и государства. Новые реалии коснулись конституционных ценностей, выступающих идеальным ориентиром, характеризующим свойства и специфику таких отношений и, подобно оттенкам лакмусовой бумажки, выявляющим адекватность правового регулирования и практики правоприменения.

Результатом воплощения в жизнь достижений научно-технического прогресса стало не только возникновение новых конституционных ценностей, включая цифровые, преобразование существующих, сколько их *переосмысление*. Новый взгляд на старые вещи – это выражение, ярче всего иллюстрирующее переосмысление как мыслительный процесс, направленный на поиск актуального смысла, иного, чем тот, что обнаруживался ранее. Отражается и главная черта – существующий опыт как основа для будущего. С аксиологической точки зрения, переосмысление – переоценка. Этот процесс происходит сквозь призму некоего общественного явления или события, способного возыметь различные масштабы, и важно понимать, что и как она преломляет. Субъективность в переосмыслении неисклучаема, но значимым оно становится лишь при условии объективности.

Как правовая категория с оттенками компонент ментальности, психологии, духовности, культуры, идеологии, социологии, политики, экономики, да и некоторых иных, переосмысление осталось вне поля зрения современной правовой науки и неизвестным юридической практике. И, понятно, воспринимается субъективно, пусть это и не совсем так. Несмотря на присущую гуманитарность, в отличие от многих других наук этой группы, юриспруденции имманентна «определённая определённость». Смысл тавтологии заключён главным образом в самом существе права, которое не может быть неконкретным, так как иначе оно становится произвольным от слова «произвол», тогда как по смыслу предполагает упорядоченность от слова «порядок», в данном случае – правовой. И если раньше изучать переосмысление правовых явлений было желательно, сейчас, в условиях цифровизации, это – крайняя необходимость.

Основная часть. Переосмысление конституционных ценностей под влиянием цифровизации во многом обусловлено вынужденным состоянием в связи с необходимостью встраивать в структуру новых реалий существующий уклад идеальных представлений. Прежние подходы могут больше не работать, быть мало- или неэффективными, но жизнь не ждёт и идёт дальше. Следовательно, с позиции общества и государства переосмысление направлено на обеспечение выживания среди (и в среде) других смыслов посредством приспособления, сохранения способность к конструктивности и конкурентности в режиме нетипичности общественных процессов на фоне трансформаций, произошедших, происходящих или предстоящих. Но именно личность воспринимает их быстрее остальных.

Вынося на повестку изучения переосмысление ценностей, важно прояснить философскую природу предмета обсуждения. Её можно выразить по меньшей мере в четырёх ипостасях: 1) социальное явление; 2) общественный процесс; 3) искомая цель; 4) определённое состояние как результат.

Как **социальное явление** переосмысление основано на черте, имманентной человеческому роду, и особенности разума индивида как живого существа – его способности к мышлению. Оно может быть иррациональным, и иногда для эволюционного развития общества нужно именно это по инстинктивным основаниям, лежащим в биологической парадигме человеческих повадок, однако лишь рациональное как двигатель прогресса позволяет обосновывать значимость ценного конкретному человеку как личности в его социальном предназначении. Ясное осознание того, что абсолютно все «[в]еличайшие и наилучшие достижения человеческой мысли формируются по верх изначальных образов, представляющих собой как бы первичный рисунок» [1, с. 83], – резюмирует К.Г. Юнг – *объясняет логику торпедирования мысли как первопричины и фундаментальной основы нашего поведения* (курсив наш). Прогрессивный характер мыслительной деятельности применим и к переосмыслению ценностей. В процессе переоценки наблюдается взаимосвязь с конформностью личности и уровнем общественного консерватизма. Как и любое иное, свойство конституционных ценностей выражается главным образом в их относительной стабильности, что предопределено коллективным стремлением к частной и всеобщей безопасности. Стабильность ценностного уклада, таким образом, определяется пропорцией со степенью консерватизма. Однако, в отличие от личности, общество как социальный живой организм не способно к мышлению и действует по мотивам инстинктов, а не категорий, по наитию.

Показывая это на примере Французской революции, И. Бибо обращает внимание на истинную причину зарождения патриотизма, находящуюся в плоскости демократизации коллективных эмоций, стесняющей личную свободу посредством формирования взаимосвязи с обществом [2, с. 16]. Возникновение и усиление патриотических чувств вызваны переворотом в общественном сознании на счёт желаемого в государстве порядка через высвобождение от собственного роялизма, принятие за идеал правления республиканского типа [3, с. 273]. Их обострение произошло на почве неопределённости с господствовавшим в период с 10 августа по 22 сентября 1792 г. переходным порядком – не республика и не монархия.

Генерация симбиоза личный чувств преданности государственности прослеживается через термин «гражданство», во многих современных государствах понимаемый в контексте определённой устойчивой связи. Как некое эмоционально-чувственное состояние, презюмируя общность и единство восприятия, патриотизм ярко иллюстрирует консервативность подхода общества не только к осмыслению новых, но и переосмыслению сложившихся (устоявшихся) ценностей, транслируемых в его среде существования.

Но девиация уровня общественного консерватизма не только в его умеренности, обуславливающей эволюционный характер развития. На почве её чрезмерности и, вследствие того, внезапного обострения конформизма происходят изменение и переосмысление как конституционных, так и других ценностей. В сочетании со многими факторами и обстоятельствами, как правило, на фоне общественно-политических событий, происходят революции (как Французская, Октябрьская, Ноябрьская и «цветные»), гражданские (как перипетия в переходный период России в преддверии и после распада СССР) и военные конфликты (как Вторая мировая) локального, межгосударственного и мирового масштабов, известные истории. Так, Вторая мировая война, по мнению Н. Мюллера, не столько следствие внутреннего конфликта в системе империализма, сколько главного противоречия социализма и капитализма – производит всё общество, а присваивает лишь часть, – эскалация которого начата с Октябрьской социалистической революции; и тот факт, что из 50 млн жертв 24,5 – гражданские лица, в подавляющем большинстве погибшие не от боевых, а *иных насильственных* действий, подтверждает безудержность стремления гитлеровского рейха достичь своей цели (курсив наш) [4, с. 34–35, 38]. Человеконенавистнический характер войны вызван царившей в Третьем рейхе идеологией расизма, антисемитизма и антикоммунизма ввиду переосмысления ценностей.

Если в итоге переосмысления между ценностями одного и того же или разных обществ возникает противоречие, это способно привести к актам терроризма, которые сопряжены с уничтожением мирного населения по определённым низменным причинам, дестабилизацией действующей власти, сложившейся в государстве обстановки. Как явление терроризм рассматривается реакцией на длительное затягивание с решением назревших проблем социального, политического, экономического, религиозного, а равно иного характера, значимых относительно большей доле населения, а также их обострение. Ему свойственны исключительность к своим ценностям как единственно правильным и фанатизм, которыми объясняется непринятие всех иных, от них отличающихся. В зависимости от направленности цели и доминирующих ценностей терроризм подразделяется на националистический (тигры освобождения Тамил-Илама, ЭТА), религиозный (исламский), религиозно-политический (ОАС, Аль-Каида), политический (Ку-клукс-клан, Бозкурт) и государственный («Грязная война» в Аргентине).

Таким образом, ракурс переосмысления ценностей может быть *позитивным и негативным*.

Особенностью общественных отношений в условиях цифровизации выступает возрастание уровня конформизма по объективным и субъективным причинам. К первым отнесём деление жизни на реальную и виртуальную; смена характера и формы социальной коммуникации вследствие и за счёт формирования виртуальной среды и возникновения сопряжённых с ней новых возможностей; анонимизацию личности; а вторым – осложнение оценки окружающего мира факторами цифровизации; когнитивное искажение восприятия характера и степени значимости жизненных обстоятельств в реальной среде, а в дальнейшем – мышления и поведения; *синдром «развязанных рук и завязанных глаз»*. Их перечень неисчерпывающий.

Авторство в последней концепции в области аналитической и поведенческой психологии за нами. Разработана на основе изучения событий, где наблюдались закономерности определённых проявлений в поведении человека, исследований, подобных «Стэнфордскому тюремному эксперименту», проведённых ранее. Синдром характеризует устремления и поведение в виртуальности, причинность их формирования в условиях анонимизации личности, в частности отражает воспринимаемую относительно собственных деяний ложную вседозволенность, выражение циничности к ним и их последствиям. Так, в виртуальных играх человек: 1) как правило, наделён несколькими жизнями и особыми вымышленными (магическими, мифическими) свойствами (например, навыки (способность) специфически и мгновенно перемещаться в пространстве и во времени; чрезмерно выраженные физическая сила и регенерация); 2) без угрозы какой-либо ответственности, включая моральную и юридическую, может совершать любого рода запрещённые поступки; 3) может лишить жизни своего и чужого персонажа, причинить им физический, психический (с учётом возможной степени эмоциональной выраженности в виртуальности) и имущественный вред, а равно совершать иные подобные деяния против и помимо воли третьих лиц, выражая тем самым свою скрытую агрессию. В реальной жизни первое объективно невозможно, второе исключается разными социальными регуляторами, а третье недопустимо, как с нравственной, так и правовой точек зрения.

Негативные плоды переосмысления ценностей в условиях цифровизации наблюдаемы на примере *актов социальной депривации*, когда человек на период времени некой продолжительности, достаточной для изменения восприятия, самоизолируется от общества в новой среде. Больше всего этому подвержены несовершеннолетние ввиду процесса формирования основ мировосприятия и самоощущения. Известны неединичные случаи парасуицидов и суицидов на фоне искажения восприятия виртуальными играми. По причине безответной любви к персонажу видеоигры-симулятора «DokiDokiliteratureclub» в лице главной героини под именем «Саёри» несовершеннолетним совершено самоубийство, которое предвлялось его неоднократными попытками; при этом лишение жизни подражало девиантному поведению персонажа, в том числе по форме и способу выражения, – путём повешения [5]. К аналогичному итогу приводила игра «Синий кит», распространявшаяся в среде детей в социальных сетях, на иных информационных ресурсах в глобальной компьютерной сети Интернет.

В планетарном масштабе известны множественные случаи убийства и причинения вреда здоровью третьим лицам на фоне игромании. В Королевстве Таиланд девятилетний ребёнок, имитируя обстановку в контексте виртуальной игры, убил друга путём воспроизводства идентичного способа – расстрела (2006 г.)¹. В Российской Федерации 16-летний подросток ударами топора убил собственную спящую мать, отказавшуюся чинить его компьютер для игр (2011 г.); 29-летний мужчина в контексте виртуальной игры, используя нож, убил прохожую (2016 г.)². Из более известных и массовых – нападение 11.01.2006 г. в Москве Российской Федерации на прихожан синагоги хасидской общины Хабад-Любавич, совершённое 20-летним антисемитом А.А. Копцевым, нанёсшим ножевые ранения 10 пострадавшим. Виновный увлекался компьютерными играми, включая «Postal». Вследствие акта терроризма 22.07.2011 г. в Осло и на о. Утёя Королевства Норвегия, совершённого 32-летним неонацистом А.Б. Брейвиком, 77 человек убито и 151 ранен. От виновного известно, что приготовление к преступлению осуществлялось путём моделирования в игре-симуляторе «Call of Duty: Modern Warfare 2».

Примечательно, что все из указанных игр, в связи с которыми совершены преступления, связаны с виртуальным насилием. На основе данных и других фактов усматриваются некоторые половозрастные закономерности, контекстуальные предпосылки воздействия виртуальности на восприятие, мышление и поведение человека. И главную мысль отражает тезис Ф. Ницше о том, что, «если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя». В 2015 г. в ходе исследований Американская психологическая ассоциация пришла к выводу о корреляции использования жестоких видеоигр и агрессивного поведения человека, но не установлено её конкретное выражение³. Принимая во внимание отсутствие глубоких и комплексных исследований в этом направлении (учтя разнообразность предпочтений относительно сюжета виртуальных игр, факторы цифровизации, включая реалистичность, и др.), однозначно утверждать о наличии конкретно-понятных закономерностей, вероятно, преждевременно. Бесспорным всё же представляется изменение виртуальной реальностью восприятия объективной действительности путём искажения, что сказывается на мышлении и опосредованных им поступках.

Непонятно, по каким соображениям виртуальные игры в жанре насилия не запрещены во многих государствах, а допускаются к реализации с определёнными возрастными и иными ограничениями. Они действуют (или вводились) в Австралийском Союзе, ОАЭ, США, Республиках Федеративной Германия, Узбекистан, Китайской Народной, Индонезия, Беларусь, Федерациях Малайзия и Российской, некоторых других. В целом преобладают и более выражены ограничения в правовых системах с достаточно сильным религиозным влиянием на представление о конституционных ценностях и их правовую охрану, и данная правовая традиция в семейно-типовой градации наиболее явная.

Принципиальной разницы в подобных играх и пропаганде насилия, социальной вражды, розни, на наш взгляд, нет. Искривление восприятия, вызванное виртуализацией, нужно рассматривать как следствие эмоционально-психологического самонасилия личности. И.Г. Малкина-Пых понимает (у детей) насилие в этих формах

¹ URL: <https://ura.news/news/3045>.

² URL: <https://bloknot-novorossiysk.ru/news/kompyuternye-igry-1101482> ; URL: <https://saratov.bezformata.com/listnews/nozhom-naigravshis-v-kompyuternie-igri/48004192>.

³ URL: <https://www.apa.org/about/policy/resolution-violent-video-games.pdf>.

как возбуждающее состояние эмоционального напряжения деяние, подвергающее опасности нормальное развитие эмоциональной жизни, тормозящее развитие потенциальных способностей: угроза, грубость, издевательство, оскорбление, любое иное поведение, вызывающее негативную эмоциональную реакцию и душевную боль [6, с. 45, 591, 593]. Вымысел, лежащий в основе видеоигр и иных проявлений виртуальности, однако, воздействует на наше сознание, как и сама реальность. Дж. Диспенза выдвинул теорию, что сознание не способно различать материальное (реальное) и идеальное (воображаемое), из-за чего воспринимает их равнозначно [7]. Важно принять за данность то, что не поддаётся изменению или отмене – виртуальность оказывает воздействие на восприятие путём искажения мыслей, чувств и эмоций, а в дальнейшем по цепочке основанных на них решений и поступков. Предупреждать это можно, если поддерживать среду, обеспечивающую адекватное восприятие, создавая необходимые тому условия.

В настоящее время в Республике Беларусь в правотворчестве баланс конституционных ценностей в этой сфере общественных отношений не обеспечен: между общественным порядком, нравственностью и здоровьем населения, с одной стороны, правами, включая на здоровье, свободами личности и гарантиями их реализации – с другой (ч. 1 стст. 1 и 23 Конституции). Выражается это, в свою очередь, в недостаточной правовой охране данных ценностей ввиду правовых пробелов в регламентации общественных отношений, связанных с оборотом виртуальных игр, сюжет которых сопряжён с насилием, иной информационной продукцией, оказывающей вредное воздействие, прежде всего, на детей. Тем самым определён надлежащий объект правовой охраны. Так, в новых условиях, обусловленных цифровизацией, нарушение правопорядка возможно не только в реальной, но и виртуальной среде, где конституционные ценности подлежат правовой охране и юридической защите на равных. Часть четвёртая пункта первого Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 24.03.2005 г. № 1 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве»⁴ подтверждает это самой возможностью его совершения виртуально. В Законе Республики Беларусь «О здравоохранении»⁵ здоровье человека определено и с точки зрения отсутствия заболеваний, и состояния его полного физического, духовного и социального благополучия (абзац шестой ч. 1 ст. 1). Выше отмечалось, что виртуальность воздействует на восприятие реальности, искажая его. Пока гражданский оборот данной продукции в достаточной степени не урегулирован, нет правовых гарантий, а духовное и социальное благополучие человека под угрозой.

Правовое регулирование общественных отношений в защиту детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, осуществляется Законом Республики Беларусь «О правах ребёнка»⁶. Каждый ребёнок вправе рассчитывать на защиту от информации, содержащей насилие, оправдывающей его и побуждающей к нему, в том числе посредством поощрения, равно как и любое иное асоциальное и криминальное поведение (ч. 1 и 2 ст. 37-1). В зависимости от факторов (включая жанр, тематику, содержание и оформление, особенности возрастного восприятия информации и возможности причинения ею вреда здоровью и развитию детей) информационная продукция подлежит стигматизации присвоением ей специального знака с установлением нижнего порога возрастной категории (0+, 6+, 12+, 16+ и 18+), определяющего ограничительные показания. Этим занимается общественно-консультативный совет, то есть общественно консультационный и координационный орган, созданный при Правительстве Республики Беларусь, принимающий решения рекомендательного характера⁷. В целях защиты детей от такой информации распространение информационной продукции, включая и компьютерные игры, без присвоения соответствующего знака возрастной категории запрещено, кроме случаев необязательности (ч. 1 ст. 37-2 Закона Республики Беларусь «О правах ребёнка»).

Меры направлены на предотвращение в условиях цифровизации искажения у детей восприятия и переосмысления истинных ценностей в негативном формате, но они не являются достаточными, прежде всего с позиции организации. Это подтверждают и рекомендации Коллегии Евразийской экономической комиссии от 14.09.2023 г. № 24 «О защите детей и подростков от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» имплементировать Республике Беларусь в своё законодательство модельный закон о защите детей от такой информации, принятый постановлением от 03.12.2009 г. № 33-15 33-го пленарного заседания Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ⁸. До настоящего времени документ не имплементирован. К пропаганде насилия и жестокости он относит распространение, направленное на формирование в сознании детей установок или стереотипов агрессивного, насильственного поведения либо имеющее целью побудить или побуждающее их к актам противоправного насилия или жестокого обращения с человеком и животными, в том числе посредством романтизации, героизации, оправдания, восхваления и представления нормой поведения либо в качестве приемлемого или предпочтительного способа решения конфликтов и жизненных проблем (п. 29 ч. 1 ст. 3). Закон предусматривает защиту детей и от иной информации.

Нами лишь предпринята попытка показать, каким образом виртуальность способна искажать восприятие ценностей, воздействуя на мысли и поступки человека, в первую очередь, молодого. Неуправляемое переосмысление ценностей должно стать управляемым, и все нужные условия для этого созданы частью второй статьи первой Закона «Об информации, информатизации и защите информации»⁹.

⁴ URL: https://court.gov.by/ru/jurisprudence/post_plen/criminal/vspup/b6f013f4334d4109.html.

⁵ URL: https://www.5gkb.by/media/doc/normat_akti/01_Zakon_435_XII_ot_18_06_93_o_zdravoohranenii.pdf.

⁶ URL: https://adu.by/images/2022/10/o_pravax_rebenka.pdf.

⁷ URL: <http://pda.government.gov.by/upload/docs/file208df568cf6da4e5.PDF>.

⁸ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=F02300313>; URL: <https://iacis.ru/public/upload/files/1/257.pdf>.

⁹ URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800455>.

В целях сбалансирования конституционных ценностей за счёт минимизации рисков негативного переосмысления модельный закон «О защите детей и подростков от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» надлежит имплементировать в национальную правовую систему, чем удастся восполнить пробелы в правовом регулировании. Надлежащая реализация должна обеспечиваться угрозой юридической ответственности, предупреждая нарушения. Представляется нелогичной ситуация, что распространение произведений, пропагандирующих культ насилия и жестокости, порнографических материалов, предметов порнографического характера преследуется по закону, а аудиовизуализированное в играх насилие – нет. Безусловно, по своему смыслу игры носят развлекательный характер, это их цель. Между тем важно задаться риторическим вопросом: допустимо ли в цивилизованном обществе насилие (контролируемое и целенаправленное в указанном случае) и его демонстрацию признавать развлечением, или этот вывод следует считать нелепым? Вспоминаются гладиаторские бои в древнем Риме. Конечно же, речь не о показах фрагментов из событий истории, в которых воспроизводимое насилие неуправляемо и не контролируемо наблюдателем, что выполняет профилактическую, воспитательную и патриотическую функции, и состязаниях в спортивных целях. Виртуальные игры, в отличие от другой информационной продукции, вызывают у несовершеннолетних повышенный интерес, что всё больше вовлекает в процесс, и искажают восприятие объективной действительности. В этом состоит общественная вредоносность, а в ряде случаев – опасность. Молодые люди, прежде всего в подростковом возрасте,кратно подвержены критическому риску созревания компьютерной зависимости, вызывающей агрессию и раздражительное поведение. Специалисты утверждают, что больше рискует тот, кто играет более двух часов в сутки¹⁰.

Цель оправдывает средство – необходимо ввести физическим, включая индивидуальных предпринимателей, и юридическим лицам административную ответственность, и предлагаем дополнить Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (главу 19 «Административные правонарушения против общественного порядка и общественной нравственности») статьёй 19.8-1 со следующим содержанием: «Незаконное распространение информационной продукции, содержащей информацию, причиняющую вред здоровью и развитию детей». Составы правонарушения и санкции:

«1. Незаконное распространение информационной продукции, содержащей информацию, причиняющую вред здоровью или развитию детей, – влечет наложение штрафа в размере от пяти до пятнадцати базовых величин с конфискацией указанной продукции, на индивидуального предпринимателя – от пятнадцати до ста базовых величин с конфискацией указанной продукции, а на юридическое лицо – до двухсот базовых величин с конфискацией указанной продукции»;

«2. То же деяние, совершенное повторно в течение одного года после наложения административного взыскания за такое же нарушение либо в глобальной компьютерной сети Интернет или иной информационной сети, либо с корыстной целью, – влечет наложение штрафа в размере от десяти до двадцати пяти базовых величин с конфискацией указанной продукции, на индивидуального предпринимателя – от тридцати до ста пятидесяти базовых величин с конфискацией указанной продукции, а на юридическое лицо – до трехсот базовых величин с конфискацией указанной продукции».

Целесообразно введение и уголовной ответственности, дополнив главу 29 «Преступления против здоровья населения» Уголовного кодекса Республики Беларусь статьёй 338-3 следующего содержания: «Незаконное распространение информационной продукции, содержащей информацию, причиняющую вред здоровью и развитию детей». Состав преступления и санкция:

«Незаконное распространение информационной продукции, содержащей информацию, причиняющую вред здоровью и развитию детей, повлекшее по неосторожности совершение несовершеннолетним суицида, а равно его попытки, преступления, возникновения у него психического заболевания или иные тяжкие последствия, – наказывается исправительными работами, арестом, ограничением свободы на срок до пяти лет или лишением свободы на тот же срок».

Это повысит и правовую охрану, и юридическую защиту конституционных ценностей в условиях цифровизации, прежде всего, прав и свобод личности, включая право на здоровье, здоровья населения, нравственности, общественного порядка, снизит риск их негативного переосмысления в новых реалиях.

Решение проблемы лежит не только в правотворческой, но и правоприменительной плоскости. В 2018 г. судом округа Ду-Пейдж штата Иллинойс США в отношении 16-летнего подростка было вынесено решение¹¹ о домашнем аресте, запрете на этот период играть в видеоигры с насильственным сюжетом. Установлено: в групповом чате им опубликовано видео из игры с насилием, в контексте чего отправлено сообщение с текстом угрозы применения оружия в школе, где учился. Это было вскоре после совершения 14.02.2018 г. в школе Марджори Стоунман Дуглас США 19-летним Н. Крузом массового нападения, в итоге которого 17 человек погибло и 17 ранено. С позиции гражданского права и процесса мера достаточно эффективна благодаря применению в исковом производстве такого способа защиты права, как пресечение действий, его нарушающих или создающих

¹⁰ URL: <https://bresttur.by/wp-content/uploads/2020/08/%D0%98%D0%BD%D1%81%D1%82%D1%80%D1%83%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%BE-%D0%BC%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5-%D0%BF%D0%B8%D1%81%D1%8C%D0%BC%D0%BE-%D0%BD%D0%B0-2020-2021-%D1%83%D1%87.%D0%B3..pdf>

¹¹ URL: <https://www.chicagotribune.com/2018/02/27/annoyed-sophomore-charged-with-threat-against-lake-park-high-school-in-roselle>.

угрозу его нарушения (п. 3 ч. 1 ст. 11 Гражданского кодекса Республики Беларусь). Эффективен и надзор за счёт технологической функции родительского контроля просматриваемого контента, имеющейся в большинстве современных гаджетов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юнг К.Г. Очерки по аналитической психологии. – 4-е изд. – Минск: Харвест, 2021. – 480 с.
2. Бибо И. Пра гаротнасць малых усходнеэўрапейскіх дзяржаў / пер. з венг. А. Храпавицкага. – Минск: Эканом-прэс, 2012. – 108 с.
3. Олар А. Политическая история Французской революции: происхождение и развитие демократии и республики (1789–1804) / пер. с франц. Н. Кончевской. – 4-е изд. – М.: СОЦЭКГИЗ, 1938. – 980 с.
4. Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941–1944) / пер. с нем. А. Артемова, А. Долгорукова [и др.]; под ред. А. Юденкова. – М.: Воениздат, 1974. – 387 с.
5. Голенков А.В., Петров Д.Н. Видеоигры и самоубийства подростков : описание случая и краткий обзор литературы // Девиантология. – 2020. – № 1. – С. 16–21.
6. Малкина-Пых, И.Г. Виктимология. Психология поведения жертвы: учеб. пособие. – СПб.: Питер, 2017. – 832 с.
7. Диспенза Дж. Сила подсознания, или как изменить жизнь за 4 недели / пер. с англ. А. Петренко. – М., 2017. – 480 с.

Поступила 18.11.2025

RETHINKING CONSTITUTIONAL VALUES INFLUENCED BY THE DIGITALIZATION PROCESS (Part 1)

S. ALESKA

(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

The concept, nature, essence, and key features of value rethinking are explored. The interdisciplinary etymology of the category is illustrated. Conceptual approaches and key aspects of its understanding are identified and examined in detail: social phenomenon, social process, desired goal, and specific state. The factors that shape, change, and lose values are elucidated and explained within the paradigm of the individual as a personality and society as a social organism. Individualization is highlighted as a criterion for the assimilation of values. Examples on a global scale illustrate the mechanics and process of understanding and rethinking values. Their correlation with change due to the virtualization of social communication is discovered. The category of "trending of values" is introduced, reflecting their actualization. The presumption of innocence is used to advance and argue the thesis that rethinking individual constitutional values is inadmissible. The role of subjects and the importance of targeted, managed, and controlled rethinking are highlighted. Forms for its implementation are proposed, including legal monitoring and public discussion. Problems of legal regulation and law enforcement practices in the Republic of Belarus are identified; proposals for improving the latter are made.

Keywords: values; constitutional values, trending of values, comprehension; rethinking, public relations, digitalization, presumption of innocence, constitution, basic law, law, public discussion, legal monitoring.

УДК 347.122

DOI 10.52928/2070-1632-2025-73-4-115-119

**БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ И ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ
СЛОЖНОГО ОБЪЕКТА И ЕДИНОЙ ТЕХНОЛОГИИ****В.К. РАЮШКИН***(Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь, Минск)*

В статье проведено исследование гражданско-правовой регламентации сложного объекта и единой технологии с точки зрения их применимости для формирования правового режима больших данных как объекта гражданских прав. По итогам исследования сформулированы предложения по введению в национальное гражданское законодательство нового объекта интеллектуальной собственности, предложенного для регламентации больших данных и иных передовых феноменов цифровизации – сложного объекта, а также его содержанию наполнению.

Ключевые слова: *большие данные, объект гражданских прав, сложный объект, единая технология, гражданский оборот, цифровизация.*

Введение. На данный момент большие данные (Big Data) (далее – большие данные) как один из значительнейших феноменов цифровизации занимает умы большого числа исследователей в различных областях науки и техники. Это утверждение является актуальным и для юридической науки и практики. Безусловно, переход к Индустрии 4.0, одним из основных компонентов которой являются большие данные, значительнейшим образом трансформирует все сферы общественной жизни. Данный факт указывает на необходимость формирования надлежащего понимания правовой сущности этого феномена и эффективного правового регулирования оборота больших данных в стране. Ввиду того что, как указывалось нами ранее, «переход прав на большие данные как объект гражданских прав, не получивший должного гражданско-правового регулирования, осуществляется без достаточных для этого правовых предписаний, что порождает риски, существенные для гражданского оборота» [1, с. 162], следует проанализировать правовые конструкции, на наш взгляд, представляющие наибольший интерес для их использования при формировании правового режима больших данных в Республике Беларусь.

Основная часть. Большие данные, по нашему мнению, с юридической точки зрения представляют собой комплексную юридическую модель, существенными признаками которой являются «существование массивов данных, а также использование в отношении массивов данных технологии по их обработке, синкретично составляющей такую категорию объективной реальности, как большие данные» [2, с. 105]. Исходя из этого, на основании проведенного исследования гражданско-правового режима массивов информации (данных) [3] и технологий по обработке больших массивов данных (вместе с программно-техническими средствами, обеспечивающими их функционирование) в структуре больших данных [4], можно сделать вывод, что при сущностном разделении больших данных как комплексной юридической модели на составляющие ее элементы и выявлении потенциально применимых к таким элементам правовых режимов различных объектов гражданских прав, в своем большинстве наиболее подходящими были установлены объекты интеллектуальной собственности.

Ввиду этого представляется обоснованным проанализировать нормативное закрепление свойственного исключительно гражданскому праву Российской Федерации сложного объекта гражданских прав, состоящего из нескольких самостоятельных результатов интеллектуальной деятельности. К тому же ряд ученых, к которым относятся Л.Ю. Василевская, Е.Б. Подузова, В.А. Тасалов [5, с. 19], а также А.В. Минбалеов [6, с. 91] и Е.И. Климко [7, с. 219] полагают, что именно правовую конструкцию сложного объекта следует рассматривать как наиболее подходящую для включения в сферу своего регулирования больших данных.

Правовая норма абз. 1 п. 1 ст. 1240 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) не содержит определение сложного объекта или точных и систематизированных критериев отнесения объектов к категории сложных, вместо этого данная статья закрепляет лишь указание на то, что лицо, организовавшее создание сложного объекта, состоящего из нескольких охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, получает право использовать результаты интеллектуальной деятельности при создании сложного объекта посредством специальных договорных конструкций (договоры об отчуждении исключительного права или лицензионные договоры). При этом данная норма устанавливает закрытый перечень объектов гражданских прав, которые следует признавать сложными объектами: кинофильм, иное аудиовизуальное произведение, театрально-зрелищное представление, мультимедийный продукт и база данных.

Исходя из указанной нормы можем выделить следующие характерные для сложного объекта черты:

- множественность охраняемых результатов интеллектуальной деятельности;
- системная взаимосвязь охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, сформированная для создания сложного объекта;
- наличие лица, организующего создание такого объекта гражданских прав;
- наличие как минимум двух правообладателей результатов интеллектуальной деятельности, передающих права на них организатору;

– надлежащее юридическое оформление перехода прав на результаты интеллектуальной деятельности, входящие в состав сложного объекта, к организатору.

Как писал в отношении объектов, признанных на данный момент в Российской Федерации сложными, В.А. Дозорцев, «комплексный синтетический результат имеет высшую коммерческую ценность, более того, выходит на первый план. Он, как таковой, независимо от составляющих его элементов выступает на рынке, образуя новый вид объекта исключительных прав» [8, с. 213]. И действительно, значение данного объекта для современных, трансформированных под влиянием цифровизации общественных отношений значительно возросло, поскольку новые объекты правоотношений, возникшие под её влиянием, можно представить в качестве различных результатов интеллектуальной деятельности, в совокупности образующих качественно новый объект гражданских прав.

Большие данные имеют схожие с выделяемыми в отношении сложных объектов черты, ввиду чего их также следует рассматривать в качестве имеющих потенциал гражданско-правового регулирования как сложного объекта гражданских прав исходя из следующего:

1. Большие данные как комплексная юридическая модель состоит из массивов данных, а также технологий по их обработке и обеспечивающих функционирование таких технологий программно-технических средств. Как массивы информации, так и технологии вместе с программно-техническими средствами могут получить охрану в качестве различных объектов гражданских прав. При этом, за исключением охраны тех или иных составляющих большие данные сведений в качестве коммерческой тайны, остальные применимые к элементам больших данных правовые режимы объектов гражданских прав являются объектами интеллектуальной собственности. При этом отметим, что охрана результата интеллектуальной деятельности в качестве коммерческой тайны допускается как альтернатива патентованию. Таким образом, большие данные как единый объект соответствует критерию множественности составляющих его отдельных охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, свойственный сложному объекту.

2. Все составляющие большие данные объекты гражданских прав не просто объединены путем простого сложения элементов, но также образуют сложную систему дополняющих друг друга компонентов. Эти компоненты не только создают качественно новый объект, не сводимый к каждому его составляющему элементу в отдельности, но и обеспечивают общий процесс работы такой системы для достижения единой цели – функционирования больших данных и получения полезных результатов от их аналитики. Это свидетельствует о наличии системной взаимосвязи охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, составляющих большие данные.

3. Безусловно большие данные не являются самозарождающимся феноменом цифровизации и их создание является результатом целенаправленной деятельности субъекта, организующего такой процесс. Согласно абз. 1 п. 44 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»: «под лицом, организовавшим создание сложного объекта (статья 1240 ГК РФ), понимается лицо, ответственное за организацию процесса создания такого объекта, в частности лицо, взявшее на себя инициативу и ответственность за создание соответствующего объекта (например, продюсер)». Данная в указанном определении характеристика подходит в своем сущностном наполнении и для организатора создания больших данных, поскольку процесс создания данного объекта, не только координирующего процесс разработки больших данных, но и обеспечивающего его осуществление через получение прав на отдельные объекты гражданских прав, считаем очевидным.

4. Наличие не менее двух правообладателей результатов интеллектуальной деятельности, передающих права на них организатору создания больших данных, вытекает из множественности таких результатов, составляющих большие данные как комплексный объект. Относительно сложного объекта в абз. 1 п. 1 ст. 1240 ГК РФ указано, что организатор создания сложных объектов приобретает права на отдельные результаты интеллектуальной деятельности посредством договоров с «обладателями исключительных прав на соответствующие результаты интеллектуальной деятельности», что подтверждает наличие как минимум двух таких правообладателей. Учитывая множественность результатов интеллектуальной деятельности, входящих в большие данные как комплексный объект, а также их качественные различия (изобретения, промышленные образцы, ноу-хау и компьютерные программы разного назначения), считаем, что правообладателей таких объектов интеллектуальной собственности должно быть несколько.

5. Требование к надлежащему юридическому оформлению перехода к организатору прав на результаты интеллектуальной деятельности, входящие в состав сложного объекта, является обоснованным и может быть применимо и в отношении больших данных. Поскольку организатор их создания также, в целях достаточной правовой охраны больших данных как вновь созданного объекта, должен надлежащим с юридической точки зрения образом закрепить права на результаты интеллектуальной деятельности путем заключения соответствующих договоров, опосредующих переход к нему прав на результаты интеллектуальной деятельности и установить наличие у данных результатов статуса охраняемого объекта.

Таким образом, правовой режим сложного объекта в самом общем виде может охватить такой комплексный по своей сущности объект, как большие данные. Однако это все же потребует адаптации правового режима сложного объекта для целей его введения в гражданское законодательство Республики Беларусь.

Некоторые авторы, такие как А.В. Лисаченко [9, с. 116], В.В. Касулина [10, с. 185] и др., в свою очередь, рассматривают как наиболее подходящий для инновационных технологических продуктов цифровизации (к какому, безусловно, относятся и большие данные) правовой режим единой технологии, который был закреплен

в главе 77 ГК РФ («Право использования результатов интеллектуальной деятельности в составе единой технологии») до 2022 года. Ввиду этого проанализируем данный объект гражданских прав в контексте исследования его применимости к правовому регулированию больших данных.

В соответствии с абз. 1 п. 1 ст. 1542 ГК РФ (утратившая силу редакция) единая технология – это «выраженный в объективной форме результат научно-технической деятельности, который включает в том или ином сочетании изобретения, полезные модели, промышленные образцы, программы для ЭВМ или другие результаты интеллектуальной деятельности, подлежащие правовой охране, и может служить технологической основой определенной практической деятельности в гражданской или военной сфере». Как видно из представленного определения и содержательного наполнения исключенной из ГК РФ главы 77, единая технология имеет ряд схожих со сложным объектом гражданских прав признаков:

- множественность охраняемых результатов интеллектуальной деятельности;
- системная взаимосвязь охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, сформированная для создания единой технологии;
- наличие лица, организующего создание единой технологии;
- наличие как минимум двух правообладателей результатов интеллектуальной деятельности, передающих права на них организатору;
- надлежащее юридическое оформление перехода прав на результаты интеллектуальной деятельности, входящие в состав сложного объекта, к организатору.

Как отмечалось ранее, большие данные как комплексный объект соответствуют представленным признакам, характерным как для сложного объекта гражданских прав, так и для единой технологии. Однако, наряду со схожими со сложным объектом гражданских прав, единые технологии обладают и рядом характерных только для данного объекта признаками, не свойственными сложному объекту:

1. Возможность включения в состав единой технологии как целостного объекта не подлежащих правовой охране результатов интеллектуальной деятельности, технических данных и другой информации. Данный признак являлся одним из существеннейших преимуществ данного объекта. Поскольку он не создавал препятствий для правового регулирования прогрессивных цифровых технологий, включающих в свой состав результаты интеллектуальной деятельности, не получившие правовой охраны, а также различного рода технические данные (как первично используемые для функционирования цифровых технологий, так и появляющиеся в результате такого функционирования и имеющие потенциал к использованию) и иную информацию (к которой могут быть отнесены общедоступные и иные данные, не обладающие свойством охраноспособности).

2. Качественная определенность единой технологии как научно-технического результата. Это сужало применение данной правовой конструкции до достижений интеллектуальной деятельности исключительно в сфере научных исследований и разработок в области техники и технологий. В то время как сложные объекты имеют более широкое закрепление и охватывают объекты творческого труда. О научно-технической акцентуации данного объекта свидетельствует и название «единая технология», указывающая на технологическую ориентированность такой гражданско-правовой конструкции.

3. Способность единой технологии выступать технологической основой для практической деятельности в специальных сферах (гражданской или военной). Как отмечает А.В. Латынцев, «единая технология является комплексным механизмом (включающим интеллектуальные, правовые, организационные и иные составляющие), то есть «технологической основой», созданной в определенной практической деятельности в целях производства товаров, работ, услуг и иных результатов, представляющих потребительскую или другую ценность» [11, с. 152]. Таким образом, в отличие от абстрактной направленности применения сложного объекта, единая технология имела конкретную ориентированность на ее применение в практической деятельности как в гражданской, так и военной сферах.

4. Бюджетное финансирование создания единой технологии. Этот критерий фактически сводил источники финансирования создания единых технологий исключительно к средствам бюджета Российской Федерации или её субъектов. Таким образом, единые технологии, на которые распространяла свое действие глава 77 ГК РФ, могли быть созданы только по решению государства и с финансированием через государственные контракты, по иным договорам, для финансирования по сметам доходов и расходов и в виде субсидий, о чем указывалось в ст. 15 43 ГК РФ. С одной стороны, такие требования обуславливались спецификой отдельных сфер применения единых технологий (военного, специального или двойного назначения), а с другой, приводили к весьма дискуссионному косвенному запрету создания единых технологий «частными» субъектами.

5. Обязанность применения единой технологии в практической деятельности. В ст. 1545 ГК РФ устанавливалась императивная норма об обязанности как лица, организовавшего создание единой технологии, так и любого лица, получившего право на единую технологию, внедрить её в практическую деятельность. Это требование, в первую очередь, было призвано обеспечить эффективное использование бюджетных средств, выделенных для инвестирования в создание единой технологии, поскольку именно полученными результатами должна подтверждаться обоснованность инвестиций государства. Во вторую очередь, передовые технологические разработки должны быть реализованы на практике для планомерного инновационного роста уровня науки и техники в государстве, чему содействовало закрепление единой технологии в ГК РФ.

И хотя у единой технологии и сложного объекта как объектов гражданских прав есть достаточное количество схожих черт, а отдельные свойственные только единым технологиям требования можно представить в качестве конкретизирующих характеристик, отличающих родовое понятие «сложный объект» от видового понятия «единая технология», существовали некоторые препятствия для признания единой технологии сложным объектом. Во-первых, единая технология не была включена в закрытый перечень сложных объектов гражданских прав, во-вторых, в состав единой технологии могли входить неохранные элементы (результаты интеллектуальной деятельности, технические данные и иная информация), что разительно не соответствовало правовой регламентации сложного объекта.

Данные препятствия могли быть устранены путем внесения соответствующих изменений в абз. 1 п. 1 ст. 1240 ГК РФ, однако гражданское законодательство Российской Федерации пошло путем упразднения главы 77 ГК РФ и, как следствие этого, единой технологии как объекта гражданских прав, получившего свое нормативное развитие не только в ГК РФ, но и в ряде других актов (Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 284-ФЗ «О передаче прав на единые технологии», ряд постановлений Правительства Российской Федерации, методических рекомендаций федеральных органов исполнительной власти и других актов в области создания и использования единых технологий).

Посредством правового режима единой технологии, адаптированного под белорусское гражданское законодательство с исключением требований к сугубо государственному финансированию таких разработок, в целом возможно обеспечить правовую охрану такому комплексному по своей сущности объекту, как большие данные, однако со значительной переработкой его регламентации.

Исходя из приведенного анализа правовых режимов сложного объекта и единой технологии необходимо сделать вывод, что посредством синтеза отдельных характеристик этих объектов, выработанных в гражданском законодательстве Российской Федерации, может быть создана специальная правовая конструкция в рамках гражданского законодательства Республики Беларусь, способная обеспечить надлежащей правовой охраной большие данные, искусственный интеллект и иные новые объекты гражданских прав, возникшие под влиянием цифровизации. В качестве варианта считаем возможным предложить правовую конструкцию сложного объекта. Однако содержательное наполнение данного объекта гражданских прав потребует существенной переработки по сравнению с закреплённой в российском гражданском законодательстве правовой конструкцией, а также с учетом её сильных и слабых сторон, и будет заключаться в следующем:

- отсутствие закрытого перечня объектов гражданских прав, которые являются сложными объектами;
- отнесение к составляющим элементам сложного объекта не только результатов интеллектуальной деятельности, но и иных объектов гражданских прав (нераскрытой информации);
- возможность включения в состав сложных как охраняемых объектов гражданских прав, так и неохранных;
- закрепление за организатором создания такого объекта единого исключительного права на сложный объект, при необходимости из которого могут быть выделены отдельные элементы, являющиеся самостоятельными результатами интеллектуальной деятельности.

Заключение. На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. В условиях внедрения использования больших данных как феномена цифровизации во все сферы общественной жизни встает необходимость в определении применимого к большим данным правового режима. Правовой режим сложного объекта в целом способен обеспечить правовую охрану такому комплексному по своей сущности объекту, как большие данные, однако это все же потребует некоторых корректировок и адаптации регламентации сложного объекта в рамках правовой системы Республики Беларусь для новых передовых объектов гражданских правоотношений, приобретающих все большее значение для общества и государства.

2. Посредством правового режима единой технологии, адаптированного под белорусское гражданское законодательство с исключением требований к сугубо государственному финансированию таких разработок, в целом возможно обеспечить правовую охрану такому комплексному по своей сущности объекту, как большие данные, однако это должно быть сопряжено с внедрением в белорусское гражданское законодательство также и сложного объекта гражданских прав с закреплением единой технологии в качестве разновидности такого объекта. Кроме этого, введение указанных объектов гражданских прав вызовет необходимость в принятии некоторых законов и подзаконных актов, регулирующих вопросы создания и использования как сложных объектов в общем, так и единых технологий, в частности.

3. Возможно введение в национальное гражданское законодательство нового объекта интеллектуальной собственности – сложного объекта. При этом содержательное наполнение данной правовой конструкции потребует существенной переработки по сравнению с уже закреплённым в российском гражданском законодательстве правовым режимом и будет заключаться в следующем: отсутствие закрытого перечня объектов гражданских прав, которые являются сложными объектами; отнесение к составляющим элементам сложного объекта не только результатов интеллектуальной деятельности, но и иных объектов гражданских прав (нераскрытой информации); возможность включения в состав сложных как охраняемых объектов гражданских прав, так и неохранных; закрепление за организатором создания такого объекта единого исключительного права на сложный объект, при необходимости из которого могут быть выделены отдельные элементы, являющиеся самостоятельными результатами интеллектуальной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Раюшкин В.К. Гражданско-правовой оборот больших данных (Big Data): значение и перспективы развития // Проблемы гражданского права и процесса: сб. науч. ст. / ГрГУ им. Янки Купалы; редкол.: И.Э. Мартыненко (гл. ред.). – Гродно: ГрГУ, 2024. – Вып. 9. – С. 157–164.
2. Раюшкин В.К. Понятие больших данных: основные теоретические подходы // Право.by. – 2024. – № 5(91). – С. 100–107.
3. Раюшкин В.К. Гражданско-правовая характеристика информации (данных) в структуре больших данных // Право.by. – 2025. – № 1(93). – С. 75–83.
4. Раюшкин В. Гражданско-правовая характеристика технологий в структуре больших данных // Интеллектуальная собственность в Беларуси. – 2025. – № 3(112). – С. 32–40.
5. Василевская Л.Ю., Подузова Е.Б., Тасалов Ф.А. Цифровизация гражданского оборота: big data в механизме гражданско-правового регулирования (цивилистическое исследование). В 5 т. – М.: Проспект, 2023. – Т. 5. – 360 с.
6. Минбалеев А.В. Правовая природа больших данных // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 88–93.
7. Клишко Е.И. «Большие данные»: проблемы формирования легального определения // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: Материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 16 окт. 2020 г. / Отв. ред. А.М. Бычкова, С.И. Суслова. – Т. 1. – Иркутск: Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2020. – С. 215–220.
8. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: сб. ст. / Исслед. центр частного права. – М.: Статут, 2005. – 416 с.
9. Лисаченко А.В. Право на единую технологию как интеллектуальное право будущего // Российский юридический журнал. – 2021. – № 4(139). – С. 109–117.
10. Касулина В.В. Единая технология как объект гражданско-правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Российская академия адвокатуры и нотариата. – М., 2017. – 216 л.
11. Латынцев А.В. Особенности правового режима единой технологии // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 11(60). – С. 150–158.

Поступила 17.10.2025

**BIG DATA AND LEGAL REGIMES
OF A COMPLEX OBJECT AND A UNIFIED TECHNOLOGY**

V. RAYUSHKIN

(The National Center of Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus, Minsk)

This article examines the civil law regulation of a complex object and a unified technology from the perspective of their applicability to the development of a legal regime for big data as an object of civil rights. Based on the research findings, proposals have been formulated for introducing a new intellectual property object into national civil legislation, proposed to regulate big data and other advanced digitalization phenomena – a complex object, as well as its substantive content.

Keywords: big data, civil rights object, complex object, unified technology, civil circulation, digitalization.

УДК 347.78:004(043.3)

DOI 10.52928/2070-1632-2025-73-4-120-124

ПРОИЗВОДИТЕЛЬ МУЛЬТИМЕДИЙНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

К.Д. САВИЦКАЯ

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1642-6324>

В статье исследуются вопросы правового статуса производителя мультимедийного произведения. В законодательстве Республики Беларусь специальное регулирование в отношении производителя мультимедийного произведения отсутствует. Рассмотрен правовой статус лица, организовавшего создание сложного объекта в Российской Федерации. Автором рассмотрен вопрос возникновения исключительного права на мультимедийное произведение у его производителя. Сформулированы предложения о судьбе исключительного права на мультимедийное произведение в случае ликвидации юридического лица или смерти физического лица, являющегося его производителем. Обоснована целесообразность разрешить производителю мультимедийного произведения, обладающему исключительным правом на произведение, вошедшее в состав мультимедийного произведения, вносить в него изменения, сокращения и дополнения, вызванные необходимостью адаптации произведения к конкретным условиям его использования, обеспечения интерактивности мультимедийного произведения, без получения на это согласия автора произведения. На основании полученных результатов исследования предложено авторское определение понятия «производитель мультимедийного произведения», сформулированы предложения по совершенствованию законодательства Республики Беларусь.

Ключевые слова: мультимедийное произведение, производитель мультимедийного произведения, лицо, организовавшее создание сложного объекта, сложный объект, исключительное право, авторское право, интеллектуальная собственность.

Введение. Появление мультимедийных произведений, состоящих из разнородных объектов интеллектуальной собственности, обусловило возникновение особой иерархически структурированной модели интеллектуальных прав на такие объекты, а также особого субъекта правоотношений – лица, организовавшего создание такого объекта (производителя мультимедийного произведения). В настоящее время законодательство Республики Беларусь не содержит специальных норм в отношении правового статуса производителя мультимедийного произведения, вследствие чего возникает масса вопросов: кто может выступать в качестве производителя мультимедийного произведения, какие права есть у данного субъекта, какие функции он выполняет в процессе создания мультимедийного произведения, на каком основании производитель получает исключительное право на мультимедийное произведение. Цель исследования: обобщить теоретические знания о производителе мультимедийного произведения, определить его функции, разработать понятия «производитель мультимедийного произведения», а также сформулировать предложения по совершенствованию законодательства.

Основная часть. В доктрине особое внимание правовому статусу и функциям производителя мультимедийного произведения было уделено в работах зарубежных авторов (Е.С. Котенко¹, А. Милле [1, с.37], И. Стаматуди [2, с. 33–35]. В Республике Беларусь фундаментальные исследования, посвященные статусу производителя мультимедийного произведения, учеными не проводились.

В Российской Федерации мультимедийное произведение отнесено к числу сложных объектов (ст. 1240 ГК РФ). Для сложных объектов характерно наличие специального субъекта – лица, организовавшего создание такого объекта. С целью изучения правового статуса лица, организовавшего создание сложного объекта, нами были проанализированы работы А.Г. Амбаряна [3], Е.С. Гринь [4], И.Н. Никифоровой², С.В. Новацкого [5, с. 36], И.В. Шостак [6].

В соответствии с дефиницией, предложенной А.Г. Амбаряном, лицо, организовавшее создание сложного объекта – это физическое или юридическое лицо, организовавшее процесс создания (производства) сложного объекта и являющееся обладателем интеллектуальных прав на сложный объект в целом [3, с. 8–9]. В качестве лица, организовавшего создание сложного произведения, отмечает А.Г. Амбарян, может выступать один из перечисленных субъектов только единолично [3, с. 8–9]. Аналогичную позицию высказывали И.А. Зенин [7, с.44] и Е.В. Грушина [8, с. 28]. Противоположную позицию занимает И.Н. Никифорова, по мнению которой организационную деятельность по созданию сложного объекта может осуществлять совместно группа лиц³. Данный подход представляется нецелесообразным, поскольку при признании в качестве лица, организовавшего создание сложного объекта, коллектива, усложнится модель правообладания на сложные объекты. Конструкция сложного объекта призвана облегчить оборот прав на него, что возможно только при условии единоличного правообладания [3, с. 9].

¹ Котенко Е.С. Мультимедийный продукт как объект авторских прав: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – М., 2012. – 230 л.

² Никифорова И.Н. Сложные объекты и произведения с множественностью авторов: дис. ... канд. юрид. наук 12.00.03. – М., 2013. – 157 л.

³ Там же. – Л. 10.

Согласно п. 44 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10 от 23 апреля 2019 г., лицо, организовавшее создание сложного объекта, – это лицо, ответственное за организацию процесса создания такого объекта, в частности, лицо, взявшее на себя инициативу и ответственность за создание соответствующего объекта (например, продюсер)⁴. Используя такую конструкцию в Постановлении, разработчики сделали акцент на деятельности лица, организовавшего создание сложного объекта, которая носит организаторский (нетворческий) характер [3, с. 9]. Таким образом, в Российской Федерации лицо, организовавшее создание сложного объекта, **не является автором такого объекта**. В силу законодательно закреплённой презумпции лицо, организовавшее создание сложного объекта, **наделяется правами на коммерческое использование такого произведения**. В соответствии с п. 1 ст. 1240 ГК РФ такое лицо приобретает исключительные права на сложный объект на основании договоров об отчуждении исключительного права или лицензионных договоров, заключаемых с обладателями исключительных прав на соответствующие результаты интеллектуальной деятельности. Из указанного следует, что деятельность организатора не является творческой, в его качестве могут выступать не только физические, но и юридические лица. В соответствии с п. 4 ст. 1240 ГК РФ лицо, организовавшее создание сложного объекта, при использовании результата интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта вправе указывать свое имя или наименование либо требовать такого указания.

Рассматривая функции организатора сложного объекта И.В. Шостак указывает, что данное лицо координирует весь процесс создания сложного объекта, включая деятельность авторов отдельных произведений, вошедших в его состав [6, с. 42]. С.В. Новацкий полагает, что основными функциями выступают: формирование коллектива авторов; привлечение финансирования; управление процессом создания объекта от составления проекта до введения исключительных прав на него в коммерческий оборот [5, с. 36]. В отношении функций лица, организовавшего создание мультимедийного произведения, в доктрине высказываются разные точки зрения. Так, по убеждению А. Милле, организатор выполняет только организационные и финансовые функции [1, с. 37]. Противоположную позицию занимает И. Стаматуди, указывая, что организатор является своеобразным «архитектором» проекта, поскольку его работа начинается с выбора идеи, концепции проекта, его финансирования, подбора команды до объединения результатов всех участников (в этом проявляется его творческая характеристика). И. Стаматуди полагает, организатора мультимедийного продукта не следует рассматривать аналогично с продюсером фильма. Его деятельность более схожа с режиссерской работой [2, с. 33–35]. По мнению Е.С. Котенко организатор мультимедийного произведения формирует авторский коллектив (приглашение художников, сценаристов, программистов, композиторов и иных лиц); руководит процессом создания объекта от начала составления плана-проекта и до введения исключительных прав на него в коммерческий оборот; финансирует указанный процесс⁵.

На основе проведенного анализа позиций, представленных в доктрине, по нашему мнению, функции организатора мультимедийного произведения заключаются в следующем:

- 1) формирование авторского коллектива;
- 2) руководство процессом создания объекта от начала составления плана-проекта и до введения исключительных прав на него в коммерческий оборот;
- 3) финансирование указанного процесса или поиск инвесторов;
- 4) введение мультимедийного произведения в коммерческий оборот.

По нашему мнению, деятельность лица, организовавшего создание мультимедийного произведения, аналогична функции производителя аудиовизуального произведения, что позволяет приравнять их правовой статус. По белорусскому законодательству производитель аудиовизуального произведения не является автором, поскольку не вносит творческого вклада в его создание. Организатор становится обладателем права использования результатов интеллектуальной деятельности, включаемых в мультимедийное произведение. В качестве производителя аудиовизуального произведения может выступать физическое или юридическое лицо (ст. 4 Закона «Об авторском праве и смежных правах»⁶). По аналогии с аудиовизуальным произведением считаем целесообразным в отношении лица, организовавшего создание мультимедийного произведения, использовать термин «производитель», что позволит соблюсти предписания абз. 6 п. 1 ст. 28 Закона Республики Беларусь от 17.07.2018 № 130-3 «О нормативных правовых актах Республики Беларусь»⁷ в части единства терминологии в законодательстве, единообразия и однозначности терминологии нормативного правового акта.

По нашему мнению, производитель мультимедийного произведения – физическое или юридическое лицо, взявшее на себя инициативу и ответственность за создание и финансирование мультимедийного произведения. При отсутствии доказательств иного, производителем мультимедийного произведения признается лицо, имя или наименование которого обозначены на этом произведении. Предлагаем закрепить данную дефиницию на законодательном уровне путем дополнения ст. 4 после абз. 19 Закон «Об авторском праве и смежных правах»⁸.

Предложенные изменения позволят конкретизировать круг субъектов, которые могут выступать в качестве производителя мультимедийного произведения.

⁴ О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 23 апр. 2019 г. № 10 // КонсультантПлюс. Россия: справ. правовая система (дата обращения: 9.10.2025)

⁵ См. сноску № 1. – Л. 132.

⁶ Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2011 г., № 60, 2/1813.

⁷ Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2018 г., № 2/2568.

⁸ См. сноску № 6.

Исключительное право на мультимедийное произведение первоначально возникает у авторов этого произведения (автора компьютерной программы, автора сценария, автора произведения искусства или дизайна (главный художник-дизайнер компьютерной графики); автора специально созданного для мультимедийного произведения музыкального произведения с текстом или без текста, автора специально созданного для мультимедийного произведения фотографического произведения, в том числе произведений, полученных способами, аналогичными фотографии) [9, с. 50]. Для того, чтобы производитель мультимедийного произведения мог использовать произведение по своему усмотрению в любой форме и любым способом необходимо, чтобы авторы мультимедийного произведения передали исключительное право на мультимедийное произведение его производителю.

Юридическим фактом перехода прав на мультимедийное произведение может являться заключение договора на создание мультимедийного произведения между его производителем и авторами. Подобная конструкция закреплена в ч. 1 п. 2 ст. 12 Закона «Об авторском праве и смежных правах» в отношении аудиовизуальных произведений: «заключение с автором аудиовизуального произведения договора на создание этого произведения влечет переход к производителю аудиовизуального произведения исключительного права на аудиовизуальное произведение на весь срок действия авторского права, если иное не предусмотрено договором»⁹. Таким образом, в силу факта заключения договора на создание аудиовизуального произведения его производителю исключительное право переходит в полном объеме и на весь срок действия авторского права.

По мнению С.С. Лосева, «использование родового понятия «договор» означает, что таковым может быть как гражданско-правовой договор (договор подряда или договор о создании и использовании результата интеллектуальной деятельности), так и трудовой договор» [10]. По нашему мнению, данная позиция является логичной и обоснованной. Считаем целесообразным закрепить в законе «Об авторском праве и смежных правах» аналогичную презумпцию перехода прав к производителю мультимедийного произведения: «Заключение с автором мультимедийного произведения договора на создание этого произведения влечет переход к производителю мультимедийного произведения исключительного права на мультимедийное произведение на весь срок действия авторского права, если иное не предусмотрено договором».

В законодательстве Республики Беларусь нерешенным остается вопрос о судьбе исключительного права на мультимедийное произведение в случае ликвидации юридического лица или смерти физического лица, являющегося его производителем.

Согласно п. 1 ст. 57 Гражданского кодекса Республики Беларусь, «ликвидация юридического лица влечет прекращение его деятельности без перехода прав и обязанностей в порядке правопреемства к другим лицам, если иное не предусмотрено законодательными актами»¹⁰. В соответствии с п. 7 ст. 59 Гражданского кодекса Республики Беларусь: «оставшееся после удовлетворения требований кредиторов имущество юридического лица передается собственнику его имущества (учредителям, участникам), имеющему (имеющим) вещные права на это имущество или обязательственные права в отношении этого юридического лица, если иное не предусмотрено законодательными актами или учредительными документами юридического лица»¹¹. В данной статье не упоминаются исключительные права на объекты интеллектуальной собственности. Соответственно, при ликвидации юридического лица производитель мультимедийного произведения не может передать исключительное право на мультимедийное произведение учредителям либо участникам юридического лица. Следовательно, на практике единственным вариантом является возвращение исключительного права на мультимедийное произведение его авторам.

По нашему мнению, необходимо определить судьбу исключительного права на мультимедийное произведение в случае прекращения деятельности или смерти обладающего этим правом производителя мультимедийного произведения по аналогии с установленными правилами для перехода исключительного права на аудиовизуальное произведение в ч. 3 п. 2 ст. 12 Закона «Об авторском праве и смежных правах». Так, в указанном законе, судьба исключительного права на аудиовизуальное произведение решается в зависимости от того, кто выступал в роли производителя аудиовизуального произведения: если производителем было юридическое лицо, в случае его ликвидации исключительное право автоматически возвращается авторам; если производителем был гражданин (индивидуальный предприниматель), то в случае его смерти исключительное право переходит в порядке наследования и только в случае отсутствия у него наследников автоматически возвращается авторам [10].

Таким образом, считаем целесообразным закрепить на законодательном уровне в Законе «Об авторском праве и смежных правах» следующее правило в отношении мультимедийных произведений: «После ликвидации юридического лица – производителя мультимедийного произведения, а также в случае смерти физического лица – производителя мультимедийного произведения, при отсутствии у него наследников, исключительное право на мультимедийное произведение автоматически переходит к его авторам, в случае смерти авторов – к их наследникам в порядке, установленном законодательными актами».

Значительные сложности возникают с решением вопроса о порядке соблюдения права автора на неприкосновенность при создании мультимедийных произведений. Абз. 4 ч. 1 п. 1 ст. 15 Закона «Об авторском праве и смежных правах» закрепляет запрет на внесение любых изменений, сокращений и дополнений в произведение

⁹ См. сноску № 6.

¹⁰ Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2001 г., № 2/744.

¹¹ См. сноску № 10.

без согласия его автора и не предусматривает исключений в отношении случаев создания мультимедийных произведений¹². Вместе с тем процесс создания мультимедийного произведения связан с внесением изменений, сокращений и дополнений в отдельные произведения с целью адаптации произведения к конкретным условиям его использования в составе мультимедийного произведения. Исключение из общего правила в отношении права на неприкосновенность содержится в п. 6 ст. 17 Закона «Об авторском праве и смежных правах», согласно которому «наниматель, обладающий исключительным правом на служебное произведение, имеет право вносить в него изменения, сокращения и дополнения, вызванные необходимостью адаптации произведения к конкретным условиям его использования, без получения на это согласия автора служебного произведения, если иное не предусмотрено договором между нанимателем и автором. При этом наниматель обязан указать в произведении об осуществленной им адаптации»¹³. Вместе с тем данное исключение не может быть применимо во всех случаях в отношении мультимедийного произведения, поскольку его производитель не всегда состоит в трудовых отношениях с авторами мультимедийного произведения и авторами ранее существовавших произведений или переработанных для целей использования в мультимедийном произведении.

На основании изложенного, считаем целесообразным по аналогии с п. 6 ст. 17 Закона «Об авторском праве и смежных правах» на законодательном уровне разрешить производителю мультимедийного произведения, обладающему исключительным правом на произведение, вошедшее в состав мультимедийного произведения, вносить в него изменения, сокращения и дополнения, вызванные необходимостью адаптации произведения к конкретным условиям его использования, обеспечения интерактивности мультимедийного произведения, без получения на это согласия автора произведения. По нашему мнению, считаем обоснованным предоставить сторонам возможность определить иные условия и порядок внесения производителем мультимедийного произведения изменений, сокращений и дополнений в произведение в договоре. Данное требование целесообразно распространить на авторов мультимедийного произведения и на авторов ранее существовавших произведений или переработанных для целей использования в мультимедийном произведении. Производитель мультимедийного произведения обязан указать в произведении об осуществленной им адаптации.

Считаем целесообразным за производителем мультимедийного произведения признать право указывать свое имя (наименование) при любом использовании этого произведения, а также требовать его указания от третьих лиц. Возможность указывать свои имя (наименование) при любом использовании произведения позволит индивидуализировать продукцию на рынке, выстроить ассоциативные связи с конкретным производителем у потребителя, что позволит создать конкурентное преимущество и узнаваемость на рынке товаров и услуг и будет способствовать построению хорошей маркетинговой стратегии для продвижения товара.

Производитель мультимедийного произведения должен заключить договоры с авторами (правообладателями) существовавших ранее произведений или переработанных для целей использования в мультимедийном произведении, то есть с субъектами, которые не отнесены к числу авторов мультимедийного произведения.

Согласно п. 3. ст. 16 Закона «Об авторском праве и смежных правах» производитель мультимедийного произведения будет самостоятельно решать вопрос о наличии или отсутствии авторского вознаграждения за каждый способ использования таких объектов в составе мультимедийного произведения.

Заключение. В результате проведенного исследования нами сформулированы следующие выводы:

1. Производитель мультимедийного произведения – физическое или юридическое лицо, взявшее на себя инициативу и ответственность за создание и финансирование создания мультимедийного произведения. При отсутствии доказательств иного производителем мультимедийного произведения признается лицо, имя или наименование которого обозначены на этом произведении.

Предлагаем закрепить данную дефиницию на законодательном уровне, путем дополнения ст. 4 после абз. 19 Закона «Об авторском праве и смежных правах». Предложенные изменения позволят конкретизировать круг субъектов, которые могут выступать в качестве производителя мультимедийного произведения.

2. Исключительное право на мультимедийное произведение первоначально возникает у авторов этого произведения. Юридическим фактом перехода прав на мультимедийное произведение к его производителю может являться заключение договора на создание мультимедийного произведения между его производителем и авторами.

3. По нашему мнению, необходимо определить судьбу исключительного права на мультимедийное произведение в случае прекращения деятельности или смерти обладающего этим правом производителя мультимедийного произведения по аналогии с установленными правилами для перехода исключительного права на аудиовизуальное произведение в ч. 3 п. 2 ст. 12 Закона «Об авторском праве и смежных правах».

4. Считаем целесообразным по аналогии с п. 6 ст. 17 Закона «Об авторском праве и смежных правах» на законодательном уровне разрешить производителю мультимедийного произведения, обладающему исключительным правом на произведение, вошедшее в состав мультимедийного произведения, вносить в него изменения, сокращения и дополнения, вызванные необходимостью адаптации произведения к конкретным условиям его использования, обеспечения интерактивности мультимедийного произведения, без получения на это согласия автора произведения.

¹² См. сноску № 6.

¹³ См. сноску № 6.

ЛИТЕРАТУРА

1. Mille A. The legal status of multimedia works // Copyright Bull. – 1997. – Vol. 31, № 2. – P. 31–32.
2. Stamatoudi I.A. Copyright and multimedia products: a comparative analysis. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001. – 318 p.
3. Амбарян А.Г. Субъекты интеллектуальных прав на сложные объекты // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2017. – № 9. – С. 7–16.
4. Гринь Е.С., Алексеева В.А. Организатор создания сложного объекта интеллектуальных прав: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 7. – С. 123–128.
5. Новацкий С. Исключительное право на мультимедийное произведение // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2017. – № 2. – С. 33–41.
6. Шостак И.В. Проблемы правового статуса продюсера как субъекта авторского права: по состоянию на 26.02.2018 г. // КонсультантПлюс. Россия: справ. правовая система (дата обращения: 9.10.2025).
7. Зенин И.А. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части четвертой. – М.: Юрайт, 2008. – 626 с.
8. Грушина Е.В. Сложные объекты как новая категория // Законодательство. – 2009. – № 2. – С. 26–31.
9. Савицкая К.Д. Авторы мультимедийного произведения // Интеллектуальная собственность в Беларуси. – 2024. – № 5. – С. 46–52.
10. Лосев С.С. Научно-практический комментарий к Закону Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» : по состоянию на 18 апр. 2013 г. // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 9.10.2025).

Поступила 30.10.2025

MULTIMEDIA PRODUCER: THEORY AND PRACTICE PROBLEMS

K. SAVITSKAYA

(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

This article examines the legal status of the producer of a multimedia work. The legislation of the Republic of Belarus does not specifically regulate the producer of a multimedia work. The legal status of an individual who organized the creation of a complex object in the Russian Federation is examined. The author examines the emergence of an exclusive right to a multimedia work for its producer. Proposals are formulated regarding the fate of the exclusive right to a multimedia work in the event of the liquidation of a legal entity or the death of an individual who is the producer. The advisability of allowing a multimedia work producer, who holds an exclusive right to a work included in a multimedia work, to make changes, reductions, and additions to it, necessitated by the need to adapt the work to the specific conditions of its use and ensure interactivity of the multimedia work, without obtaining the consent of the work's author, is substantiated. Based on the obtained research results, the author proposes a definition of the term "producer of a multimedia work" and formulates proposals for improving the legislation of the Republic of Belarus.

Keywords: multimedia work, multimedia work producer, person organizing the creation of a complex object, complex object, exclusive right, copyright, intellectual property.

УДК 343.85

DOI 10.52928/2070-1632-2025-73-4-125-129

**ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ И ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ
В ВИДЕ АРЕСТА И ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

И.Г. ХОМИЦЕВИЧ

(Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Минск)

В статье комплексно анализируются проблемные аспекты исполнения и отбывания наказаний в виде ареста и лишения свободы в отношении несовершеннолетних в Республике Беларусь. Установлено, что действующее уголовно-исполнительное законодательство не содержит специальных условий для отбывания ареста несовершеннолетними, что сводит к отсутствию их особый правовой статус, а также препятствует получению непрерывного образования. Автор предлагает конкретные законодательные изменения исполнения и отбывания ареста: закрепить право на обучение, расширить систему льготных условий, путем введения разрешения на получение дополнительной передачи и расходования денежных средств, а также введение в качестве меры поощрения снятие судимости после отбывания ареста. Для несовершеннолетних, отбывающих наказание в виде лишения свободы, обоснована необходимость активного применения института общественных воспитателей и создания социально-реабилитационных центров «нового типа» с поэтапной реинтеграцией в общество. Реализация предложенных мер позволит гуманизировать систему наказаний, снизить рецидив преступлений и повысить эффективность ресоциализации несовершеннолетних.

Ключевые слова: *арест, лишение свободы, несовершеннолетние осужденные, арестные дома, воспитательные колонии, право на образование, дистанционное обучение, общественный воспитатель, социально-реабилитационный центр, ресоциализация, Республика Беларусь.*

Введение. В современной уголовно-правовой и уголовно-исполнительной политике Республики Беларусь особое внимание уделяется вопросам назначения и исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних преступников. Среди видов наказаний арест и лишение свободы занимают особое положение, представляя собой наиболее строгие виды, связанные с изоляцией от общества. Несмотря на свою суровость, применение этих мер в исключительных случаях признается необходимым для предотвращения дальнейшей криминализации несовершеннолетних и предупреждения совершения ими повторных преступлений.

Основная часть. Применение ареста (кратковременного лишения свободы в условиях строгой изоляции) в системе наказаний, назначаемых несовершеннолетним, сопряжено с рядом дискуссионных аспектов, касающихся обоснованности и правомерности частого его использования в рамках целей уголовной ответственности. Так, о минимизации практики применения ареста и лишения свободы в отношении несовершеннолетних говорится в п. 17.1 Минимальных стандартных правил ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила)¹, а также в Концепции уголовно-правовой политики Республики Беларусь², предусматривающей п. 43.3 – расширение на практике применения наказаний, альтернативных лишению свободы и иных мер уголовно-правового воздействия за преступления, не представляющие большой общественной опасности и менее тяжкие преступления, включая принудительные меры воспитательного характера в отношении несовершеннолетних.

Так, по справедливому замечанию Э.А. Саркисовой, диссонансом выглядят то, что несовершеннолетние, осужденные к лишению свободы, отбывают это наказание в воспитательной колонии (ч. 3 ст. 115 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), а если они осуждены к аресту, то отбывание его осуществляется хотя и в арестном доме, но в условиях содержания, установленных для осужденных к лишению свободы, отбывающих наказание на общем режиме в тюрьме (ч. 1 ст. 59 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК) [1, с. 108]. Применение наказания в виде ареста реализует важную предупредительно-воспитательную функцию, поскольку наглядно демонстрирует несовершеннолетним преступникам реальные последствия противоправного поведения. Эта мера воздействия создает эффект «шоковой терапии», позволяя подросткам в полной мере осознать строгость уголовной ответственности без применения длительных сроков изоляции. С.В. Кузьменкова в своем диссертационном исследовании указывает, что арест является логичной альтернативой лишению свободы, которое имеет существенно более длительные сроки назначения. При отсутствии ареста в системе мер уголовной ответственности создается своеобразный пробел в системе последовательного применения наказаний в отношении несовершеннолетних³. Особенно важным является тот факт, что исполнение наказания в виде ареста заключается не только в обеспечении изоляции, но должно сопровождаться организационно-правовыми мерами воспитательного воздействия. В своем диссертационном исследовании Л.А. Бахвалова отмечает,

¹ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml.

² URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32300196>.

³ Кузьменкова С.В. Наказание в виде ареста: уголовно-правовая сущность, функции, порядок исполнения: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск, 2019. – 285 л. – Л. 128.

что в Германии арест применяется к несовершеннолетним посредством краткосрочной меры в случаях, когда необходимо разъяснить несовершеннолетним, что преступное поведение не остается безнаказанным. Для достижения цели исправления активно используются методики психотерапевтического воздействия на несовершеннолетних, осужденных к аресту. Однако участие в терапевтической работе является добровольным, в качестве стимулирования к терапии служат меры поощрения, определенные льготы для осужденного⁴.

Полагаем, что для более продуктивной в данном направлении работы с несовершеннолетними, наряду с карательной изоляцией должны обеспечиваться основные средства исправления: образование и воспитание. Арест в отношении несовершеннолетних должен рассматриваться в качестве педагогической функции, которая выведена на передний план, а изоляция используется в виде воспитательной паузы для быстрого формирования у подростков новой идентичности путем получения образования.

Сам по себе арест назначается несовершеннолетним максимум на 2 месяца. Согласно п. 7.10 ст. 68 Кодекса об образовании Республики Беларусь досрочное прекращение образовательных отношений (отчисление) осуществляется при вступлении приговора в законную силу, которым обучающийся осужден к наказанию, исключающему продолжение получения образования. При таких обстоятельствах в отношении несовершеннолетних осужденных к аресту не предусмотрена возможность продолжения образования, согласно ч. 2 ст. 59 УИК. Учитывая вышеизложенное, теряется одно из важнейших средств исправления несовершеннолетнего – получение образования (ч. 3 ст. 7 УИК). То есть осужденный фактически на 2 месяца отстраняется от образовательного процесса, что в будущем затрудняет его ресоциализацию в учреждении образования, а в последующем – и в трудоустройстве.

Согласно постановлению Министерства образования, Министерства внутренних дел и Комитета государственной безопасности Республики Беларусь № 158/156/8 от 24 июня 2022 года «Об обучении и воспитании учащихся, содержащихся под стражей»⁵, законодательно закреплена лишь возможность получения образования для несовершеннолетних, находящихся под стражей, при условии, что они осваивают образовательные программы общего базового образования. Учитывая, что подавляющее большинство арестных домов в Республике Беларусь расположены именно на территории следственных изоляторов, внесение необходимых изменений в УИК и указанное выше постановление, а также обеспечение учреждений соответствующей материально-технической базой для организации полноценного образовательного процесса не является затруднительным или чрезмерно ресурсоемким. При условии, что в соответствии с ч. 5 ст. 144 Кодекса об образовании Республики Беларусь получение базового образования является обязательным.

Дополнительной проблемой является то, что по настоящее время не решен вопрос о том, как несовершеннолетний, находящийся под стражей, а после отбывающий арест, продолжит получение профессионально-технического образования.

В соответствии со ст. 16 Кодекса об образовании Республики Беларусь учреждения профессионально-технического образования вправе реализовывать отдельные модули профессиональных программ в дистанционной форме с применением информационно-коммуникационных технологий в порядке, определяемом Министерством образования. Однако, данные преобразования являются в настоящее время материально затратными и нерентабельными. Учитывая вышеизложенные аргументы, видится целесообразным внести следующие изменения:

– ч. 2 ст. 59 УИК дополнить следующим предложением: «Несовершеннолетние, осужденные к аресту, сохраняют право на продолжение базового и среднего образования в порядке, определяемом законодательством об образовании»;

– дополнить Постановление № 158/156/8 пунктами, указывающими на возможность организации базового и среднего образования для несовершеннолетних, отбывающих арест, не меняя содержание нормативного правового акта.

Предложенные изменения обеспечат реализацию конституционного права на образование (ст. 49 Конституции Республики Беларусь) без существенного увеличения бюджетных расходов, создадут правовые гарантии получения непрерывного образования с дальнейшим получением диплома. Указанные меры смогут способствовать дальнейшей социализации несовершеннолетнего в общество, а также получению рабочего места на основе базового и среднего образования либо дальнейшему продолжению обучения.

Альтернативным решением проблемы является позиция С.В. Кузьменковой, предлагающей перенять опыт отбывания ареста, предусмотренного законодательством Испании, Литвы и Франции⁶. В данных странах допускается отбывание наказания только по выходным дням, а по будням осужденному предоставляется возможность продолжать обучение. Однако, имплементация данной нормы в отечественное законодательство является довольно проблематичной, так как согласно ст. 150 Кодекса об образовании Республики Беларусь обучение происходит и в 5 дневную рабочую неделю, но в режиме 6 дневной недели могут проводиться факультативные, и иные занятия. Учреждения образования от профессионально-технического уровня и выше в большинстве случаев организуют образовательный процесс в шестидневную рабочую неделю. Для реализации опыта Испании и других стран более целесообразно назначать несовершеннолетним не арест, а ограничение свободы с направлением

⁴ Бахвалова Л.А. Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних в уголовном праве России и Германии: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2012. – 215 л. – Л. 97.

⁵ URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=W22238387>.

⁶ См. сноску № 3.

в исправительное учреждение открытого типа, при котором осужденных в дневное время будут направлять в учреждение образования, а вечером обратно доставлять в общежитие для проживания.

Уголовно-исполнительное законодательство не предусматривает специальных условий отбывания ареста несовершеннолетними, что нивелирует их особый правовой статус. Исправление данной ситуации видится во внедрении отдельных льготных положений, адаптирующих режим в арестном доме к нуждам и специфике статуса несовершеннолетних осужденных. Видится необходимым предусмотреть особые условия для несовершеннолетних, а именно: увеличить количество посылок и размер расходования денежных средств в месяц. Изложить ч. 3 ст. 59 УИК следующим образом «Несовершеннолетним, осужденным к аресту, разрешается: получать одну посылку или передачу и одну бандероль или мелкий пакет два раза в месяц, а также ежемесячно расходовать на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости денежные средства, имеющиеся на их лицевых счетах, в размере 4 базовых величин».

Получение посылок в виде продуктов, предметов личной гигиены и вещей от близких родственников смягчит чувство оторванности от семьи, поддержит связь с внешним миром и создаст ощущение заботы, что критически важно для несовершеннолетнего, находящегося в условиях строгой изоляции. Опять же, не будет необходимости родственникам, как сейчас, отправлять посылки по 50 кг, что создает определенные проблемы с хранением личных вещей и продуктов питания. Увеличение лимита посылок и денежных средств также является практической реализацией права несовершеннолетнего осужденного на уровень жизни и условия, необходимые для полноценного физического, умственного и духовного развития в соответствии со ст. 8 Закона Республики Беларусь «О правах ребенка»⁷, которые не могут быть в полной мере обеспечены в арестном доме.

Реализация принципа приоритета воспитательных мер воздействия в отношении несовершеннолетних осужденных требует закрепления для них расширенных, по сравнению со взрослыми, мер поощрения. С.В. Кузьменкова в рамках своего диссертационного исследования, собрав результаты эмпирического исследования, установила, что большинство сотрудников арестных домов считают необходимым дополнить систему поощрений (ч. 1 ст. 61 УИК) в отношении несовершеннолетних такой мерой как «снятие судимости судом после отбытия несовершеннолетним наказания в виде ареста за умышленное преступление по представлению администрации арестного дома». Данное предложение является довольно обоснованным и актуальным. Состояние судимости рассматривается в уголовном праве в качестве средства достижения и закрепления целей уголовной ответственности. Однако, данное состояние связано с рядом правовых и общественных ограничений, которое может усложнять социальную адаптацию и ограничивать в правах. Наличие судимости в начале жизненного пути может негативно влиять на дальнейшую трудовую и социальную сферу деятельности несовершеннолетнего.

Реализация перечисленных выше мер, касающихся исполнения и отбывания ареста несовершеннолетними, позволит привести уголовно-исполнительное право в соответствие с международными стандартами, снизит рецидив преступлений и обеспечит конституционное право несовершеннолетних на непрерывное образование, смягчит последствия строгой изоляции в период отбывания ареста.

Лишение свободы является одним из наиболее распространенных среди всех видов наказания в отношении несовершеннолетних. Так, согласно статистическим данным Верховного Суда Республики Беларусь, его назначали за последнее пятилетие от 11,9% до 25,6% несовершеннолетних осужденных⁸. З.А. Астемиров, указывая на характерную для несовершеннолетних недостаточную зрелость в социальном, психологическом и нравственно-эстетическом отношении, приходит к следующему умозаключению: если у взрослых преступников исправительный аспект занимает основное место, то в отношении несовершеннолетних наряду с ним входят общевоспитательные цели, и исправление происходит в единстве с этими целями [2, с. 83]. Исправление несовершеннолетних преступников может быть наиболее эффективным за счет правильно организованного их воспитания. В связи с этим исполнение наказания в виде лишения свободы в воспитательных колониях (далее – ВК) должно преследовать не только цель исправления, но и цель воспитания. Подобного толкования придерживался законодатель в отношении осужденных несовершеннолетних к лишению свободы, указав название исправительного учреждения – воспитательная колония.

Пребывание несовершеннолетних осужденных в воспитательной колонии совпадает по времени с решающим этапом социализации их личности (с 14 лет). В связи с этим, одной из задач, решаемых ВК, должно стать обеспечение возможностей социализации личности, изъятых из социальных институтов, формирующих их. Исполнение наказания в отношении несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы, регламентировано главой 16 УИК. Осужденные имеют свои особые меры поощрения, с ними проводится воспитательная работа не только начальниками отрядов, но и воспитателями, особое внимание уделяется работе с психологами, обучению, труду и воспитанию. При этом стоит учитывать, что несовершеннолетние, отбывающие лишение свободы, как правило, совершили тяжкие либо особо тяжкие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, посягательством на жизнь и здоровье, а также половую свободу иных граждан. Статистика свидетельствует, что значительная часть несовершеннолетних осужденных имеют сопутствующие психологические либо психиатрические диагнозы, алкогольные либо наркотические зависимости, педагогически запущенны, проживали в асоциальной среде. По мнению В.Б. Шабанова и М.Ю. Кашиńskiego успешность педагогической коррекции поведения у акцентуированных подростков напрямую зависит

⁷ URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12500086>.

⁸ URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/.

от применения индивидуального подхода, основанного на всестороннем учете особенностей конкретной акцентуации [3, с. 87]. В свою очередь А.В. Шабаль предлагает в целях повышения уровня эффективности индивидуального воспитательного воздействия на личность несовершеннолетнего уделить внимание широкому применению института общественных воспитателей, предусмотренной ст. 106 УИК [4, с. 316]. Деятельность общественного воспитателя должна быть связана с оказанием помощи несовершеннолетнему осужденному не только во время отбывания наказания, но и после освобождения. Общественным воспитателем может быть назначен не только сотрудник ОВД, но и члены комиссий по делам несовершеннолетних либо представители государственных или общественных организаций.

Таким образом, институт общественных воспитателей должен представлять собой не формальную меру, а мощный инструмент реализации индивидуально-ориентированного подхода к несовершеннолетним осужденным с акцентуациями характера. Его широкое и системное применение с подбором подготовленных наставников из различных сфер и организаций непрерывного постпенитенциарного сопровождения позволит напрямую влиять на девиантные составляющие (особенно с учетом тяжести совершенных преступлений несовершеннолетними, осужденными к лишению свободы), трансформируя их в социально приемлемые формы поведения и существенно повышая шансы на успешную ресоциализацию.

В настоящее время, не смотря на высокий организационный уровень исполнения наказания и использования средств исправления, остро стоит вопрос, связанный с подготовкой к освобождению несовершеннолетнего, налаживанием социальных связей. Существующая система требует качественной трансформации в направлении индивидуализации подхода, включающей применение института общественных воспитателей, усиления реабилитационной составляющей, особенно в работе с наиболее сложными категориями несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание, в том числе и длительный срок. Данные обстоятельства предопределяют объективную необходимость создания исправительного учреждения для несовершеннолетних осужденных «нового типа», с учетом накопленного опыта зарубежных стран. Контингент воспитательных колоний неоднороден, что требует дифференцированного подхода. Условно-досрочное освобождение и замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания (далее – УДО и ЗНБМ) являются действенными стимулами для несовершеннолетних осужденных, твердо вставших на путь исправления. Однако для значительной части несовершеннолетних, характеризующихся устойчивой девиантной позицией, педагогической запущенностью и наличием взысканий, эти механизмы не работают. С этой категорией осужденных необходима также интенсивная и специализированная работа.

В качестве ключевого нововведения предлагается создание на территории ВК социально-реабилитационного центра (далее – СРЦ), предназначенного для работы с несовершеннолетними осужденными за 12 месяцев до освобождения. Перевод в СРЦ должен стать мощным стимулом для изменения поведения, альтернативой пребыванию в строгих условиях колонии. Видится целесообразным помещение в данные центры осужденных до конца отбывания срока наказания, в том числе до достижения ими 21 года, согласно ст. 132 УИК. Данные нововведения требуют изменений главы 16 УИК в части введения новой статьи 132-1 «Социально-реабилитационные центры при воспитательных колониях». В ч. 1 необходимо определить СРЦ как структурное подразделение воспитательной колонии, предназначенное для содержания и подготовки к освобождению несовершеннолетних осужденных. В ч. 2 закрепить, что перевод в СРЦ осужденных, отбывающих наказание в обычных либо улучшенных условиях, оформляется приказом начальника ВК, согласованным с комиссией по делам несовершеннолетних при местном исполнительном и распорядительном органе, в целях преодоления социальной дезадаптации. В ч. 3 описать специальные условия содержания в СРЦ, которые, оставаясь в рамках режима, должны быть ориентированы на реабилитацию: проживание запирающих в помещениях комнатного типа, усиленное психолого-педагогическое сопровождение, обязательное участие в интенсивных тренингах и программах коррекции девиантного поведения, социально-бытовой адаптации, профориентации, правового просвещения. Основная задача СРЦ является не только приближение условий к жизни на свободе, но и создание интенсивной реабилитационной среды, которая через систему обязательных программ, постоянную работу с психологами, психиатрами (при необходимости) и общественными воспитателями позволит изменить девиантные установки и сформировать законопослушные навыки, необходимые для жизни в обществе. Успешное прохождение программы в СРЦ и положительная динамика могут рассматриваться как основания для последующего ходатайства для УДО и ЗНБМ.

Организация воспитательной работы должна предусматривать переход от отрядной системы к работе с небольшими группами несовершеннолетних. Изменения режима от условий ВК к условиям СРЦ должны предполагать менее травмирующий переход, от жизни в условиях жесткого контроля и подчинения правилам внутреннего распорядка во всех сферах жизни, к жизни в условиях приближенной к свободе: контактов с социальной средой, подготовкой к самостоятельной жизни и трудовой деятельности. Предлагаемая модель СРЦ призвана кардинально изменить подход, сделав акцент на поэтапной реинтеграции, а не на чистой изоляции.

Таким образом, предлагаемая трансформация не требует отказа от существующей системы, а является её логическим и прогрессивным развитием. Несовершеннолетние осужденные последовательно переходят от строгого контроля к условиям, максимально приближенным к свободе. Особо стоит отметить, что предлагаемая нами система охватывает всех осужденных, а не только тех, кто стремится доказать свое исправление.

Схожая модель реформирования уголовно-исполнительной системы в отношении несовершеннолетних осужденных была предложена российским исследователем Ю.А. Кашубой в рамках докторской диссертации⁹ на

⁹ Кашуба Ю.А. Уголовно-исполнительная политика в отношении несовершеннолетних: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Акад. права и упр. – Рязань, 2002. – 439 л. – Л. 154.

тему «Уголовно-исполнительная политика в отношении несовершеннолетних». Предлагалась модель воспитательного центра, в котором будут функционировать: помещения в качестве следственных изоляторов, участок для содержания несовершеннолетних осужденных (функционирующим поэтапным изменением условий: строгие, обычные, облегченные), участок тюрьмы общего режима (для лиц, достигших 18 лет, отрицательно характеризующихся), социально-реабилитационный центр. Однако данная модель так и не была реализована на территории Российской Федерации по причине отсутствия материально-технической базы. Предлагаемая нами модель СРЦ предполагает поэтапное реформирование системы исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних, которое направлено на снижение карательной составляющей и внедрение комплексного подхода, где изоляция сочетается с интенсивной воспитательной, образовательной и реабилитационной работой.

Заключение. Проведенный анализ проблем исполнения наказаний в виде ареста и лишения свободы в отношении несовершеннолетних в Республике Беларусь позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Существующая практика исполнения ареста и лишения свободы в отношении несовершеннолетних содержит внутренние противоречия и системные пробелы. Требуется внесение изменений в уголовно-исполнительное законодательство, направленных на гуманизацию условий отбывания и исполнения ареста, а также лишения свободы в отношении несовершеннолетних. Закрепление права на непрерывное образование в отношении осужденных к аресту путем изменений в ч. 2 ст. 59 УИК и соответствующих нормативных правовых актов, организацию дополнительных льгот в условиях отбывания и исполнения ареста несовершеннолетними (расширение права на получение посылок и передач для несовершеннолетних, а также использование денежных средств), введение в качестве поощрения снятия судимости после отбывания ареста.

2. Исполнение наказания в виде лишения свободы в воспитательных колониях должно быть в большей степени ориентировано на социализацию и подготовку к освобождению несовершеннолетних. Этому максимально будет способствовать активное применение на практике общественного воздействия, особенно институтов общественных воспитателей.

3. Целесообразно создание социально-реабилитационных центров на базе воспитательной колонии, что позволит обеспечить менее травмирующую адаптацию к жизни в обществе после освобождения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Саркисова Э.А. Арест в системе уголовных наказаний // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 5 апр. 2012 г.): тез. докл. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь; редкол.: В.Б. Шабанов (отв. ред.). – Минск, 2012. – С. 107–109.
2. Астемиров З.А. Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних. – М.: Юрид. лит., 1970. – 198 с.
3. Шабанов В.Б., Кашинский М.Ю. Основные условия и причины противоправного поведения несовершеннолетних: криминологический и психологический аспекты // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2013. – № 2. – С. 85–88.
4. Шабаль, В. С. Проблемы исполнения лишения свободы в воспитательных колониях // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: междунар. науч.-практ. конф., (Минск, 21 февр. 2019 г.): тез. докл. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь; редкол.: А.В. Яскевич (отв. ред.). – Минск, 2019. – С. 316–317.

Поступила 13.11.2025

PROBLEM ASPECTS OF THE EXECUTION AND SERVING OF PUNISHMENT IN THE FORM OF ARREST AND IMPRISONMENT IN RELATION TO MINORS IN THE REPUBLIC OF BELARUS

I. KHOMITSEVICH

(Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk)

This article comprehensively analyzes the problematic aspects of the execution and serving of arrest and imprisonment sentences for minors in the Republic of Belarus. It is established that the current penal legislation does not contain special conditions for minors serving arrest, which reduces their special legal status and hinders their ability to receive continuing education. The author proposes specific legislative changes to the execution and serving of arrest sentences: enshrining the right to education, expanding the system of preferential conditions by introducing permission to receive additional transfers and spend funds, and introducing the expungement of criminal records after serving arrest as an incentive. For minors serving imprisonment sentences, the need for the active use of the institution of public educators and the creation of "new type" social rehabilitation centers with a phased reintegration into society is substantiated. The implementation of the proposed measures will humanize the penal system, reduce recidivism, and improve the effectiveness of the resocialization of minors.

Keywords: arrest, imprisonment, juvenile offenders, detention centers, correctional colonies, right to education, distance learning, public educator, social rehabilitation center, resocialization, Republic of Belarus.

УДК 342

DOI 10.52928/2070-1632-2025-73-4-130-133

НАПРАВЛЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

канд. юрид. наук, доц. И.В. ШАХНОВСКАЯ

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

e-mail: i.shakhnovskaya@psu.by

В статье исследуются особенности цифровизации конституционного строя, в частности, института прав и свобод личности. Автор обосновывает необходимость сохранения значимых конституционных ценностей и принципов (приоритета прав и свобод личности, обеспечения прямого действия Конституции, обеспечения и защиты суверенитета государства и др.). Отдельно выделяются направления воздействия информационных технологий на институт конституционных прав и свобод. Автором предлагаются и обосновываются изменения и дополнения действующего законодательства.

Ключевые слова: цифровизация, конституционное право, конституционный строй, институт конституционных прав и свобод, принципы, конституционные ценности.

Введение. В современный период развития общества и государства цифровые процессы оказывают сильное влияние на развитие и трансформацию институтов конституционного строя, сферу конституционно-правового регулирования. Особой задачей в таких условиях ставится недопущение негативного воздействия последствий внедрения информационных технологий на общественные отношения, особенно на институт конституционных прав и свобод личности. Важно выделить возможные допустимые направления трансформации института конституционных прав и свобод, не допустить их умаления или ограничения в современный период.

Основная часть. Одним из важнейших институтов конституционного строя является институт прав и свобод личности, включающий в себя базовые (фундаментальные) права и свободы личного, политического, социального, экономического и культурного характера. Цифровизация конституционного строя в целом предполагает процесс воздействия цифровых технологий на тот круг общественных отношений, который входит в предмет конституционно-правового регулирования. Интересной для дискуссии видится идея А.П. Куницына, который отстаивает позицию о крахе теории естественного права и человеческого разума под воздействием цифровых процессов [5, с. 49]. На наш взгляд, именно конституционное право, как основополагающая отрасль права, должно задать ту идею и концепцию цифровизации конституционно-правовых институтов с неукоснительным соблюдением конституционных норм и принципов. Такой подход обусловлен фундаментальностью конституционно-правовых норм, регламентирующих общие положения для формирования иных отраслей права, императивным характером данной отрасли права, вхождением в предмет конституционного права наиболее важных и значимых для общества и государства общественных отношений.

Соглашаясь с необходимостью и неизбежностью происходящих в мире трансформационных процессов, укажем на необходимость сохранения конституционных принципов и ценностей, к числу которых относятся следующие:

1. Принцип приоритета прав и свобод личности перед интересами общества и государства. Данный постулат четко определяет положение личности в системе отношений, подвергающихся воздействию цифровых технологий, в части трансформации конституционных прав и свобод. Данный принцип гуманизма ставит личность в центр, обязывая государство сохранять и обеспечивать её права и законные интересы. Такой принцип следует называть юридическим антропоцентризмом. Так, признавая человека центральным субъектом правовой системы (как субъекта правотворчества и как субъекта правоприменения), все чаще возникают вопросы о воздействии цифровых технологий на правосознание, мотивы совершения юридически значимых действий субъектом правоотношений. Как отмечают авторы коллективной монографии, «в условиях цифровизации мир стремительно меняется, появляются новые формы деятельности, разворачиваются новые пространства социальных коммуникаций, в итоге все это определяет изменения в менталитете субъекта правоприменения, в доступных ему способах и средствах отражения реальности» [8]. Более того, речь может идти о «замещении», появлении конкурентной модели «человек – искусственный интеллект» в правовой системе.

2. Прямое действие Конституции (ч. 2 ст. 7 Конституции Республики Беларусь). Особую значимость в процессе цифровизации приобретает необходимость обеспечить точную сохранность конституционных ценностей нашего государства, что достижимо, в первую очередь, благодаря прямому действию норм Основного Закона государства.

3. Обеспечение и защита суверенитета государства. В соответствии с ч. 2 ст. 1 Конституции Республики Беларусь «Республика Беларусь обладает верховенством и полнотой власти на своей территории, самостоятельно осуществляет внутреннюю и внешнюю политику». В современный период государству важно сохранить свою независимость и полноту власти на своей территории. В связи с цифровизацией общественных отношений особую значимость в данном ключе приобретает необходимость сохранения суверенитета в цифровой среде (информационного суверенитета) как права государства самостоятельно проводить информационную политику, свободно распоряжаться своими информационными ресурсами.

4. Создание собственной «идеологии цифровизации», что будет способствовать сохранению национальной самобытности, обеспечению преемственности традиционных конституционных ценностей белорусского народа,

несмотря на происходящие цифровые процессы (в частности, ценность личности как таковой, не допускающей возможность признания искусственного интеллекта в качестве субъекта правоотношений). Такую разновидность идеологии отдельные авторы именуют технократической (Л.Ю. Айснер, О.Д. Наумов) [1]. Важной нормой, включенной в Конституцию Республики Беларусь в результате конституционного референдума 2022 года, стало положение ч. 1 ст. 4 Основного Закона в части закрепления идеологии белорусского государства. Директивой Президента Республики Беларусь от 09.04.2025 г. № 12 утверждены Основы идеологии белорусского государства, где констатируется факт переноса ряда общественных отношений в виртуальную среду, а также появление новых форм взаимодействия государства и общества¹. Под идеологией цифровизации необходимо понимать развитие системы взглядов и представлений, направленных на одновременное сосуществование личности и технологий искусственного интеллекта, в основе которого находится принцип приоритета прав и свобод человека, обеспечения целей и ценностей сохранения и развития белорусского общества и государства.

5. Неукоснительное обеспечение принципа верховенства права. Сохранение прежнего места личности в системе правоотношений в цифровой среде возможно, безусловно, благодаря реализации принципа верховенства права. Именно право выступает универсальным регулятором общественных отношений и именно перед правом стоит задача определять правила использования технологий искусственного интеллекта, основанных на рекомендациях международного права (речь идет о разработанных этических принципах регулирования искусственного интеллекта).

6. Сохранение и обеспечение конституционного принципа равенства. В соответствии со ст. 22 Конституции Республики Беларусь «Все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов». Современное развитие информационных технологий оказывает влияние и на обеспечение принципа равенства граждан. Все чаще возникают дискуссии о существовании «цифрового разрыва», о разработке мер по преодолению данного негативного явления. Не следует считать «цифровое неравенство» самостоятельной категорией, это всего лишь результат проявления неравенства в силу возраста, материального уровня жизни, культуры, знаний и возможностей по причине внедрения информационных технологий. Цифровое равенство в настоящий момент следует рассматривать в тесной связи с обеспечением каждому достойного уровня жизни. Согласно ч. 2 ст. 21 Конституции Республики Беларусь в понятие достойного уровня жизни включены достаточное питание, одежда и жилье, а также постоянное улучшение этих показателей. Однако современная реальность требует отнесения к достойному уровню жизни и постоянное улучшение показателей в области доступа населения к информационным технологиям, являющихся необходимыми в ряде случаев как средство удовлетворения базовых потребностей человека. На основании этого видится целесообразным изложение ч. 2 ст. 21 Конституции Республики Беларусь в следующей редакции: «Каждый имеет право на достойный уровень жизни, включая достаточное питание, одежду, жилье, доступ к информационным технологиям и постоянное улучшение необходимых для этого условий».

Институт конституционных прав и свобод личности подвергается воздействию цифровых технологий по ряду важнейших направлений:

1. Посредством появления новых «цифровых» прав и свобод, таких как право на доступ в Интернет, право на защиту цифровой идентичности, право на обеспечение цифрового суверенитета личности, на защиту от информационных манипуляций, цифровой дискриминации, право на защиту персональных данных, отзыв данных, право на забвение в цифровом пространстве, защиту от противоправных деяний в цифровом пространстве, оспаривание решений и действий систем искусственного интеллекта в отношении себя, право на отказ от использования цифровых технологий и др.

Большая часть вышеобозначенных прав имеет конституционно-правовую природу возникновения и базируется на неприкосновенности личности, праве на защиту частной жизни, имеющих свое выражение в сети Интернет. Понятие частной жизни в условиях цифровизации подлежит расширительному толкованию и должно включать, на наш взгляд, следующие обязательные «цифровые понятие и категории»: цифровой образ, цифровой след, персональные данные, цифровая идентичность и т.д. В связи с этим особую актуальность вызывает необходимость дачи толкования ч. 1 ст. 28 Конституции Республики Беларусь Конституционным Судом Республики Беларусь в рамках реализации полномочий, предусмотренных Законом Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве».

Обратим внимание, что право на защиту персональных данных частично нашло свое отражение в тексте белорусской Конституции. Так, согласно ч. 2 ст. 28 Конституции Республики Беларусь определено, что «государство создает условия для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании». Анализ данной конституционно-правовой нормы позволяет сделать вывод о солидарном характере защиты персональных данных: с одной стороны, в создании условий для защиты государством, с другой – реализация принципа личной ответственности за предоставление своих персональных данных, что, на наш взгляд, повышает также реализацию принципа социальной ответственности в государстве.

2. Посредством изменения форм реализации конституционных прав и свобод. В частности, право на неприкосновенность личности должно быть реализовано, в том числе, в сети Интернет (к примеру, как обеспечение цифрового суверенитета личности).

3. Посредством изменения субъекта, ответственного за реализацию определенных прав и свобод человека и гражданина. К примеру, внедрение технологий искусственного интеллекта в работу государственных органов

¹ О реализации основ идеологии белорусского государства [Электронный ресурс]: Директива Президента Республики Беларусь, 09.04.2025 №12 // Эталон. Законодательство Республики Беларусь. – Минск, 2025.

и, например, последующее «общение» технологии с лицом, подающим обращение, ставит под угрозу обеспечение конституционного права гражданина на обращение в государственные органы. В этой связи в научной литературе выделяются различные возможные трактовки правового статуса искусственного интеллекта. Так, М.Б. Добробаба в целом поднимает вопрос о правовом положении искусственного интеллекта – в качестве субъекта или объекта права [4]. С.Е. Чаннов ведет речь о возможности признания искусственного интеллекта в качестве квазисубъекта права, под которым понимается правовое явление, которому в определенных случаях можно придать отдельные элементы правосубъектности, но не обладающее признаками, присущими субъекту права в полной мере [9, с. 102]. В этой связи очевидно правильной представляется научный подход о необходимости четкого формулирования пределов принятия юридически значимых решений со стороны искусственного интеллекта (В.В. Архипов, В.Б. Наумов, К.М. Смирнова [2]).

Чем же обусловлена необходимость определения пределов принятия юридически значимых решений искусственным интеллектом? Ключевым фактором здесь выступает внедрение в работу государственных органов, органов государственного управления различных технологий искусственного интеллекта, что, с одной стороны, повышает оперативность, скорость решения ряда вопросов, улучшает коммуникацию между гражданами и государством, повышая тем самым уровень развития демократии в стране. С другой стороны, такой процесс создает ряд юридических проблем конституционно-правового значения. Например, в Российской Федерации по отчетным документам 2024-2025 года о ходе реализации программы «Цифровая трансформация Новосибирской области» подтверждается внедрение системы генеративного ИИ в процесс приемки государственного контракта, в электронный документооборот, в процесс подготовки ответов на обращения граждан². Схожая практика внедрения технологий искусственного интеллекта в работу с обращениями граждан имеется в Китайской Народной Республике, США, государствах Европейского союза.

В связи с этим возникает вопрос о реализации конституционного права граждан на обращение в государственные органы и обеспечения прямого действия Конституции. Право на обращение является важнейшим политическим правом граждан, важным составляющим элементов прямой демократии, что подразумевает прямое взаимодействие с государственными органами. И здесь очевидно возникает вопрос об обеспечении данного права посредством признания таких «цифровых прав», как право на уведомление о взаимодействии с ИИ, право на отказ от взаимодействия с ИИ, право на пересмотр решения, принятого ИИ, физическим лицом. По мнению А.В. Поповой, важно закрепить принцип информированного согласия или презумпцию несогласия в части взаимодействия с технологиями искусственного интеллекта. Автор отмечает, что простого публичного уведомления в этой связи будет мало [6, с. 71]. Здесь не стоит так конкретно принимать решение по данному вопросу. Безусловно, публичная сфера, если вести речь о внедрении технологий искусственного интеллекта в государственно-управленческую деятельность, требует особого внимания к реализации фундаментальных конституционных прав и свобод. На это особое внимание обращает Э.В. Талапина, рассуждая о взаимодействии человека с алгоритмами искусственного интеллекта сквозь призму прав человека [7]. В настоящий момент мы имеем множество принятых актов программного законодательства по развитию цифровых процессов и делать «шаг назад» в данном направлении и аргументировать негативные аспекты внедрения искусственного интеллекта не имеет смысла.

Отметим, что в Республике Беларусь планируется внедрять элементы искусственного интеллекта в организацию работы с обращениями граждан³. Считаем, что в работе с обращениями граждан сплошная реализация права на отказ от взаимодействия с искусственным интеллектом и предоставление параллельно выбора на взаимодействие с человеком (уполномоченным лицом) порой будет являться избыточным. На наш взгляд, здесь будет зависеть от сферы и от степени значимости юридического решения, которое должно быть итогом по обращению гражданина. Здесь необходимо подчеркнуть значимость ст. 37 Конституции Республики Беларусь, регламентирующей право гражданина на участие в решении государственных дел, и исходя из этого определить пределы возможного принятия решений искусственным интеллектом не только в процессе работы с обращениями граждан, но и во всей публичной сфере в целом. Более правильно, на наш взгляд, предложить такое решение проблемы. Если вопрос относится к сфере юридических решений в области управления делами общества и государства, то принятие решения должно быть за уполномоченным лицом. Иные решения в области государственно-управленческой деятельности допустимо принимать с помощью технологии искусственного интеллекта.

С учетом изложенного и выше обозначенной возможности внедрения технологий искусственного интеллекта в процесс работы с обращениями граждан считаем необходимым внесение изменений в законодательство о работе с обращениями граждан. Так, в ст. 5 Закона Республики Беларусь «Об обращениях граждан и юридических лиц» определены гарантии прав заявителей, к числу которых относятся запрет на разглашение персональных данных заявителя, недопущение ущемления их прав и свобод в процессе подачи обращений и принцип возложения персональной ответственности на уполномоченных лиц за организацию такой работы. В целях дальнейшего обеспечения прав заявителей при подаче обращений в условиях установки государства на внедрение искусственного интеллекта в данную работу предлагаем дополнить статью пятую Закона Республики Беларусь «Об обращениях граждан и юридических лиц» частью 2¹ и изложить норму в следующей редакции: «Не допускается использование технологий искусственного интеллекта в связи с обращением граждан к государственным органам, должностным лицам государственных органов (государственных организаций), если содержание обращения направлено на реализацию конституционных прав и свобод

² Министерство цифрового развития и связи Новосибирской. – URL: digit.nso.ru.

³ Элементы искусственного интеллекта могут внедрить в Беларуси в работу с обращениями граждан/ – URL: <https://belta.by/society/view/elementy-iskusstvennogo-intellekta-mogut-vnedrit-v-belarusi-v-rabotu-s-obraschenijami-grazhdan-720595-2025/>.

либо на обеспечение участия в управлении делами общества и государства (решении государственных дел)». Данное предложение позволит обеспечить принцип демократизма белорусского государства, а также приоритета прав и свобод человека в условиях происходящих цифровых процессов.

4. Посредством возникновения правовой неопределенности (зачастую пробельности) в области регламентации ряда прав и свобод личности. В рамках конституционно-правовой науки необходимым следует ставить вопрос, а способно ли конституционное законодательство Республики Беларусь в своем нынешнем виде урегулировать трансформационные процессы, связанные с реализацией и защитой конституционных прав и свобод. В этой связи зачастую ставится вопрос: какую функцию должно выполнять право – создания «опережающего» законодательства или выступающего регулятором лишь последствий цифровизации. Согласно подходу С.С. Вашуриной, право не должно замедлять технологическое развитие государства [3, с. 79]. Если придерживаться такой точки зрения, то можно сделать вывод, что цель цифровизации – «процесс ради процесса», что не вписывается в систему конституционных ценностей, в рамках которой отдается приоритет интересам личности перед интересами общества и государства. Здесь важно соблюдать баланс – не сдерживать, с одной стороны, технологический прогресс, а с другой стороны – разрабатывать основополагающие принципы для внедрения информационных технологий с целью максимального смягчения негативного воздействия на конституционно-правовые институты, в частности, институт конституционных прав и свобод личности.

Заключение. Происходящие процессы цифровизации оказывают непосредственное влияние на институт конституционных прав и свобод личности. В частности, возникает новая категория прав и свобод – «цифровые права и свободы», возрастает уровень неопределенности правового регулирования данной области, происходят изменения в формах реализации конституционных прав и свобод.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айснер Л.Ю., Наумов О.Д. Идеология цифровизации в дискурсе современного социо-гуманитарного знания // Цифровые технологии в юриспруденции: генезис и перспективы: мат-лы I Междунар. науч.-практ. конф. – 2020. – С. 3–6.
2. Архипов В.В., Наумов В.Б., Смирнова К.М. Пределы принятия юридически значимых решений с использованием искусственного интеллекта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2021. – № 4. – С. 882–906.
3. Вашурина С.С. Влияние цифровизации на конституционные права граждан // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2024. – № 1. – С. 74–83.
4. Добробаба М.Б. Искусственный интеллект: объект или субъект права // Новеллы Конституции Российской Федерации и задачи юридической науки: материалы конф. в рамках X Москов. юрид. недели: в 5 ч. – М., 2021. – С. 301–304.
5. Куницын А.П. Право естественное. – М.: ЛКИ, 2011. – 162 с.
6. Попова А.В. К вопросу о регламентации и содержании системы правовых принципов взаимодействия человека с искусственным интеллектом, роботами и объектами робототехники // Правовое государство: теория и практика. – 2020. – № 4. – С. 64–75.
7. Талапина Э.В. Алгоритмы и искусственный интеллект сквозь призму прав человека // Журнал российского права. – 2020. – № 10. – С. 25–39.
8. Цифровизация правоприменения: поиск новых решений / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, А.А. Дорская и др.; отв. ред. Д.А. Пашенцев. – М.: Инфотропик Медиа, 2022. – 140 с.
9. Чаннов С.Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квазисубъект) права // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 12. – С. 94–109.

Поступила 28.11.2025

DIRECTIONS OF TRANSFORMATION OF THE INSTITUTE OF CONSTITUTIONAL RIGHTS AND FREEDOMS OF THE PERSON IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

I. SHAKHNOUSKAYA
(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

The author examines the digitalization of the constitutional order, particularly the institution of individual rights and freedoms. The author substantiates the need to preserve significant constitutional values and principles (priority of individual rights and freedoms, ensuring the direct effect of the Constitution, ensuring and protecting the sovereignty of the state, etc.). The impact of information technology on constitutional rights and freedoms is highlighted. The author proposes and substantiates amendments and additions to current legislation.

Keywords: digitalization, constitutional law, constitutional order, institution of constitutional rights and freedoms, principles, constitutional values.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Афанасьева Е.Ю., Примакова М.В., Матюш И.В.</i> Методика анализа эффективности деятельности организаций в сфере обращения с отходами в контексте экономики замкнутого цикла	2
<i>Бутрим А.С.</i> Методологические подходы к комплексному анализу эффективности использования лесных ресурсов (на примере Республики Беларусь)	11
<i>Varanko E., Kostuchenko E., Gaydova M., Sadigov E.</i> Business digitalization: intensifying the use of E-Marketing Tools	18
<i>Гречишкина Е.А., Васильченко А.О., Лащук И.В.</i> Исследование влияния качества управления на экономическую эффективность нефинансовых корпораций Республики Беларусь	26
<i>Деревяго М.А.</i> Анализ инновационного развития фармацевтической промышленности: алгоритм, индикаторы, результаты	34
<i>Миленин М.В.</i> Цифровой протекционизм: тенденции регулирования трансграничных цифровых потоков	42
<i>Олеся О.Ю.</i> Интегральная модель оценки эффективности бренда территории	50
<i>Рассеко Ю.Ю., Карпенко Е.М.</i> Обзор актуальных подходов к определению понятия «регион» в российской научной школе	58

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Абламейко М.С.</i> О развитии законодательства в области научно-технической деятельности	68
<i>Бань А.А.</i> Теоретико-правовые основы административной ответственности в области охраны окружающей среды	73
<i>Белякова А.В.</i> Уголовно-правовые механизмы противодействия преступлениям в сфере домашнего насилия в Республике Беларусь	79
<i>Гасанов А.П.</i> Направления совершенствования законодательства о поступлении на службу и ее прохождении в органах прокуратуры Республики Беларусь	85
<i>Дорина В.В.</i> Модель института уполномоченного по правам ребенка в Республике Беларусь	91
<i>Корень Т.А.</i> О законодательстве, регламентирующем производство по делам об урегулировании неплатежеспособности в Республике Беларусь	99
<i>Курилович М.П., Михайлова А.И.</i> Концептуальные основы формирования эколого-правовой культуры бизнеса	103
<i>Олесько С.С.</i> Переосмысление конституционных ценностей под влиянием процесса цифровизации (Часть 1)	109
<i>Раюшкин В.К.</i> Большие данные и правовые режимы сложного объекта и единой технологии	115
<i>Савицкая К.Д.</i> Производитель мультимедийного произведения: проблемы теории и практики	120
<i>Хомицевич И.Г.</i> Проблемные аспекты исполнения и отбывания наказания в виде ареста и лишения свободы в отношении несовершеннолетних в Республике Беларусь	125
<i>Шахновская И.В.</i> Направления трансформации института конституционных прав и свобод личности в условиях цифровизации	130